

"Чужое сердце"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Кирилл Клеванский

Чужое сердце

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Пролог

Сантос, 355 год Пятой эры

Добрjak

Этим вечером на улицах Сантоса, столицы Империи, было на удивление спокойно. Понятное дело, в центральных районах, где обитали богатейшие люди страны, спокойно всегда, но вот на окраине... Здесь все сложнее. Если одинокий гуляка, заплутав или по незнанию заходил в эти места, то рисковал оставить там все, даже подштаники. В случае если заходила дама, то она оставляла свою честь или оставалась сама. Вернее будет сказать, что ее «оставляли», но это уже детали.

Сегодня же все было по-другому. Свет магических фонарей лениво разгонял наползающую тьму. По тонким переулкам не шатались группки Ночников. Не слышно было и Воров. Сегодня семнадцатый день второго сезона, и этот день был праздником для всех, чья жизнь связана с богиней Хартой – покровительницей убийц, воров, пиратов и прочей криминальной шушеры. Один день в году все города, тракты и моря свободны от разбоя. Ни один вор не рисковал подрезать кошелек, ни один убийца не обнажал клинок. Даже самые отъявленные беспредельщики предпочитали привычным развлечениям посиделки в кабаках.

Так происходило и на этот раз. Среди двухэтажных домов, редко разбавляемых более массивными сородичами, не видно ни одного подопечного кровавой богини. Лишь иногда можно заметить любителей приключений. Молодым людям и девушкам казалось очень веселым занятием разодеться как можно богаче и пройтись по самому опасному месту Сантоса – улице Пяти Ям. В любой другой вечер парни остались бы в лучшем случае без одежды и денег, а девушки скрасили бы вечерок лихих людей, в худшем – прогулка закончилась бы перерезанным горлом для первых и продажей в бордель – для вторых.

Сейчас же из каждой таверны, из каждого кабака на таких вот авантюристов смотрели десятки алчно горящих глаз. Но ни один не рискнул оскорбить свою покровительницу.

По преданиям, после такого проступка Харта отворачивалась от глупца, а вместе с ней уходила и воровская удача. Сорвав большой куш во время праздника, лишь единицы доживали до конца декады. Кого резали свои, другие попадались в руки гвардейцам, а третьи погибали на деле. Короче, дураки находятся всегда и везде, но за последние пять лет ни один не рискнул поднять пики в праздник.

Так что хозяин трактира «Синий змей» был спокоен, протирая освободившийся стол. Закончив нехитрое занятие, полноватый старик еще раз осмотрел свои владения. В небольшом зале сидели около сорока разумных. И на лице каждого было буквально черным по белому

написано: «вор», «убийца», «насильник» или, что еще хуже, - «маг». Маги, служащие Харте, - это отдельный разговор. Гизмо, на старости лет, когда уже не осталось сил носиться по крышам и выслеживать добычу, заделавшийся хозяином питейного заведения, просто на дух не переносил парней с умным и пронзительным взглядом, какой обычно бывал у чародеев.

Некроманты, малефики, демонологи, отравители, черные алхимики - все они смотрели на обычных работников плаща и кинжала с легким презрением. И не сказать, что это незаслуженно. Авторитет и в обществе Ночников, и в обществе Воров завоевывается весьма просто - у кого оклад больше, тот выше по иерархической лестнице. Маги же получали за заказ от сотни до тысячи золотых. Для сравнения - на двадцать золотых крупная крестьянская семья могла прожить год. В городе на двадцать золотых жили студюзусы и при этом позволяли себе развлечения и девок. В итоге посоревноваться с такими окладами могли лишь Тени, элита Ночников. Лучшие из лучших. Эти могли получать даже больше, но вот в чем загвоздка - работали Тени тройками. Состав, как правило, был таким: два мага и воин. В общем, Гизмо, сидевший пару лет на стуле главы Воров, всегда с завистью смотрел на магов.

Трактирщик посверлил глазами спину некроманта, этих узнать несложно. Если видишь молодого человека с сальными волосами, грязными ногтями и худощавой конституцией, знай - перед тобой любитель трупов и всякой нечисти. Оставив глупое занятие, Гизмо закинул на плечо обтрепанное полотенце и вернулся за стойку. Как раз вовремя - в «Змея» забрел новый посетитель. Своим внезапным появлением он заставил всех присутствующих обратить взоры на входную дверь. Но разглядывать там было ровным счетом нечего. Средний рост, неприметное лицо, недорогая одежда, аккуратная стрижка и добродушное лицо. Так что через пару секунд посетители вернулись к своим делам: громко спорить, пить и щупать служанок. И только один Гизмо продолжал внимательно следить за посетителем. Уж он-то знал, что это за человек. Уверенным шагом обладатель чуть глуповатой физиономии и на удивление добрых глаз подошел к стойке. Единственное, что дисгармонировало с его внешностью, - гарда кинжала, на мгновение показавшаяся из-под плаща.

- Налъешь? - Голос у него оказался под стать внешности, бархатистый, почти елейный.

- Тебе как обычно? - проскрипел Гизмо.

- Да, и желательно покрепче, а то в последнее время совсем скучно.

Бывший вор, а теперь авторитетный посредник на некоторое время задумался. Подобрать такой заказ, даже для старинного знакомого, будет непросто.

- Есть на примете у меня одна «бутылочка», - протянул трактирщик. - Говорят, из графских.

- А что поставщик? - осведомился посетитель.

- Поставщик? - прищурился Гизмо. Раньше этот одиночка никогда не интересовался подобными вещами, вопрос звучал довольно подозрительно. - С ним все просто. Сам забрался повыше, чем хозяин «бутылочки», но выпивает редко, лишь когда другие средства устранить головную боль не работают.

- А как по кругляшам?

- Три.

- Что-то дешевенькая «бутылочка», а ведь из графских.

- Три тысячи.

Добряк, кстати, именно такую кличку он носил, хоть знали ее единицы, присвистнул. С такими деньгами можно и на покой уйти, а там, глядишь, свои задумки удастся в жизнь воплотить. Вот только Добряк не привык действовать нахрапом и к делу всегда подходил с особой осторожностью. Раз предлагают такую сумму, значит, чтобы откупорить такую «бутылку», придется приложить немало усилий, а уж про риск и говорить нечего.

- И на какое время рассчитана одна такая «бутылка»? – уточнил одиночка.

- Три декады у тебя есть.

- Хорошо, – кивнул посетитель и положил на стол туго набитый мешочек.

Неуловимым движением Гизмо сгреб кулек и по старой привычке повертел головой, будто опасаясь, что в любой момент руки заломит гвардеец.

- Передай поставщику – я берусь, но со стоимостью не согласен. Придется попотеть. Возможно, потребуется особое снаряжение. Пусть дня через два выдаст аванс, скажем... две сотни.

- Разумно, – согласился трактирщик. – Что ж, тогда выпьем за встречу?

- Давай, – улыбнулся Добряк.

За стойкой продолжали общаться два старых знакомых, а по улице Пяти Ям по-прежнему сновали парочки и небольшие компании. Еще один праздник Харты удался на славу. В кабаках хозяева подсчитывали барыши от проданных вина, пива, браги, медовухи и гномьей настойки. В борделях натужно скрипели кровати, а Дамы, хозяйки увеселительных заведений, организованно сплавляли клиентов к своим конкуренткам – шлюх на всех не хватало, что, если подумать, звучит довольно глупо. Но чем заняться бандиту, если нельзя «работать»?

И не только у преступников сегодня был праздник. Стражники тоже развлекались как могли, и, надо заметить, в том же самом районе, иногда даже деля этаж борделя с теми, кого они ловили вчера и будут ловить завтра.

Город спокойно готовился ко сну, еще не зная, какая тьма надвигается на позолоченные крыши дворцов.

Санкт-Петербург, наши дни

Тим

- Козел! Кобель! – Лена окончательно вышла из себя и сейчас продолжала осыпать меня самыми нелестными эпитетами и сравнениями. Эти два слова были первыми цензурными из всей речи. Лишь спустя пять минут изливания самой отборной брани она выплюнула банальное: – Чтоб ты сдох!

Захлопнулась дверь такси, и машина, сверкая мигающими шашечками, унеслась, исчезнув в ночной мгле. И чего она так взъелась? Я ей ничего не обещал, она ни о чем не спрашивала. Фактически это был просто секс без обязательств. Ну да, иногда она оставалась у меня или я у нее на несколько дней. А после этой сессии мы вообще зависали целую неделю. Но я даже

представить не мог, что она вобьет себе в голову, будто нас связывает что-то большее, чем постель. И сегодня, когда я оказался застукан с девушкой, учившейся на курсе младше, мне устроили грандиозный скандал. Были разбиты несколько кружек, запачканы обои, оказалось поцарапано лицо, причем мое, и много чего еще. Как во время этой бури Ирочка умудрилась незаметно исчезнуть, я даже не представляю, хотя с ее-то фигуркой она могла спокойно вылететь в форточку. Стоп, этот вариант можно смело отмести – в стеклопакетах форточки не предусмотрены, во всяком случае в тех, что стоят в моей двушке.

Квартира мне досталась от родителей. Решив, что в России, в частности в Питере, делать больше нечего, они укатили в Болгарию. Открыли там небольшую гостиницу и теперь раз в месяц переводят на мой счет некоторую сумму. Общаюсь я с ними каждую неделю по скайпу и благодаря современным технологиям могу завидовать бронзовому загару.

Я смахнул со лба выступивший пот и вздохнул. Белые ночи – это, пожалуй, единственное, что удерживало меня в Северной столице. Эти несколько месяцев в году, когда мы приближались к состоянию полярного дня, завораживали и приносили с собой ощущение некоего волшебства. В первые недели лета город преображался, мощные улочки приобретали мистический оттенок. Единственное «но», которое портило чудесное природное явление, – это грандиозное скопление парочек повсюду. Эти паразиты моего любимого сезона просто гадили в душу. Вот иду я по набережной, а навстречу – жмущиеся голубки. И все бы ничего, но от одного взгляда на их лица меня передергивало. На физиономиях молодых людей просто сияли нелепым светом абсолютно дебильные улыбки. Казалось, разум, забившись в угол, решил взять отпуск и оставил гомо сапиенсов, превратив их в гомо-хрен-знает-кого.

Сам я такое явление, как любовь и все с ней связанное, просто не понимал. Пытался понять, но каждый раз наткнулся на подобие стены, сложенной из кирпичиков логики и знаний. Вот и сейчас я смотрел вслед уже исчезнувшей за поворотом машине и думал, в чем же я провинился. Мне нравилось проводить время с Леной, общаться с ней, спать, но больших чувств не было, и я открыто предупреждал об этом. Но кто разберет, что творится в голове у слабого пола. Лично я точно не мог. В итоге полный облом. За это время у нас появились общие знакомые, и теперь им придется выбирать одну из сторон: либо они сочувствуют Лене, либо офигевают вместе со мной. В своих друзьях я уверен. Уж они, хоть и вечно критикуют мое отношение к «высокому чувству», всегда поддержат. В конечном счете я все равно получаю свою выгоду из такого финала: сразу станет понятно, кому можно доверять, а с кем лучше свести общение к минимуму.

Уверившись в том, что облома все-таки нет, я хлопнул себя по лбу. Облом был, и заключался он в Ире. Теперь на этом фронте мне точно ничего не светит. М-да. Фигово вышло. Конечно, таким способом я смогу прощупать свой ближний круг, но ведь придется привыкать к воздержанию. Как минимум до следующей вечеринки, когда можно будет завязать нужное знакомство.

Заиграла приятная музыка, и я не сразу понял, что это мобильник.

– Чего? – раздраженно буркнул я в микрофон.

– Нормально так... Тим, что с тобой? – не на шутку обеспокоился Артем, или Том.

С этим вечно спешащим куда-то парнем я знаком еще со школы. Как это часто бывает, мы подрались в первом классе, а после стали друзьями. Со временем нас стали называть «Тим и Том». Мы не обижались. Потом на подготовительных курсах в одиннадцатом классе к нам присоединился Никита, ставший Ником. В отличие от Артема он был спокоен и рассудителен,

а очки добавляли парню солидности. Из-за этого некоторые звали его Профессором, но исключительно за глаза. Никита очень огорчился, когда ему пытались прикрепить кличку, а его обиды вкупе с разрядом по какому-то ногопашному спорту слишком дорого обходились обидчикам.

В итоге наша компания поступила в один универ, но на разные факультеты, что, впрочем, не мешало молодым студентам отрываться. Хотя в текущем году тусовок стало значительно меньше. В основном это было связано с приближением защиты бакалаврской работы. И вот буквально пару недель назад все мы получили заветную степень. Я – по филологии, Темка стал программистом (там такое длинное наименование, что проще свести до простого и понятного «прогер»), Ник же теперь юрист. Хотя все это не так важно, все равно еще два года учиться. А потом, если не найду работу, пойду в аспирантуру.

- Длинная история.

- Понятно, – протянул старый друг и уже веселее добавил: – Ты сейчас где?

- У метро.

- Дома, что ли?

Я огляделся по сторонам. Вместо привычных пятиэтажек меня окружали деревья, а сам я стоял на утоптанной тропинке. Нормально! Это же без малого почти Обводный канал. Вот что значит «задуматься».

- Ну практически, – уклончиво ответил я.

- Не суть, – сказал Том. Он, как всегда, торопился и не мог тратить драгоценное время на разговоры. – Лови попутку и мчи в бар «ДН». Мы там.

Не дослушав моих возражений, Артем обрубил связь. Немного постояв и полюбовавшись на причудливую игру сумеречного света с тенями, отбрасываемыми густыми кронами деревьев, я достал кошелек и вытащил оттуда пятак. Настроения идти на посиделки не было, но и домой возвращаться тоже не хотелось. Так что поступил я весьма просто: один бросок монетки – и судьба решится. Эх, знал бы я, сколько всего определит это движение пальцем, развернулся бы и все-таки пошел домой. Но вот монетка взлетела в воздух, на миг застыла, заслонив собой полную луну, и упала на ладонь. Орел. Придется ехать.

Нацепив наушники, я поплелся в сторону дороги. Вообще судьба – очень хитрая штука. Неделью назад у меня порвались старые «уши», я купил другие, со звукоизоляцией, и теперь не слышал ничего, кроме музыки. А стоило бы прислушаться к происходящему вокруг. Встав на обочине, я выставил вперед правую руку с поднятым большим пальцем и принялся ждать. Если через десять минут не найдется машина, придется звонить в такси. И опять в игру вступила судьба: задул шквальный встречный ветер, и, чтобы избавиться от рези в глазах, пришлось повернуться спиной. Так я и стоял на той набережной. Сейчас мне кажется, что прошла целая вечность, но на самом деле минуло всего несколько минут. Дальнейшие воспоминания не очень-то приятны, но не упомянуть о них нельзя.

В спину что-то врезалось с невероятной силой. Я ощутил, как ломаются ноги, а потом перед глазами завертелся калейдоскоп из картинок. Вот я взлетел на добрый метр и мельком заметил модную иномарку, почти вылетевшую в воду... Вот сознание зацепилось за очертание фигуры водителя...

«Как банально», – пронеслось в голове.

Меня сбила блондинка. Время замедлилось, и я успел увидеть в ее правой руке мобильник. Еще банальнее. Потом мозг просто взорвался от боли, но все ощущения тут же отсекло. Со временем я пойму, что мне переломало позвоночник и ноги и что жить мне оставалось всего несколько секунд. Сейчас же я уставился в небо. Луна сегодня была удивительно большой и какой-то не такой. На миг мне показалось, что она живая и... подмигивает мне? Последняя картинка – черная вода, жадно распахнувшая свою пасть.

Глава 1

Печать

Гайнесское графство, 355 год Пятой эры

Тим

– Шевелись, вонючее отродье скилса! – Ози, сын графа Фрида Гайнесского, отвесил мне смачную оплеуху.

– Слушаюсь ваше сиятельство. – В который раз, до боли сжимая зубы, еле сдерживая себя, я поставил на стол перед полноватым ублюдком блюдо с фруктами и, не разгибая спины, отошел в дальний угол обеденной, где уже собрались другие слуги.

– Отец, мне нужен другой личный слуга, этот говнюк уже бесит!

Ози в прошлом сезоне стукнуло восемнадцать, но его голос все еще был высок и тонок. А вкуче с дурковатой физиономией и пальцами-сосисками он напоминал перекормленного поросенка.

Впрочем, если посмотреть на его родителей, то все сомнения в том, кем являлись предки семьи Гайнесов, отпадут. Мать – пышная дама с огненно-рыжими волосами и крупным лицом. Несмотря на невероятное количество парфюма, от нее постоянно разило потом. Сейчас, когда она ела (хотя вернее будет сказать – поглощала пищу), из огромного декольте чуть ли не вываливалось вымя, по ошибке называемое грудью. И слава здешним богам, мне не позволялось разгибаться, иначе заблевал бы всю залу.

Глава семьи тоже неплох. Если поставить рядом сыночка и мать и помножить их размеры на полтора, то получим самого графа. Редкие, вечно сальные волосы, высокий лоб и пороссячи глазки, но при всем при этом он держался как король мира. Конечно, все это показуха. Как-то раз в замок зарулил местный герцог. Он оказался полной противоположностью Гайнеса-старшего. Высокий, статный, широкоплечий, герцог вечно придерживался за эфес клинка. В каждом его движении сквозило желание растерзать глотку любому, кто осмелится встать у него на пути. Пожалуй, в другой обстановке я бы обязательно взял у него автограф, потому что, по моим представлениям, именно так должен выглядеть дворянин.

Так вот, граф Гайнесский, совсем потеряв рассудок, решил, что ему все нипочем, и нахамил герцогу, а сынишка, по слухам, облапал его дочь. Герцог уехал недовольный, а мне довелось увидеть, как гордый Фрид превращается в испуганного кабанчика, зажимающегося в угол при любом шорохе.

– Не понимаю, что тебе в нем не нравится? – пропищала графиня. При своей комплекции она обладала на удивление визгливым голосом. – И на скилса не похож – хвоста нет, чешуи тоже, разве что воняет, ну так все смерды этим страдают.

Вот гадина. На секунду я потерял самообладание и, сжав кулаки, хрустнул костяшками. Вернув подобающий слуге вид, я вновь взмолился, чтобы ни один из «благородных» не услышал этого звука. Еще одной порки мне не пережить.

- А сынок дело говорит, - встрял хозяин замка. - Отребью уже пятнадцать, выгоднее будет запечатать другого, а этого через декаду продадим на рудники.

- Спасибо, отец! - радостно вскрикнул Ози и, промокнув губы салфеткой, с ненормальной для своей комплекции скоростью выбежал вон.

Меня бросило в дрожь. Всего неделя! Это рушит все планы. Хотя - тут я слегка улыбнулся - терять мне все равно нечего. Положение личного слуги ничем не лучше рабства. По сути, оно им и является. Просто по законам Империи - одного из государств мира Ангадор, куда меня забросила судьба, - это самое рабство вроде как запрещено, но умные люди найдутся всегда. Теперь любой маг, вернее, не любой, а специальной квалификации, мог наложить на разумного Печать Верности, обрекая того на вечное служение господину телом и душой. Единственная загвоздка состояла в том, что это колдовство закреплялось лишь при обоюдном согласии слуги и господина. Но и эту букву закона можно обойти: всего-то надо подыскать глупенького деревенского паренка и пообещать ему золотые горы. А кто откажется? Не отказался и молодой Ройс, утянув за собой старшую сестру. Самое обидное - ему уже все равно, а вот у меня уже целый год сплошные проблемы.

Трапеза закончилась, и тучная семейная пара выползла из-за длиннющего дубового стола. Тут же засуетились слуги. Кто-то подметал пол. Мне это казалось совершенно глупым занятием, все равно вечером здесь состоится очередная тусовка и на следующее утро мусора будет ровно такое же количество. Не умели здешние вести себя, но об этом позже. Мне же, чтобы опять не оказаться в руках десятника, полагалось носить посуду на кухню. Схватив в руки два серебряных подноса и поставив на них три золотых кубка, я стрелой понесся в противоположное крыло. По дороге, рассматривая искусно выполненные витражи, дорогие гобелены, жадно цепляясь взглядом за магические светильники, я в который раз вспоминал все, что со мной произошло, и просчитывал то, что должно произойти.

Год назад я очнулся в палате здешнего лекаря, точнее, заштатного травника, окончившего лишь первый курс магического универа. Когда солнце резануло по глазам, я - на мгновение для данного мира и на целых четырнадцать лет для себя - выпал из реальности. В голове пронеслись все воспоминания молодого сироты по имени Ройс. Жил этот паренек со своей сестрой в деревушке Чистые Ключи на окраине графства. С восьми лет пахал и сеял, охотился, иногда подрабатывал в трактире. Но, несмотря на столь тяжелые условия, паренек никогда не унывал, он жил только ради своей сестренки. Жейла была старше мальчугана на четыре года и занималась работой по дому. После смерти родителей, которых забрала лихорадка, она мало выходила на улицу. В сердце девушки поселился страх, она до жути боялась так же слечь и погибнуть в мучениях.

Так они и жили. Но наступила десятая для Ройса зима, принесшая с собой ужасные заморозки. Промерзшая земля не дала вообще никакого урожая, отложенные деньги быстро закончились, а трактир разнесла гуляющая дружина графа. Дети оказались на грани смерти, но и тут Ройс не сплеховал, во всяком случае так казалось ему самому. Собрав нехитрые пожитки и кое-как вытащив Жейлу из хибарки, он отправился в замок. Там его встретил Ози, показавшийся тогда парнем очень добродушным и понимающим. Маленький крестьянин даже и представить не мог, что это обычная маска, которую молодой граф нацепил, чтобы добиться расположения Жейлы, той еще красавицы. Уже в четырнадцать лет она могла дать фору многим дворянкам. Коса толщиной с кулак, тоненькая талия, длинные ноги, пышная грудь и удивительно нежная

кожа. Графский сынок возжелал эту красотку с первых секунд встречи, именно поэтому он приютил парочку в замке. И через сезон Ройс получил печать личного слуги, не подозревая о том, что превратился в раба. Впрочем, обращались с ним на удивление хорошо. И однажды мальчуган узнал причину этой доброты.

Возвращаясь с работ из конюшни, он заметил, как четыре пьяных дворянина домогаются его сестренки. Главным среди подонков был сам Ози. Я уважаю Ройса, хоть и сам его убил: будучи еще ребенком, он не испугался и, схватив подсвечник, ринулся на защиту сестренки. Увы, печать спасла дворянского ублюдка от смерти. Пьяный Ози поведал своему рабу, почему с ним так хорошо обращались на протяжении трех лет. За спокойствие мальчугана Жейла расплачивалась своим телом. И тогда Ройс вспомнил все слезы сестренки, ее синяки и ссадины. Не имея возможности что-либо сделать, он только лежал, придавленный магическими путами, и плакал. А его сестренка улыбнулась и, попросив не волноваться, ушла в спальню с графским сынком и его приятелями. Ройс лежал до самого рассвета, слушая крики и стоны, захлебываясь собственными рыданиями. Через два дня Жейла перерезала себе горло. И я не мог ее винить за это. Жизнь на Ангадоре страшнее и жестче, чем на Земле, и нетрудно представить, что с девушкой сделали за ночь четыре парня, которым в мозг ударили гормоны и алкоголь.

После этого случая жизнь личного слуги превратилась в ад, и он решился на страшный шаг. Пошел на речку и попытался утопиться, но печать не позволила совершить самоубийство без дозволения хозяина. Ройс выжил, а по пути подцепил меня. Сейчас я вижу некоторую связь между происшествием на набережной и тем фактом, что я подселился к пареньку в реке. Собственно, эту связь только идиот не заметит.

Едва в голове, тогда еще не моей, уложились воспоминания о двух жизнях, пришло время драки, драки за тело. Очень сложно подобрать слова, чтобы описать, что же произошло. По сути, мы сражались где-то глубоко внутри общего сознания. Мы рвали, резали и сжигали друг друга, но в итоге выжил я. Возможно, благодаря тому, что жить я хотел куда сильнее этого разбитого жизнью паренька. А возможно, потому что моих воспоминаний оказалось больше, ведь жил я на целых семь лет дольше. Но итог один – Ройс погиб, а я выжил и уже год пребываю в теле этого парня.

Через сезон (здесь год делится на четырнадцать сезонов, в каждом из которых двадцать четыре дня) я вырыл ямку на поле и, положив туда гребешок, подаренный Ройсу сестрой, соорудил небольшую могилку. Так я пытался хоть как-то успокоить тогда еще живую совесть. Впрочем, совсем скоро это ненужное чувство полностью отмерло. Этот мир жесток, и в нем все решает сила. И пусть тот, кто станет утверждать обратное, проглотит свой лживый язык. Можно, конечно, покопаться и что-то выкнуть насчет денег, власти и прочей ерунды, но если упростить, то получим силу. И я стал искать ее в себе. Увы, безуспешно: пока существует печать, свободы мне не видать.

Хотя лазейка была. Печать влияла на душу и на тело, но душа заменилась, как и сознание. Теперь я могу делать то, что посчитаю нужным, заклинание не помешает. Но отследить меня по нему все еще удастся, поэтому бежать можно лишь после смерти Ози. Это знание о некоторой свободе действий дорого мне обошлось. Когда я два раза якобы случайно оцарапал этому подонку лицо, мне всыпали по десять плетей. До сих пор в ушах стоит свист падающего кнута и преследует ощущение, словно со спины снимают кожу вместе с мускулами. На третий раз мне сломали восемь ребер. Это случилось полгода назад, и прошло только две декады, как я восстановился. Но время не было потрачено зря, эти семь сезонов я учился. Подсматривая из окна комнаты для слуг за тренировками воинов, я пытался повторять их действия. Увы, пришлось бросить это бесполезное занятие. Нарастить мышцы я не мог – мешали

срастающиеся ребра, поэтому глупо было пытаться размахивать ножкой стула, заменившей меч.

Учитывая все эти факторы, я пришел к простому выводу: где не взять мечом, обычно берут ядом. Две попытки отравить молодого графа закончились смертью двух служанок и полным крахом для меня. К этому времени я забыл, что такое совесть и забота о ближнем. Моя цель проста – убить засранца и бежать. О том, чем буду заниматься потом, я пока не думал, но скорее всего вступлю в армию императора. Там меня обучат владению мечом, а также я смогу немного подзаработать. Геройствовать я не собирался, а уж как-нибудь отлежаться на поле боя, так, чтобы не растерять свои кишки и чтобы начальство не распознало дезертира, я сумею.

Пораскинув мозгами, на работу которых никогда не жаловался, я взял в руки старый кинжал, подобранный на плацу, и стал учиться. Каждую свободную минутку, почти без сна и отдыха, я тренировал владение этим оружием, попутно развивая тело. И раз уж физические нагрузки противопоказаны, я стал заниматься растяжкой и координацией. И в этом мне помогла память, ставшая единственным бонусом, полученным благодаря такому перемещению. С серым веществом в черепе что-то произошло... не знаю, может, там тумблеры какие переключились, но теперь я помнил почти все из прошлой жизни. Исключение составляли такие детали, как запахи и ощущения. Также я не запоминал, например, сколько листьев на дереве, но вот все остальное... В общем, спасибо земным паркуристам и гимнастам, выкладывающим свои ролики в Интернет. Нет, за несколько сезонов я даже близко не подобрался к их уровню, но получил хоть приблизительное представление о том, какие надо выполнять упражнения. Кстати, сейчас я дико сожалел о том, что почти не прочел учебников или другой полезной литературы. Сейчас, возможно, пошел бы по стопам других попаданцев и занялся прогрессорством, но, увы и ах, все мои познания в узкоспециализированных областях начинались с поваренной книги и заканчивались брошюрой «Раскладка палатки для чайников».

- Не зевай! – крикнула повариха, и я еле увернулся от черпака, летящего в мою физиономию.

- Шина, да ты совсем из ума выжила! – обиделся я. – Чуть не убила.

- А тебе какая разница, – пожалала плечами она. – Все равно через сезон подохнешь. В каменоломнях долго не живут.

И с этим нельзя не согласиться. В демоновых каменоломнях, по слухам, битые жизнью мужики больше года не тянут, что уж говорить о том организме, который достался мне.

Махнув рукой, я схватил яблоко, увернулся от скалки и побежал работать. Сейчас нельзя позволить кому-то прознать о моих планах, следовательно, стоит поддерживать игру еще пять дней. Этого времени хватит на подготовку, а там либо я, либо меня. Желательно, чтобы первое. К вечеру я полностью выбился из сил. Лишь благодаря упорству и какому-то внутреннему стержню выполнил получасовую тренировку и мешком рухнул на каменный пол, где и заснул.

На следующее утро, сжав зубы, я спустился в конюшню и, схватив пару тычков от конюха, принялся вычищать стойла. Сегодня пройдет первый этап, и от него зависит успех всей кампании. Взяв ведро и лопату, я отправился выгрести навоз из первого загона. Там стояла пятнистая кобылка очень спокойного нрава и с добрыми глазами. Старина Ройс частенько навещался к ней, используя животное в качестве жилетки, и винить его в этом я не мог. Единственная проблема заключалась в том, что кобыла любила паренька, и это замечали все слуги, а вот ко мне относилась пренебрежительно, будто чувствовала, что я – не он. Так что сейчас, накладывая пахучие экскременты в проржавевшее ведро, я краем глаза следил за

животиной, дабы быть готовым к любой ее выходке.

В прошлый раз, прозевав момент, я был вынужден целый час отмываться. Кобыла тюкнула по ведру, опрокинув на меня продукты своей жизнедеятельности. Мне до сих пор иногда чудится отвратительное зловоние. Но сегодня без ее помощи не обойтись. Целых два сезона я мучил это создание, и теперь каждое утро меня ждала какая-нибудь пакость от когда-то тихой лошадки. Сделано это было для того, дабы все поверили, что пятнистая кобыла реально может зашибить меня.

Достав из кармана холщовых штанов длинную спицу, я с расстояния четыре шага сделал точный бросок. Железка угодила прямо в круп животного. Лошадь протяжно заржала и встала на дыбы. Конюшенные сбежали на шум, и как раз вовремя. Кобыла вдруг развернулась. В ее налившихся кровью глазах читалась моя смерть. Перехватив древко лопаты поудобнее, я приготовился к самому страшному. Противница, фыркнув, подражая быку, ринулась в лобовую атаку. Я не сделал ни шага в сторону.

- Беги, засранец! Беги! - надрывался главный конюх.

Время замедлилось. Я видел, как вылетает земля из-под ног кобылы, заметил, как перепрыгивают через барьер мужики. Если в лекарской палате очнусь позже чем надо, то второго такого шанса не будет. Как-то неудобно оставлять свою судьбу на волю случая, но я теперь уже не отличал первое от второго, и поэтому, сделав шаг назад, якобы споткнулся и выронил лопату. Возникшее ощущение в области грудной клетки напомнило мне о несчастном случае, произошедшем в другом мире. Разве что в этот раз удар был в десятки раз слабее. Вот только сознание я удержать так и не смог...

Добряк

- Твою ж мать! - выругался убийца.

Сегодня последний день, когда еще можно откупорить «бутылочку». Но поставщик в последний момент сменил цель, и теперь вместо пузатенькой «бутылки» придется ковырять меньшую емкость. Поднеся к глазам дорогуший артефакт с заклинанием «соколиный взор», Добряк осмотрел замок. Крепкая стена высотой под четыре метра и шириной около двух. Для осады не предназначена, стоит лишь для виду. Оно и понятно: если уж враг доберется до сердца Империи, то никакие стены не остановят такого противника. Это только в приграничье можно встретить крепости-гиганты, а здесь таких нет. И это не могло не радовать Тень-одиночку. Взглянув на небо, где ярко горела алая звезда Харты, старый убийца произвел нехитрый обряд - облил изогнутые кинжалы кровью и прочитал молитву. Теперь можно идти на дело.

- Аркх! - согнулся он в приступе кашля.

В очередной раз грязно выругавшись, Тень снял с пояса маленькую емкость, похожую на пробирку алхимиков, и залпом проглотил оранжевое зелье. Добряк был уже стар, в свои семьдесят он держался на одних эликсирах, иногда тратя на них целых две трети гонорара. И сегодня он пойдет на дело в последний раз. Трех тысяч вполне хватит, чтобы исполнить волю его рода, согласно которой он должен передать свое искусство потомку. Отсутствие детей Тень не смущало - за сезон он найдет себе достойного ученика и усыновит его. Такая практика весьма распространена среди убийц из его рода. Мало кто рисковал заводить семью да и вообще обзаводиться какими-либо связями. Слишком уж это опасно.

На стене моргнул факел, и между зубцами вновь воцарилась тьма.

«Смена караула», – подумалось убийце.

По полю заскользил одинокий силуэт. Добряк был перестраховщиком, он мог и в полдень спрятаться на площади, но в этот раз старику захотелось сделать все честь по чести, чтобы не оставалось ни единого шанса провалить дело. Впрочем, первый же внимательный осмотр стены заставил усмехнуться «любителя выпить». По таким трещинам и выбоинам даже тяжелый пехотинец в полном доспехе поднимется. Зажав старший кинжал в зубах, Добряк стал взбираться. Но даже эта кажущаяся легкой стена не заставила его утратить бдительность. В любой момент он был готов затаиться и замедлить ритм сердца. И один раз ему пришлось так поступить. Какому-то стражнику, пришедшему слишком рано на смену, взбрело в голову отлить, и он решил сделать это прямо со стены. Слава Харте, ни одна капля не попала на плащ Тени. Иначе вояка так просто бы не умер.

Загоня лезвие в основание черепа, убийца уверился в том, что расслабляться нельзя никогда. Две декады наблюдений, составление графиков смены караула и передвижения слуг – и вот дело чуть не загубил шут-случай. Звеня бубенчиками и показывая язык, выкинул нехитрый финт. В замке шла пирушка, и хозяину взбрело в голову выкатить во двор несколько бочек с дерьмовым вином. В итоге пьяные стражники и слуги сновали туда-сюда, а около ворот скопилось немалое количество карет. Дворяне спешили на вечеринку, вернее, они торопились пожрать на халяву, заключить пару-тройку союзов, организовать несколько заговоров, помахать на дуэли, повалить чужих служанок (свои-то приелись уже), ну и найти подходящую партию своим чадам.

Аккуратно уложив еще теплое тело на карниз, Добряк начал вести отсчет. Караул меняется каждые сорок минут, а убийца уже промотал целых полторы. Обругав себя самыми последними словами, потомок сгинувшего рода нашел глазами лестницу и так же незаметно спустился вниз и скрылся в тени стены. Перед взором незваного гостя предстал сам замок. Пять шпилей говорили о том, что это сооружение рассчитано на три тысячи жителей, вот только не было видно дополнительных казарм, а в конюшнях стояло лишь несколько животных. Добряк усмехнулся. Хозяин явно не имеет никакого отношения к воинскому делу. И скорее всего даже не посылает свою дружину на ратные подвиги, просто передает в канцелярию нужную сумму – имеет право.

Наверняка от этого страдают окрестные деревеньки. Тень не сомневался, что туда часто навеваются эти солдатики. Сплюнув, Добряк, застывая при каждом шорохе и таясь, заспешил к западному крылу. Там на третьем уровне находилось окно, ведущее в покои «младшей бутылочки». Подойдя вплотную к крылу, убийца расслышал далекие голоса. В зале все еще гремели здравицы, а вот по комнаткам уже расползались парочки.

«Самое время», – подумал Добряк.

Стены замка оказались в таком же состоянии, что и крепостные. Уже через пять минут он оказался в покоях паренька по имени Ози. В большой комнате помимо огромной кровати стояли пустой книжный шкаф и столик, заставленный разнообразными склянками и флакончиками. Убийцу передернуло. Немудрено, если клиент окажется презренным мужеложцем: такое количество парфюма не у всякой леди увидишь. Еще раз окинув взглядом помещение, Тень стал выбирать позицию. По его подсчетам, всего через пару минут здесь окажется цель, причем не одна.

В первую очередь Добряк заинтересовался балдахинном, но с виду крепкая площадка почему-то

не вызвала у профессионала доверия. Так что недолго думая Тень завернулся в свой артефактный плащ и затаился в восточном углу, самом темном. Привычно замедлив биение сердца и ослабив дыхание, смертельно опасный посетитель стал ждать.

Тим

Как и было задумано, очнулся я в палате лекаря. За окном уже сгущались сумерки, а в распахнутые ворота въезжали кареты. Именно по этим нехитрым средствам передвижения любой знающий человек сможет многое сказать о владельце. Вот, например, сейчас лакеи побежали к карете. Она небольшая, но размерами легко обмануться. Дверцы обиты бархатом, поверх которого виднеются золотые накладки, рессоры – из восточного дерева. В нашем (мать его, я уже «в нашем» говорю – верный признак того, что пора делать ноги) замке было всего одно креслице из того же материала, и, по слухам, его стоимость превышала месячное содержание всего гарнизона, а это около двух сотен, если не больше. Один быстрый взгляд на лошадок, четырех породистых жеребцов, – и я уже понимаю, что к нам заявился кто-то из виконтов. Скорее всего сынок одного из безземельных герцогов.

Тут с этими дворянскими титулами вообще беда. Я-то, наивный, всегда предполагал, что безземельные дворяне – в основном барончики, но здесь титулы распределялись очень странно. Это связано с тем, что когда-то Империя была огромной страной, объединившей под своим началом десятки стран поменьше. Теперь же, спустя добрую тысячу лет, ее территория уменьшилась в разы. В итоге землей обладали не все, а вот титулами – пожалуйста. Правда, и здесь есть свои подводные камни. Ну не может человек жить без соперничества, поэтому благородные поступили весьма просто: друг перед другом они кичатся не громким званием, а родом. Всего в землях Империи существует пять родов, у каждого из которых есть по семье (это что-то вроде побочной ветви; в семью могли принять даже смерда за особые заслуги). Говорят, когда-то был и шестой род, но его вырезали под корень еще четыре столетия назад. В голове Ройса информации по этому поводу – с гулькиной нос. Единственное, о чем хоть как-то можно догадаться, – шестой род был местным «выродком». Якобы в него входили одни черные колдуны и убийцы. Уж не знаю, сколько в этом правды, но некоторые здешние «благородные» вполне достойны немедленной казни... Хотя ни одного потомка какого-либо из родов я пока еще не видел. Не то положение у графа, чтобы на его тусовки заезжали такие гости.

Впрочем, что-то я совсем расслабился. Первый этап прошел как по маслу, но это не значит, что можно вздохнуть с облегчением. Осмотрев повязки на груди, я попробовал пошевелить рукой. Получилось. Но если сильно напрячь мышцы, тело взрывается болью. Все-таки я не до конца восстановился, а тут кобыла еще добавила. Ну ничего, игра стоит свеч. Выбравшись из местного медпункта, я направился на третий этаж. Миновав лестницу, чуть не столкнулся с одним из стражников. Волей судьбы тот напился в хлам и теперь рыскал по длинным замковым коридором в поисках доступной служанки.

Благо между нами оказалась неосвященная ниша, куда я и нырнул. Самое обидное, что если бы я вшил в штаны не одну иглу (ту, что предназначена для графского сынка), а две, этого охламона можно было бы завалить. Не зря же я тренировался, постоянно вызываясь резать кур, свиней и прочую живность. Поначалу было очень сложно, первая свинка целую неделю снилась. А потом что-то внутри надломилось, хотя вернее сказать – отключилось. И теперь я почти уверен, что если смогу обосновать для себя необходимость того или иного поступка, то никакая мораль, вбитая в голову на Земле, меня не остановит. Так что сейчас я со всех сторон рассмотрел возможность завалить солдата голыми руками. Главный аргумент «за» – отведу от себя подозрения хотя бы на пару часов, поскольку никому не придет в голову, что подобное мог совершить доходяга Ройс. Этого времени вполне хватит, чтобы сплавиться вниз по речке.

Главный минус – как я порешу здорового мужика, будучи в этом дистрофичном тельце? Именно поэтому насвистывающий нехитрую мелодию стражник сейчас скрылся за поворотом.

Все еще сидя в нише, я стянул с себя штаны и зубами распорол длинный дополнительный шов. В руку легла холодная металлическая игла сантиметров пятнадцать длиной. Вообще так называемая игла – это обработанная и заточенная дверная скоба. Но лучшего оружия раздобыть не смог. В самом деле, не с ржавым же кинжалом мне ночами разгуливать? Да и сломался он еще пару декад назад.

Пять минут ползания по коридору, несколько ссадин, изодранная рубаха – и вот я уже у дверей опочивальни маленького поросенка. Не стану скрывать – называл я его так, лишь бы усилить ассоциацию с тем существом, которое убивать мне уже было привычно. Я до сих пор опасаясь, что в последний момент может дрогнуть рука. Сердце бешено стучало. Я даже сам не понял, зачем играл в диверсанта и полз по стеночке, все равно народу здесь нет. Нервы ни к черту. Но спасибо домашней скотине и неумному аппетиту графской семьи – я научился подавлять подобные признаки беспокойства. Напрягая мышцы, сделал несколько глубоких вдохов, а потом, расслабляясь, зараз выдохнул через нос. Дрожь отступила, сознание прояснилось, сердце успокоилось. По-особому придерживая дверную ручку, я тенью проскользнул в опочивальню.

Уже буквально на финишной прямой. Осталось сделать всего пару шажков – и стану свободен. Воровато оглядевшись, я не нашел ничего лучше, кроме как забраться на балдахин. Прижав к груди иглу, которой выпала честь стать золотым ключиком, ведущим меня прочь из этого ада, я подумал о том, что впервые в жизни вообще что-то планирую. Раньше я жил одним днем, редко думал о дне завтрашнем... да что там врать, никогда не думал. А сейчас я хладнокровно просчитал ситуацию. Попасть в лазарет надо было для того, чтобы меня не стали искать. Когда обнаружат тело Ози, людям графа лишь спустя некоторое время придет в голову проверить, как там личный слуга. Игла тоже нужна не просто так. По слухам (а все мои выводы основывались на слухах – Ройс был очень уж нелюбознательным пареньком), такое оружие убийцам вручали обиженные девушки для выполнения заказа. А графский подонок, пользуясь своим, как ему казалось, высоким положением, часто валял не вышедших титулом дворянок.

Ну и последнее – сегодня на псарне произойдет пожар. Конечно, собачек жаль, но если их пустят по следу, то скрыться будет сложно. Благодаря телеканалу «Дискавери» я в курсе того, что даже форсирование реки не спасет от ищеек. Ах да, забыл упомянуть – в замке есть два мага. Сегодня утром за завтраком я им подсыпал один порошок. Пришлось повозиться, чтобы раздобыть его, но, думаю, сейчас эти два чародея не слезают с горшка, а завтра у них так прихватит голову, что думать они будут только о гильотине или топоре.

Самокопание было прервано ощущением того, что в комнату кто-то проник. Я не решился сдвинуться с места, списав все на прорывающее волнение. Ведь вряд ли Ози заявился бы сюда один. И уж точно он бы не стал таиться, а, как всегда, начал громко сопеть, бессвязно бормотать, грохнув что-нибудь по дороге. Именно так он себя вел, когда напивался. Впрочем, осталось лишь ждать.

Добрjak

Он уже начал скучать. По времени выходило, что через двадцать минут произойдет смена караула, и тогда в замке поднимется паника. В принципе «выпить бутылочку» можно будет и при таких обстоятельствах, но как не хотелось завершать карьеру на подобной ноте! Тень хотел сделать все чисто, дабы было что рассказать будущему ученику.

«Да, ученик...» Мысли о том, что совсем скоро он передаст знания кому-то другому и уйдет на круг перерождения, с одной стороны, грела, а с другой...

Убийца не знал, что такое страх, но мысли о скорой смерти что-то подтачивали в нем. Наверное, он опасался неизвестности.

«Пожалуй, стоит побеседовать с некромантами», – решил для себя потомок изведенного рода.

Только глупцы полагают, будто святоши знают о том, что происходит за чертой. Некроманты – вот те разумные, которые смогут дать пару советов и ответить на несколько вопросов. Именно они и никто другой. Кто еще так близок со смертью, разве что не спит с ней? А святоши – это просто ходячие винные бочки, старающиеся забить кошельки монетами доверчивых прихожан. Иногда, проходя мимо храмов, Добряк с отвращением смотрел на этих господ. Он сравнивал их со стадом, покорно идущим на убой. Давно минули религиозные войны, уже несколько тысяч лет храмовники не сражаются за своих богов. Да что там говорить – на магов, открывших душу темным искусствам, даже инквизиции нет. Но, как говорится, осадок остался. Ведь именно из-за храмовников почти пять веков назад был уничтожен его род. От этих мыслей Добряк сильнее сжал кинжал.

Скрип двери избавил Тень от гнетущего настроения. Добыча попала в капкан.

- Я не могу... это неправильно, – шептала девушка.

- Не бойся, – утешал ее молодой граф. – Это будет совсем не больно, я обещаю.

Добряка передернуло. Это же надо так напиться, причем обоим. Леди была уродлива не в меру: кривой нос, заячьи зубы, чуть ли не впалая грудь. И «бутылка» скорее была круглым бочонком. Разве что рясы нет.

От дальнейшего процесса выдавшего виды убийцу чуть не вывернуло наизнанку. Даже балаган уродов по сравнению с этим был императорской выставкой живописи. Слава Харте, толстяка хватило лишь на один круг, второго раунда психика нормального человека не перенесла бы. Тень тихонько приподнялся и двинулся к кровати, где уже сопела колоритная парочка. И тут с балдахина кто-то легко спрыгнул.

«Не может быть!» – восхитился Добряк.

Он трижды сканировал комнату и постоянно держал обстановку под контролем, но так и не обнаружил этого молодого паренька.

«Совсем стар стал», – мысленно вздохнул убийца.

По правилам нужно было прирезать этого хлюпика, а потом кончать «бутылку» и, вырезав глаза, валить с подтверждением к Гизмо. Но Тень решил подождать. Возможно, именно сейчас он видит перед собой будущего ученика. Высокий, но очень тощий парнишка с длинными волосами уверенным движением отдернул одеяло. В его руке сверкнула игла. Добряк опять восхитился: сердце юноши не дрожало, его дыхание было спокойно. Но тут что-то скрипнуло. Парень отступил назад, его рука задрожала, он явно упускал момент.

Сперва Добряк решил, что мальчишка струхнул, но потом заметил, что тот в упор смотрит на дурнушку.

«Все ясно», – решил убийца, когда взглянул на дистрофика через артефакт истинного зрения.

Пацан оказался личным слугой с поломанной печатью. И, надо отдать должное, решил избавиться от нее самым радикальным способом, но в последний момент испугался, что придется валить еще и девушку. Тень выдвинул руку с кинжалом, намереваясь решить проблему с несостоявшимся учеником, но тут парень вопреки всем ожиданиям вернул нужное состояние и сделал шаг вперед. Раздался протяжный скрип.

- Что ты тут делаешь?! - завизжал проснувшийся толстяк.

- Идиот! - взревел Добряк.

Пацан обернулся и уставился на убийцу извиняющимся взглядом. Дальнейшее для мальчишки, Ози и дурнушки слилось в единую неразличимую цепь событий. Вот размазался незнакомец, превратившись в черную молнию. Упал на пол бывший раб, скошенный одним точным, но не смертельным ударом в висок. Всклинула девушка: из ее лба торчала игла, недавно сжимаемая нерешительным пацаном. А Ози даже не успел позвать на помощь: его глаза уже покоились в руке Добряка, а душа отправилась перерождаться. Все это произошло лишь за мгновение.

Тень взглянул в болезненное лицо лежащего на полу мальчика.

- И что мне с тобой делать? - обронил убийца.

Вздыхнув, он обнажил младший кинжал и наклонился к еще дышащему телу. И тут облака расступились, свет полной луны отразился в лезвии занесенного кинжала, на миг ослепив Добряка. Он взглянул в окно, но ночное светило вновь скрылось за тучами.

- Понял, не дурак, - кивнул убийца и взвалил на плечи пацана. Весил тот не больше перышка. - Вот тебе и последнее дело. Ушел, демоны меня загрызи, красиво. Ну хоть ученика искать уже не надо.

Замок Тень покинул так же незаметно, как и появился в нем.

На следующее утро Фрид, обнаружив убитого сына, чуть не лишился рассудка от горя. Впрочем, через два часа его заколола кинжалом собственная жена, обвинив в смерти кровинки, после чего тучная графиня выпрыгнула из окна. Всего за два дня замок был разорен. Что-то забрали слуги, разбегаясь кто куда, но основные ценности вынесли солдаты. Уже через неделю соседи растерзали графство на кусочки. Хотя самые плодородные земли отошли императору, у которого по случайному стечению обстоятельств в друзьях оказался один герцог, очень не любивший «выпивать», но знавший толк в том, как это правильно делать.

Глава 2

Первые шаги

Тим

Зима прошла, наступил четвертый сезон, принесший с собой дыхание весны. Я лежал на холме и, зажмурившись, полностью отдавался во власть рая, наступавшего в это время на Ангадоре. Третью декаду светило солнышко и зеленела природа, но все еще дул прохладный ветерок. Эти десять дней я был недоступен для истязаний учителя. Бесконечные тренировки больше не волновали, как и наставления старого мастера. Все, чем я занимался, - празднично валялся на любимом холме. С него открывался потрясающий вид. Далеко на севере виднелись величественные горы, прячущие свои пики где-то в облаках. На западе, если постараться,

можно заметить полоску торгового тракта. Сейчас там очень оживленно. Торговцы, ловя момент, пытаются провезти как можно больше товара, ну и бандиты тоже не зевают.

С востока на меня смотрит с небольшой ноткой укора тысячетный лес. Мы частенько тренировались там с Добряком. И именно там я занимался чем-то вроде паркура, используя вместо арматур и зданий разлапистые деревья. Прыгая с ветки на ветку, подражая скорее макаке, чем трюкачу, я вызывал у учителя презрительную усмешку: мол, занимается юный падаван всякой фигней.

Ну а на юге... На юге за долиной стояли деревушки, там заканчивалась власть природы и начиналась цивилизация. За пять лет жизни на севере Империи я уже отвык от человеческого общества. Добряк не отпускал меня одного из дома дальше этого самого холма. Но я не жаловался. После того года, показавшегося мне целой вечностью, я и не стремился возвращаться в лоно социума. Там нужно будет спешить, что-то делать, а здесь я могу расслабиться. Здесь все идет своим чередом.

Пять лет назад я очнулся в лесу, а передо мной стоял человек, завернутый в черный плащ. Он протянул мне кружку с отваром – до сих пор помню этот странноватый металлический привкус – и предложил выпить. Когда же я спросил, зачем это, он ответил, что либо я пью и становлюсь его учеником, либо секир-башка. Думал я недолго, да и пить хотелось. А потом начался кошмар... Ладно, вру, первые семь сезонов был реально кошмар, а дальше втянулся.

Первые два сезона мы провели в дороге. В это время Добряк занялся моей физической подготовкой, гонял только так. Иногда мне казалось, что он сущий демон и раздвигает часовые рамки от привычных двадцати четырех часов до всех сорока. Когда же мы добрались до ставших родными мест, пришлось помогать учителю в строительстве. Был воздвигнут небольшой дом, скорее даже маленький – две комнаты и склад, где хранились инструменты и оружие. Еще имелся погреб. Затем возвели мини-плац, построили хитрые тренажеры – например, «Малыш Боб», так я его называл. Человекоподобная деревяха со сложной системой рычагов и веревок приводилась в движение колесом. И чем быстрее Добряк крутил эту чертову баранку, тем быстрее вертелся «Бобби». Остановить его можно, лишь засадив кинжал в одну из восьми точек, а поскольку те были размером с грецкий орех, сделать это весьма непросто.

Но и это еще не все. В первый год мне пришлось целых три сезона проходить с привязанной к телу правой рукой. Я ел левой, дрался левой, отжимался, подтягивался, разминался... короче, вот это далось реально нелегко. Зато сейчас я управляюсь обеими клешнями приблизительно на одном уровне. Да и в доме за пять лет мы отточевали в общей сложности хорошо если четыре сезона. Каждый вечер перед сном мы заново устраивали кострище (ведь старое после завтрака приходилось тщательно маскировать, заматаывая следы от неведомой погони), я заново таскал ветки и листья для постели, но все это с лихвой компенсировалось. Умом я понимал – такие тренировки необходимы. Все же Добряк был убийцей, и я не строил иллюзий по поводу того, какое именно искусство он в меня вколачивает. Навыки заметания следов, чтение леса и привычка спать под открытым небом просто необходимы. Впрочем, я бы, несомненно, опустил руки от такой жизни, если бы не сам учитель. Всякий раз, сидя у костра, он рассказывал мне истории об этом мире. А я как мальчишка сидел с разинутым ртом и представлял себе удивительные страны и величественные города.

Оказалось, что я таки попал в банальный фэнтезийный мир. Здесь были гномы, живущие в своих горах и имеющие торговые точки в крупнейших городах мира. И, как обычно, они были коренастыми, мускулистыми, носили бороды и обожали выпивку. В лесах, далеко на западе, обитали эльфы. Вспоминая о них, Добряк постоянно сплевывал через плечо. Когда я спрашивал, отчего такое отношение, он только пожимал плечами и отмахивался, оставляя мне

возможность все разузнать самому. А еще в южных морях существуют острова дреу, или темных эльфов, самоназвание у них такое, что даже мой филологически заточенный язык не может выговорить. Обладали они темной кожей и кошачьими зрачками.

В степях, как это ни удивительно, обитали племена орков. Вот только вместо привычной зеленой кожи имели красную, с багровыми отливами. А когда учитель рассказывал об этом воинственном народе, то постоянно хватался за кинжалы и воровато оглядывался. Но от моих вопросов все так же отмахивался. И я был за это признателен. Благодаря этим историям про дальние земли и народы, про удивительной красоты леса и дворцы, про Великую долину, где в небесной синеве летают (!) острова, я захотел жить. Захотел увидеть все собственными глазами и поэтому усердно тренировался, чтобы стать сильнее.

Иллюзий я не строил. Даже сейчас я побеждал лишь в двух схватках из десяти, и это учитывая тот факт, что учитель уже староват. Правда, в овладении двумя саблями я продвинулся чуть дальше, чем в кинжальном ремесле. Вот и сейчас рядом со мной лежали две изогнутые сабли, одна шестьдесят сантиметров, вторая полметра. Ими я уже неплохо фехтовал и в схватке с наставником оставлял за собой шесть из десяти.

За все эти пять лет Добряк ни разу не спросил о моем прошлом, и за это ему огромное спасибо. Я еще на Земле прочел пару поповых книжек в стиле «наши – там» и всегда удивлялся – ну на кой черт рассказывать о том, что ты из другого мира? Чтобы тебя потом отловили и препарировали, как лягушку? Ну уж нет, увольте, эту тайну я не открою никому и никогда. Кстати, насчет попсы и клише. Около года назад выяснилось, что малыш Ройс обладал магическим даром.

Вечером мы, как всегда, сидели у костра, и Добряк обучал меня приготовлению различных зелий. В основном он преподавал науку о ядах и противоядиях, и сейчас я ведал около сотни тех и других. Иногда он показывал, как сделать и иные зелья, например, отвар «Ночная кошка». По названию нетрудно догадаться, что, выпив эту отраву с привкусом старых клопов, можно несколько часов видеть в темноте. Всего таких «напитков» я мог приготовить около десяти, но не суть.

Сидели мы, никого не трогали, и неожиданно на соседней опушке появился некто. Я опоздал с обнаружением чужака всего на долю секунды, но Добряк уже исчез, а через минуту притащил за волосы какого-то парнишку. Тот, с заломанными руками и расплывающимся фингалом под глазом, поведал нам свою нехитрую историю. Мол, так и так, будучи учеником Академии, решил порыться в музее и наткнулся на древний артефакт. Повозился с настройками и портанулся хрен знает куда. Клятвенно заверив нас, что не станет нападать (ну да, в таком состоянии и с ножом у горла ему только о нападении и думать), он без спроса набросился на наши шашлыки из зайчатины. А на следующее утро подошел ко мне и поинтересовался, какого демона я тут делаю. Заметив, что я не догоняю суть вопроса, он сообщил, что я обладаю зачатками дара и могу спокойно отправляться в Академию.

Вы хоть можете представить мою реакцию? Ну ладно, сперва я скривился от такого банального поворота сюжета. Как же – попаданец и маг, бред ведь. Но потом, секунду спустя, я вспомнил все компьютерные игры, книги и фильмы, где присутствовала магия, и представил себя на месте главных героев. Я уже возомнил себя великим архимагом, призывающим огонь и дождь на головы... Да без разницы, кого, главное тут – само осознание того факта, что я смогу прикоснуться к чему-то мистическому. Выяснив все нюансы об этой самой Академии, мы отпустили студента на все четыре стороны. После этого тренироваться я стал еще усерднее. Конечно, вы скажете – совсем больной, нет бы ноги в руки – и почапал до универа, но я не привык бросать начатое дело на полпути. Пока Добряк не решит, что я закончил обучение,

никуда не уйду. Но если честно, иногда очень хочется бросить все и отправиться на юг. У меня уже в одном месте свербело от желания отправиться путешествовать. Именно этим я планировал заняться после окончания магического учебного заведения. Все-таки чем еще здесь заниматься, раз надежды на возвращение нет. Да и куда возвращаться? Уж точно не в то изломанное и, вероятнее всего, погибшее тело.

Так что программа-максимум заключается в следующем – заканчиваю обучение у Добряка, собираю манатки и двигаюсь до Академии. Ну а там видно будет. Спасибо тем же земным книгам – я в курсе, что нужно делать. Сперва спасаем королевство, затем валяем принцесс, желательно нескольких и желательно включить в гарем пару эльфиек. После этого боремся с нечистой силой, претворяем в жизнь какое-нибудь пророчество, ну и под конец остается свобода выбора из трех опций. Первое – живем долго и счастливо с самой красивой (читай: грудастой) женщиной планеты. Второе – создаем свое королевство и все равно живем с самой... ну, вы поняли, женщиной. И последнее – становимся новым богом и страдаем ерундой. Согласитесь, есть куда расти.

Совсем забыл: все это должно было произойти за год, ну максимум за два. Вот это как раз и обидно – я уже неслабо проштрафился, проведя на Ангадоре добрых шесть с половиной лет. И буду честным с самим собой – не в теле Ройса мне за принцессами ухаживать. Паренек оказался слегка неказистым: обычное, ничем не примечательное лицо с сероватыми глазами, непослушные черные волосы. Поначалу я еще пытался их причесать, а потом плюнул на это дело и ходил взлохмаченный. Единственный плюс – это высокий рост, но именно благодаря ему я не выглядел так сурово, как учитель. Мои мышцы надежно укрывали чуть мешковатая одежда и извечный плащ. Да и не было особо этих мышц, во всяком случае я не выглядел как культурист. Наставник постоянно твердил, что чем в горе больше пещер, тем ее легче развалить. И излишек веса, даже если это не жир, а мускулы, он считал именно этими самыми пещерами. Именно поэтому он так усердно выковывывал из меня не мощный бастард, а юркий кинжал. Но я не жалею, мне, по большому счету, так даже удобнее. Иначе обучение «скрыту» заняло бы больше времени, нежели четыре года.

Вспомнив про «скрыт», я усмехнулся. Помню наше первое занятие в лесу. Тогда учитель сказал: «Следи» – и исчез. Вот просто взял и пропал, а потом появился из тени, отбрасываемой небольшим деревцем. Вот тогда Добряк стал обучать меня всем премудростям сокрытия собственного присутствия, и полгода назад я смог повторить этот финт. Сейчас мне уже не кажется сложным замедлить ритм сердца, почти избавиться от мыслей и смотреть как бы сквозь предметы, а не на них.

Старик научил меня многим специфическим вещам. Например, я умел спать по-волчьи: это когда спишь полчаса, потом на пару секунд просыпаешься и снова засыпаешь. Я умел обходиться без воды в течение четырех суток и без еды около недели. Сон под открытым небом в любую погоду меня уже вообще не волновал. Бег на марафонские дистанции не сбивал дыхание и в принципе казался легким отдыхом. Метнуть пять дротиков зараз, так, чтобы они легли именно в те точки, которые нужны, тоже удавалось без особых проблем. Я уже иногда баловался, выбивая на деревьях известные мне руны. К тому же учитель оказался большим знатоком лингвистики и не нашел ничего дурного в том, чтобы обучить своего падавана известным ему языкам. И сейчас я мог свободно изъясняться на трех, читал и говорил на пяти и понимал еще около семи-восьми. Немалую роль в этом сыграла новая память.

Подул ветер, и я открыл глаза. По небу неспешно плыли причудливой формы облака. Здешнее небо было поистине удивительным. Низкое, но в то же время очень светлое. А какие здесь ночи... Мириады звезды рассыпаются, как алмазы по бархату. Такого я никогда не видел. Учитель, глядя на мое восторженное лицо, часто рассказывал про то, какие ночи бывают в

пустыне на востоке. После первого рассказа я уже больше не мог так искренне восхищаться сиянием, которое видел в этой долине.

Нехотя поднявшись и отряхнув штаны от травы, я закинул в ножны ставшие родными сабли и зашагал в сторону лагеря. Совсем забыл: следует, наверное, снять ножны с пояса и закинуть за спину. А то товарищи по попаданству оплюют меня за такое пренебрежение к нормам поведения в иных мирах. Ну а то, что с пояса я выхватываю оружие на целых полторы секунды быстрее, чем со спины, – это уже так, мелочи жизни.

Обратная дорога не заняла много времени. Когда подступающая мгла тронула верхушки деревьев, я уже был на месте. Невольно упершись взглядом в плац, я подивился теплым эмоциям, возникшим глубоко внутри. Сколько раз мы дрались с учителем на этом нехитром плацу! Сколько переломов и ушибов я получил, постигая непростое искусство руконогопашного боя! И сейчас я поразился – в углах песчаной площадки появились сорняки. Покачав головой, я решил завтра же привести плац в подходящий ему вид.

Пройдя через полосу препятствий, вернее, пройдя мимо нее, я оказался на крыльце дома. Сооружение напоминало деревянную коробку. Хоть дом и был аккуратно выполнен, но кое-где уже видны щели в деревянной кладке. На крыше красовалось бесчисленное число заплаток, да и пол давно стал скрипуч, как старый монетчик, трясущийся над каждой медяхой.

– Добряк! – окликнул я учителя, зайдя в темное помещение.

Прозвище у наставника оказалось соответствующее. Вначале я обманулся этим добродушным лицом и заботливыми глазами, к тому же вечная улыбка на устах добавляла образу опасной обманчивости. В действительности за этим фасадом скрывался настоящий хищник, ждущий момента, когда можно будет пустить жертве кровь и скрыться в тени.

– Где ты, старый пердун? – снова крикнул я.

Хотя я и называл наставника старым, но выглядел он максимум на сорок. Когда я спросил, в чем вся соль, он покачал у меня перед глазами флягой, в которой плескалась неведомая смесь.

На складе его не оказалось. Да и сам склад выглядел убого – пропали со стен мечи, в углу больше не грелись копыя, не было цепей и крюков. Лишь одинокие голые стены. Чувство тревоги ледяным обручем сдавило голову. Я понесся в комнату учителя. Но вместо улыбки меня встретила лишь гнетущая пустота. На кровати лежал маленький лист бумаги. Уже зная, что там будет написано, я все же рискнул взять его в руки.

«Здравствуй, Тим.

Эх, давно я письма не писал. Так что перейду сразу к делу. Обучение ты закончил. Всему, чему я мог научить тебя, я научил, остальное – либо сам, либо никак. Надеюсь, у тебя все будет хорошо. Не забывай старика Добряка.

Да, не мог же я оставить своего единственного, уже бывшего ученика без дела. Доберешься до таверны «Одноглазый барсук» и поговоришь с хозяином. Считаю, это мой последний подарок и заодно экзамен. Не справишься – лучше забудь об обучении в Академии, хотя все равно ты туда попрешься, знаю я тебя.

Ну... бывай».

Последний подарок... Ну-ну. Он вообще первый и последний, и что-то мне подсказывает – ждет

меня совсем не праздничный торт. Не знаю зачем, но, аккуратно сложив письмо, я убрал его в маленький кожаный мешочек, где хранил еще несколько мелочей. Путь до моей комнатухи показался мне самой длинной дорогой, которую я когда-либо проходил.

- Вот и все, - сказал я сам себе.

С одной стороны, я ждал этого дня, но в итоге оказался не готов. Не готов к свободному плаванью по миру, по колону утопающему в крови и насилии. Да и что тут лукавить - я сам ученик убийцы. Глупо как-то.

Моя комната немногим отличалась от учительской. Разве что в углу стоял маленький шкафчик, заполненный книгами. В основном это были трактаты по истории. Раз уж я собрался держать в тайне свое происхождение, стоит накопить достаточную базу знаний. Проще было бы придерживаться легенды «я сельский парень, умею мычать и косить», но Добряк вбил в меня верную науку - под дурачка косить проще, когда ты знаешь больше остальных. Я и не спорил, а прилежно впитывал все предлагаемые знания.

Покидав в заплечный мешок свои пожитки - две простенькие рубашки, точильный камень, огниво и краюшку хлеба с солониной, я убрал за пазуху маленький кошелечек. Там одиноко звенели всего три золотых. Все, что я смог скопить за эти годы. Вернее, это все, что я смог выиграть на спор у Добряка. Выйдя из дома, не оборачиваясь дошел до речки, а потом, помянув всех здешних богов, развернулся и потопал обратно. Вот что значит шок - совсем мозги отбило.

Выкопав по периметру лагеря бороздку глубиной в ладонь, я достал из погреба горючую смесь. Трех литров хватило, чтобы облить все, что могло гореть. Из огнива вылетела искра, и лицо обдало жаром. Я не стал смотреть, как в пламени исчезают дом и пристройки, как с треском пропадает «Бобби», как весело занялась полянка, на которой мы ужинали, сидя у костра. Я просто развернулся и ушел.

На дорогу я вышел уже через семь часов. Все это время я провел, размышляя о будущем. Наступает час «икс». Скоро станет понятно, могу ли я убивать по заказу или не могу. Сейчас было бы в тему занять на своих плечах маленького ангела и демона, совсем как в дешевых американских мультфильмах.

«Ты совсем ополоумел, - возмутился бы обладатель нимба. - Как ты в зеркало будешь смотреться после этого?»

«Заткнись, воробушек, - шикнул бы на него рогатый. - Не слушай этого гомика в рясе. Делаем так: плюем на записку и катим в столицу, пара заказов - и можно открывать счет в банке!»

«Гореть тебе синим пламенем!» - взвизгнет крылатый.

«Чтоб ты жил на одну зарплату!» - отмахнется демон.

Сознание услужливо подкинуло картину уже почти забытого прошлого. Когда-то, откинув одеяло со спящего Ози, я намеревался вонзить иглу в шею подонка и насильника. Тогда я убеждал себя, что тем самым отплачу за смерть сестры Ройса, ну и сам освобожусь. Но совсем не подумал про то, что гулена заявится не один, и, увидев девушку, растерялся. Свидетелей оставлять нельзя, это простая истина, и я не решился. Отошел назад, струсил. А потом что-то такое поднялось во мне, и я поставил свои интересы и желания выше чужой невинной жизни. Что тут врать и обманывать самого себя: я бы убил их обоих - подвел (или спас) скрипучий пол.

Я гнал дурные мысли подальше, но гадостное чувство не уходило. Я готов убивать тех, кто хочет убить меня, а именно в эту категорию я отнес графскую семейку, но вот хладнокровно прирезать неизвестного человека... Слишком уж долго я жил на Земле и слишком сильно и глубоко в меня въелись ценности прошлой жизни. И сейчас станет понятно, стал ли я другим человеком или я все тот же Тимур.

- Эй, парень! - окликнули сзади.

Я обернулся, чуть обнажая кинжал, и увидел на широкой дороге крепко сбитую повозку, запряженную старой кобылкой, и седого деда. Его вид заставил меня чуть приподнять уголки губ. Увидеть косоворотку в чужом мире - это уже интересно.

- Куда путь держишь, малец?

Это он мне? Ну да, я же выгляжу не очень. Да и вообще с возрастом проблемы. По идее моей психике уже двадцать семь лет. Телу - двадцать. Но внешне тяну я от силы на восемнадцать. Что поделать, если у Ройса такая физиология. Вон даже бреюсь через день, не растет у него щетина.

- Прямо, отец, - ответил я.

- Вижу, что прямо, - усмехнулся крестьянин. - Если наше «прямо» по пути, могу подвезти.

- Что, за так подвезешь?

- Отчего же не подвезти? - удивился он. - Физиономия не бандитская, сразу видно - человек хороший. А человеку хорошему поможешь, так тебе потом добро в двукратном размере вернется.

- Уболтал, - кивнул я и запрыгнул в повозку.

Я никогда раньше не ездил на таких штуковинах и теперь жалел, что согласился. На каждой кочке и колдобине повозка подпрыгивала, и уже через десять минут я отбил себе задницу. Чтобы хоть как-то избавиться от мыслей о тянущей боли, стал рассматривать окрестности. Но и это оказалось неинтересно. Ничего такого, что разительно отличалось бы от природы той же Ленинградской области. Поля, сменяемые лесами, небольшие озера и снова лес.

Это заставило задуматься. За изучением истории я совсем не обратил внимания на географию. Я даже не знаю, в каком климате окажусь, когда приеду в Академию. Да я и понятия не имею, где нахожусь сейчас. Вроде как мы на северо-востоке Империи, но это по утверждению Добряка. А уж верить ему на слово весьма опасно. Либо подлянку какую устроит, либо подшутит. Так что он вполне мог дезинформировать меня в целях, так сказать, глубинного обучения. Единственный доступный источник информации сейчас сидит рядом и неизвестным мне способом управляет лошадей. Я, конечно, догадываюсь, что вся фишка в том, чтобы натягивать два этих кожаных ремешка, называемых вожжами, но как именно это все функционирует, понятия не имею.

- Дед, - обратился я к обладателю зеленоватой косоворотки, - а вот скажи, в чем смысл? Ты же не мне, получается, доброе дело сделал, а себе.

- Почему это себе? - нахмурился он. - И прекращай эти свои «отец» да «дед», не родственники мы. Зови Гайзаком.

Вот уже и первая инфа. Теперь хоть не проштрафлюсь при беседе с незнакомцами.

- А я Ройс, - кивнул я, уже давно решив, что для большинства буду Ройсом, оставив имя Тим на крайний случай. - Смотри, Гайзак, вот ты подвозишь меня, но не по доброте душевной, а лишь для получения выгоды. Так скажи мне, где же тут доброе дело?

- Ты ноги мнешь?

- Нет. - Вот только скоро седалищный нерв отомрет.

- Тебя кобылка моя быстро везет?

- Да. - Бегом я бы быстрее управился.

- Ну вот тебе и доброе дело, - пожал плечами дед. - А почему я это делаю и зачем, волновать тебя не должно.

Обернувшись, я заметил, что между бровями старика пролегла глубокая морщина, а взгляд его потяжелел.

- Прости, - повинился я. - Не хотел обидеть.

- Брось. Молодой, не понимаю, что ли. Да и правильно это, сейчас по-другому никак, - отмахнулся Гайзак, хотя по его потеплевшему голосу и расслабленной позе я отметил, что верно угадал, извинившись. - Сейчас только с подозрением нужно.

Рыбка закусила наживку, осталось правильно подцепить.

- А что так? - спросил я.

- Не шутишь? - От удивления крестьянин чуть вожжи не обронил.

- Нет.

- Ну даешь! - рассмеялся старик. - Я, конечно, знаю не больше чем остальные, но расскажу. Да и путь под беседу короче. Ну слухай, малец. Уже пять сезонов, как мы с Нимией бьемся. Эти скилсы еще по осени границу перешли. Император, понятное дело, сначала переговорщиков отправил, но эти подонки только головы назад и отослали. Так что война у нас.

Получил инфу, называется... Так получил, что больше уже не надо. Нимия - один из соседей Империи. Еще несколько веков назад она отгрызла от нас (а я считал себя имперцем как-никак) здоровенный кусок. Видимо, ребятам показалось мало, и они решили повторить свой успешный поход. М-да... похоже, совсем дела плохи у нашей страны. Я бы на месте правителей (а их, по сути, было шесть - император и главы сохранившихся родов) оставил великодержавные замашки и вернулся к старому самоназванию тех времен, когда Империя еще не была таковой. Глядишь, и проблем бы поубавилось. А то соседей тоже понять можно: прямо под боком у них Империя, которая по размерам уступает иным странам, но при этом обладает плодородными землями и единственной в мире Академией. Обидно ведь.

- И как успехи? - поинтересовался я.

- Да какие там успехи, - вздохнул Гайзак. - Одно сражение было, все под Борсом кровью залили. Бабки говорят, наших почти семьдесят тысяч пришло, считая весь Третий легион. А у нимийцев магов больше оказалось: они хоть послабее наших, но числом берут. А воинов

вражины подтянули тысяч на пятнадцать меньше. Но все одно – куча трупов и ни одна сторона так и не продвинулась. Что наши не смогли противника потеснить, что нимийские ублюдки не прошли глубже.

Если память мне не изменяет, а она верна как собака, то Борс – это одна из приграничных крепостей. А вот про соотношение магов я не подумал. Ведь я сейчас не в средневековье, а в мире меча и, что самое главное, магии. А значит, здесь не все железом решается. Дьявол, туплю не по-детски!

– Знаешь, что я тебе скажу, малец? – продолжал дед. – Гиблое это дело – воевать. Это вы, молодые, все рветесь, все вам надо пораньше за порог, покрепче выпивку да бабу пофигуристей. А если клинками не позвенеть да пару обуви не истоптать, то и не жизнь уже. Не думаете вы совсем. Зачем кровь-то лить? Мало ее, что ли, пролилось уже? Да и о чем я – она льется-то постоянно. То бароны, псы скулящие, хвосты распушат и начнут восстание, то соседи пики поднимут, то эльфы с гномами такую кашу замутят, что сами потом помощь присылают. А все одно, простые люди страдают. Сирот сколько? А вдов? А отцов, сыновей переживших? Эх, не хотят молодые спокойствия, оттого и беды все у нас. А хотя знаешь что? Не слушай ты меня, старый я совсем, уже и ум за разум заходит. Ты лучше, это, возьми меч покрепче, коня порезвее и навешай этим скотам по самое не могу. За всех, кто уже не может клинок держать да копьём колоть.

А крестьянин оказался не так уж прост. Сомневаюсь, что все здесь такие понимающие. Может, он раньше служил? Хотя это вряд ли, слишком размашистые движения, блуждающий взгляд. Нет, этот точно не служил – видать, просто жизнь побила. Но кого она не била?

– Не знаю, Гайзак, – нахмурился я. Очень уж шокировало меня известие о войне. Я привык жить в мире, и даже то, что происходило в замке, все равно не было войной. А с этим словом у меня возникали конкретные ассоциации в виде фотографий с убитыми, повешенными, сожженными. В виде дряхлых ветеранов, коих уже почти не осталось. – Не думал я о войне и воевать не думал.

– Оно и понятно, что не думал, – согласился странный крестьянин. – О ней мало кто думает, только она все равно есть и от этого уже никуда не деться. Вот я в своей деревне уже двадцать лет старостой сижу, за это время три войны было и пять восстаний. Знаешь, сколько молодых, крепких парней из родных краев ушли, чтобы не вернуться? Да у меня волос на голове столько не будет. А ведь есть еще черные маги поганые и Земли Дикие. Там хоть и стоят заставы, чтобы тварей не пускать, но все едино – ползут гады. Племяшек у меня был – озорной, непоседливый. Ну и как шестнадцать зим миновало, подался в охотники. Года не прошло, прискакали друзья его – меч вернули да монету оставили. Сгинул малыш, подрали его.

Дикие Земли. Еще одно избитое клише, как и охотники. Ни одна фэнтезятинка не может обойтись без этих атрибутов. В принципе это можно обосновать одним словом... хотя нет, двумя – магия и маги. Экспериментаторы есть всегда, и в результате их работы на свет появляются подобные твари. Можно, конечно, уточнить, что это продукт местной гонки вооружений: на Земле – ядерные бомбы, а здесь – всякая нечисть. Вот только в книгах главный герой обычно становится охотником на этих тварей, поднимает неслабый капитал, а потом рассказывает направо и налево о своих подвигах, да еще обязательно так, чтобы у всех и каждого челюсть пол пробивала. Не знаю, может, я и наведаюсь когда-нибудь в эти самые земли, но лишь потому, что мне интересно там побывать. Добряк многое о них рассказывал, даже пару шрамов показал. А я собираюсь после обучения объехать весь мир. Удачно, что старик проговорился о должности старосты, причем, оказывается, на посту своем он целых два десятка лет. А то я уж начал пугаться, что моих знаний будет недостаточно и я глупее здешних

малолеток.

- Сам-то ты чем по жизни занимаешься? - прищурился Гайзак.

И его можно понять. Подобрал какого-то странного парня: знает мало, слушает хорошо, одет просто, но оружие необычное.

- Да пока ничем. Только недавно обучение у наставника закончил, собираюсь найти себя, - не стал врать я, да и незачем было.

- А чему учился?

- Да все тому же. - Я показательно похлопал по рукояткам сабель.

- И как успехи? - не отставал старик.

- Вроде неплохо.

Мы некоторое время помолчали. Солнце уже почти ушло за тракт, и небо окрасилось в оранжевые тона. Единственное, чего мне не хватает в этом мире, помимо горячей воды и сочного бифштекса, так это питерских закатов. Эх, кто не видел закат в Северной столице, тот не видел наш город. Сидя на крыше, попивая пиво, можно наблюдать за тем, как мир делится на две части. Вот со стороны Петропавловки начинает искриться небо, а Невский все еще светел. Но с каждой секундой золото расплывается по небу, а город постепенно затихает. На улицах все меньше прохожих и все больше машин. А потом в какой-то миг все прекращается. Наступает ночь. Зажигаются фонари, на тротуарах появляются поздние пташки, а дорога делится на две части. С одной стороны видны желтые фары, а с другой - красные огни. Питерский закат длится всего несколько минут, и в эти мгновения город уступит по красоте разве что себе самому во время рассвета.

- Есть у меня к тебе предложение. - Скрипучий голос разбил картину, возникшую перед глазами. Надо же, не думал я, что настолько сентиментален. - В замке неподалеку у меня есть знакомый начальник стражи. Я его помню еще с тех пор, когда он лук натянуть не мог. В общем, он может пошуршать и устроить тебя в гарнизон.

- Не стоит, - возразил я. - Не обижайся, но свою судьбу хочу решить сам.

- Твое право, - кивнул старик. - Только смотри не пожалей потом, что променял уют и пусть малый, но достаток на романтику дороги. Уж сколько на этой дороге крови и горя... Впрочем, сам узнаешь.

Впереди показались огни таверны, и я различил на вывеске надпись «Одноглазый барсук». Кажется, пришел конец интересной беседе и адской пытке под названием «поездка на телеге». Да чтобы я еще хоть раз!..

- Спасибо, Гайзак, - поблагодарил я, спрыгивая, вернее, сваливаясь с повозки. - Удачи тебе.

- Э-э нет, малец, - протянул староста. - Дам совет: не желай удачи. Примета плохая. Свою удачу держи при себе и на чужую рот не разевай - порвется.

Мы попрощались. Я еще постоял, глядя вслед удаляющейся повозке. Совсем как в тот раз, когда я смотрел вслед такси. Казалось, это не со мной. Жизнь интересная штука. Тогда я мог побежать следом, и Лена бы попросила таксиста остановиться, в этом я уверен. А сейчас я

также могу побежать следом, запрыгнуть в пыточное устройство на колесах и отправиться служить в гарнизон. Да кого я обманываю! Я бы так не поступил ни в тот, ни в этот раз. Да и вообще мысли странные в голову лезут. Очевидно, я все же расстроен таким уходом учителя. Понимаю, если бы он проставился, мы бы посидели, поговорили, а потом разошлись. А от этой записки – одна пустота.

Развернувшись, я уверенно зашагал к таверне с диким названием, еще не зная о том, что большинство подобных заведений именуются именно таким, самым идиотским образом.

Глава 3

Бал

Открывая крепко сбитую дверь, я ожидал увидеть все что угодно: от переполненного заведения до самой банальной кабацкой драки. Мне казалось, что сейчас ко мне подбежит симпатичная служанка или просто девчонка, но на деле все получилось куда проще и логичнее. И правда, откуда в такой захолустной придорожной таверне взяться толпе? В небольшом зале, рассчитанном максимум на два десятка посетителей, было всего два человека – я и хозяин, поджарый мужик с красноречивым шрамом от левого виска до подбородка. Пять столиков и барную стойку освещали две лампы, отчего стоял вязкий полумрак. Возможно, именно так должно выглядеть заведение, в которое Добряк может направить своего ученика.

- Нальешь? – обратился я к хозяину.

Уж не знаю, почему им всем нравится такое ребячество, но в чужой монастырь...

Обладатель весьма живописной внешности оценивающе, эдак исподлобья, посмотрел на нового и единственного посетителя. С трудом, но я выдержал этот тяжелый, пронизывающий взгляд.

- Добряк говорил, что тебе пока еще рано крепкие напитки. – Голос у него оказался под стать внешности, грубый и какой-то леденящий.

- А я и не спорю, – пожал я плечами. Мне по большому счету все равно, чем именно проверять себя.

- Тогда держи. – Посредник, или как там это называется, поставил на стол бутылку с вином и протянул мне пакет с бумагами: – Прочтешь в номере, я его уже давно приготовил, а пока... помянем.

Кивая головой и уже предвкушая сон на мягкой перине, я не сразу обратил внимание на окончание фразы.

- Помянем? – не понял я. – Кого?

- Наставника твоего, – раздраженно ответил хозяин заведения. – Раз ты здесь, значит, он уже отправился перерождаться.

И тут до меня дошло. Мастер уже давно начал сдавать, но я этого не замечал и по глупости приписывал победы в сабельной схватке своему умению. А ведь мы в последние полгода почти не сходились на ножах, только на этих самых сабельках. Добряк, видно, не хотел, чтобы я его жалел или, еще хуже, пытался помочь. Поэтому и попрощался таким образом: оставил записку и, как кот, пошел умирать подальше от дома. А искать его тело – гиблое дело, он в «скрыте» поискуснее меня, как и во всем остальном.

Пока я собирался с мыслями, поджарый уже налил по чашке. С виду напиток был похож на коньяк.

- Не чокаясь, - почти прошептал хозяин и залпом осушил емкость.

Подивившись сходству традиций, я так же опрокинул чашку. Зря. Ядреная вещь. Дыхание перехватило, а в горло как раскаленным железом плеснули.

- Это что? - прохрипел я.

- Гномовская настойка! - с гордостью ответил собутыльник.

На секунду отвернувшись, мужик протянул поднос, на котором стояла пара мисок с чем-то, очень сильно напоминающим колбаски. Но я отказался. Раз уж не смог выпить не кривясь, нужно хоть так попытаться сохранить лицо.

- Может, и выйдет толк, - улыбнулся хозяин. Лучше бы он этого не делал - шрам стал выглядеть еще более неестественно и устрашающе. - Ну рассказывай.

- Что рассказывать? - с легкой одышкой уточнил я.

- Как ты так быстро обернулся? Я тебя ближе к утру ждал.

- Подвезли меня, - вздохнул я и, пользуясь навыками, стянул колбаску, а когда хозяин отвлекся, чтобы убрать бутылку, закинул закуску в рот и, не жуя, проглотил. В своем теле я бы выдержал такой удар, но Ройс за всю жизнь ни капли алкоголя в рот не брал.

- Кто подвез? - насторожился мужик.

- Да старик слегка шепутной. Сказал, староста какой-то деревни неподалеку.

Услышав такой ответ, хозяин таверны сначала помолчал, а потом рассмеялся.

- Повезло тебе, малец, - выдал он сквозь смех.

- В чем?

- Никакой это не староста, а граф из соседнего замка. Любит он такие развлечения.

Не знаю почему, но я обрадовался такому известию. Слишком уж знающим оказался старик, да и разве может крестьянин обладать такими умными и понимающими глазами?

- Вот ведь жучара, - восхитился я. - И не боится даже!

- А чего ему бояться? - ядовито усмехнулся хозяин. - Он тебя шариком огненным шандарахнет, и нет проблем.

- Маг, что ли?

- Говорят, да, - пожал плечами посредник. - Ладно, хорош языки полоскать. Я уже спать хочу, да и тебе выспаться не помешает.

На этом мы и разошлись.

Поднявшись по старой, почти развалившейся лестнице на второй этаж, я обнаружил три комнатки. На ключе, выданном мне хозяином заведения, красовался номер «один», так что долго искать нужную дверь не пришлось. Чуть провозившись с проржавевшим дверным замком, я зашел в это подобие кладовки. В ноздри сразу ударил затхлый воздух, но я даже не открыл окно, а сразу плюхнулся на кровать. Мебель от такого похабного обращения скрипнула, но не развалилась. Потолок с широкими щелями между досками, такой же пол, стул, служивший шкафом тем, кто рискнет снять одежду, ложась спать, и сама кровать. Обстановка была даже беднее, чем в нашем доме, но и это сейчас казалось раем.

Меня вдруг осенило, что я впервые в жизни встретил натурального волшебника. Признаюсь, от подобной встречи я ожидал чего-то большего, а тут просто странноватый тип, наверняка изменивший свою внешность. По рассказам того же Добряка, маги могут жить два века, а самые сильные – все три, и при этом они не стареют, будто бы застывая в определенный промежуток жизни. И в этом виден огромный плюс, отвечающий моим первоначальным целям. Самое необходимое условие – получить шанс на выживание – уже выполнено. Значит, далее предстоит стать сильнее, для этого я отправлюсь в Академию. Не знаю почему, но самоучек в этом мире нет. Система магии здесь оказалась настолько суровой и сложной, что, когда я попробовал обратиться к своему дару, потом пять дней не мог встать с кровати. А когда пришел в себя, Добряк поколотил меня так, что я еще декаду в лежке пребывал. Одно я четко усвоил – без наставника лучше не лезть. Я и не пытался. Жизнь уже научила: всему свое время.

Положив конверт на стул, я решил потренироваться в «скрыте». На самом деле это не очень-то сложно. Замедлив ритм сердца, я представил, как меня обволакивает тьма, как тускнеют краски мира, как воздух из неосязаемой субстанции превращается в вязкое желе. Потом пропали лишние мысли, лишь краем сознания ощущались желания и чувства. Постепенно превращаясь в неживой объект, я пропадал из восприятия людей. Идя по лесу, человек не обращает внимания на одинаковые деревья; когда падает снег, человек не различает снежинки. Если прохожий заострит внимание на том месте, где буду скрываться я, то заметит легкую тень или что-то подобное, а Добряка различить вообще невозможно. Я-то точно знаю – две серебрушки проиграл в этом споре.

Закончив с тренировкой, я подцепил пакет и одним движением распечатал его. На кровать упал мешочек с авансом. Всего пять золотых, но на подготовку хватит. А потом на свет показались и аккуратно сложенные листы. На первом ровным почерком приводились цифры и пожелания. Все стандартно. На выполнение – три декады, доказательство выполненной работы – глаза «бутылки». А гонорар – полсотни полновесных кругляшей. Недурно для новичка. Пару раз пробежавшись по условиям контракта и не найдя в них ничего архисложного, я принял за информацию по «бутылке». А, к дьяволу все эти шпионские штучки! Какие, в бездну, «бутылки» и «выпивка»?! Есть клиент, есть цель. Все. Баста.

А вот на листочке с данными по потенциальному завсегдатаю кладбищ оказалось написано нечто интересное. Барон Дори Гроф. Рост метр семьдесят три, русые волосы, хорошо сложен, владеет клинком и прилично стреляет из лука. Любит охоту и часто устраивает громкие пиры, проматывая наследство, оставленное папаней. Так-с, ну с этим все ясно. Обычный гулена, что не прибавляет желания его резать, а ведь в этом вся загвоздка. Ладно, будем читать дальше – может, найду что-нибудь, что поможет не дрогнуть руке.

На следующем листе – данные по следующему приему Грофа. И вот ведь беда, прием будет в честь дня рождения барона. Клиент особенно выделяет тот факт, что Дори является двоюродным братом виконта Рито (фамилия не указана), члена семьи, принадлежащей к роду Гийом. И если внимательно присмотреться к почерку, то будет сразу заметно, как дрогнула

рука, выводя эти пять крупных букв. Что ж, не вижу особой проблемы. В крайнем случае заказчику придется доплатить еще десять золотых или чуть больше.

Обычно на этом вся инфа заканчивается, по крайней мере так было на тех образцах, которые приносил Добряк. А тут в самом конце есть небольшая сноска, непонятно зачем добавленная. И в этой сноске указано, что клиент желает Дори Грофу мучительной смерти, так как он оскорбил его, то есть заказчика, любимую. Ну, не могу сказать, что у меня теперь глаза кровью налились, а от ярости трясутся руки, но стоит надеяться, что в этом «оскорблении» скрывается нечто большее, чем неуместная шутка или пошлый намек.

Вытянувшись на кровати, я впервые смог по достоинству оценить преимущества клоповьего приюта перед ветками и листьями, накрытыми плащом. В такие моменты вспоминается дом, теплая постель, согретая женским телом. Кстати, о женском теле. Это же беда просто! Вот почему в голову всякие бредовые идеи лезут, вот откуда сентиментальные сопли! Да я уже шесть лет как без бабы, пардон за грубость. А Ройс, бедняга, в принципе ни разу не... Отпад, тело двадцатилетнего девственника.

С такими весьма гнетущими мыслями я и уснул. Снились мне, как обычно, дальние страны и летающие острова, уж очень мне хотелось их увидеть. Добряк говорил, что нет ничего живописней, чем эти парящие гиганты.

Что делают нормальные люди по утрам? Правильно – спят. Как альтернатива – зарядка или легкий бег по ближайшему парку. Идеальный вариант, разумеется, – женщина, мирно сопящая на правом плече, и все отсюда вытекающее. А что досталось мне? Мне достался очень юркий клоп. Гоняя его по всей кровати с двумя кинжалами в руках, я успел сделать все – набегаться, потренироваться во владении оружием, вспомнить всю бранную лексику на всех известных мне языках, ну и сломать кровать конечно же. Последний удар, окончивший мучения кровососа, постель не выдержала и с натуженным треском надломилась.

– Эка, друг, – сказал я, стряхивая с кинжала мертвое тельце и вытирая клинок об и так грязные занавески. – Клоп по цене кровати – это уже клиника.

В углу стояла лоханка с затхлой дождевой водой, но мы ведь не благородные и лучшего все равно не будет. Почистив зубы при помощи отвратительного порошка и убогой щетки, я спустился вниз. Там уже вовсю орудовал Шрам, так я его прозвал про себя. Он уверенными движениями протирал и без того чистые столы, снимая стулья. Заметив меня, он подмигнул и вернулся за стойку.

– А ты ранняя птаха, – улыбнулся хозяин таверны. – Правда, я не помню, чтобы вечером кто-то заходил...

– Оставь! – взмолился я. – Ты бы знал, сколько усилий мне стоило прикончить его.

– Его? – опешил мужик. – Да еще и прикончить? Ну... я тебе не судья, конечно...

– Так, погоди, – замахал я руками. С утра мыслительные процессы работали лишь на треть от полной мощности, и поэтому было сложно понять, что мне пытаются сказать. – Ты о чем? Какой, к демонам, судья?

– А ты о чем? – прищурился Шрам.

– О клопе.

Сначала рассмеялся посредник, а потом уже и я. Так мы и стояли минут пять. Под конец я уже держался за живот и еле дышал. Смахивая выступившие слезы, я отрезал от буханки не самого свежего хлеба крупный ломоть, взял немного сыра и запил это дело водой. Хорошо хоть свежей.

- Ладно, слушай сюда, - сказал хозяин, попутно грызя огурец. - У нас тут небольшая заминка вышла. Выпивоха сократил срок до одной декады и прибавил новое условие. Пробку ты должен доставить лично, прямо в столицу. Там же и расчет.

- Заграф дир гос! - выругался я.

- Ого, - присвистнул ухмыляющийся Шрам. - Сильно завернул, вот только над произношением поработай.

Отмахнувшись от уже бесполезного в деле посредника, я стал думать. Вчера контракт был подписан, а меня просто надурили. В заказе такой стоимости неустойка за изменение условий составит всего двадцать пять золотых. А работы прибавляется на все семьдесят. В итоге что? В итоге потеряно почти полсотни золотом и приобретен риск попортить свою, пока целую, шкуру.

- Заказчик, видать, совсем страх потерял? - процедил я сквозь зубы. - Или он себя бессмертным возомнил?

- Для начала оставь эти замашки криволапых идиотов и помни: уши есть везде, - скривился собеседник. - А напоследок - будет тебе наука. Хотел сделать дело быстро, не обговорив все детали? Вот и пожинай.

- «Для начала», - передразнил я Шрама. - Я никому ничего не должен! Дело сделаю, но после расчета не гарантирую жизнь этому идиоту.

- Так об этом никто и не просит. После расчета делай что хочешь, только ботинки не испачкай.

- Догадался уже.

- Ой-ой-ой, какие мы все из себя суровые. Смотрю, зубки раньше времени точить стал? - снова прищурился Шрам. - Ты бы усвоил, что пока еще ничего не стоишь и обучение у Добряка поставило тебя на одну ступень со столичными скилсами, бегающими всей толпой за бочонком дерьмовой браги! Помалкивай и мотай на ус, раз мозгами работать не хочешь.

Вот тут он меня уел. Сыграл вчистую. Закончив обучение, я действительно посчитал себя эдаким суперменом, разве что без обтягивающего костюма и плаща. А вышло так, что на первом же деле меня больно щелкнули по носу, фактически обокрали. А как теперь выпутываться? На одну лишь дорогу уйдет четыре дня, в остатке - шесть. За это время я даже толком подготовиться не успею, придется идти «на сухую», без зелий, ядов и прочего. Да и проблем прибавляется: работа из поля переносится в замок цели, где состоится бал или что-то в этом роде. Дело уже не просто пахнет, а начинает вонять похуже уборной Гайнесов, а по сравнению с ней даже авгиевы конюшни - просто парфюмерный магазин. Да за такие выверты мне полагаются две сотни, а не те гроши, что я получу. Хорошо хоть магов в деле нет, а то мне Добряк давал расклад по цифрам. Присутствие волшебника поднимает цену на несколько порядков, и если учитель не врал, то за Ози он получил чуть больше трех тысяч.

- Ты прав, - согласился я. - Придется работать с тем, что имею.

- Вот это правильно. Вот это уже не сопля пацана, но слова начинающей Тени, - одобрительно кивнул Шрам и похлопал меня по плечу. - Ты время-то не теряй, я тебе сейчас лошадку подгоню, а завтрак и ночлег - за счет заведения.

- Спасибо.

Рассветное солнце, приятно обдав лицо теплыми лучиками, спешило дальше в своей бесконечной гонке с ночной соперницей-луной. Хозяин таверны с нелепым названием взял с меня за животику целых пять серебряных, а это без малого треть золотого. И вот теперь, без седла, как самый последний землепашец, я мчался в сторону родового баронского замка. Вообще количество замков на этих землях просто поражает. У каждого более или менее древнего рода имелось по замку, если не больше. А сколько их у шести высоких родов, и думать-то вредно. Думаю, звезд на небе и то меньше, хотя преувеличиваю, конечно.

К сожалению, я еще не видел ни одного города. Но если верить Добряку, то чем ближе к приграничью, тем меньше город и выше стена. Исключение составляет, пожалуй, столица Империи. Наставник описывал ее как один из величайших городов, уступающий по красоте лишь далеким столицам востока и подземной крепости гномов. Жаль, фотоаппарата здесь нет, а то бы вырядился как недалекий турист - и вперед, разорять общественное достояние и бухать, попутно обвешавшись различной техникой.

В очередной раз ударив пегую кобылу по бокам, я пожалел, что поспешил на седло. Всего два серебряника могли избавить меня от еще одной пытки, которой подверглась пятая точка. Что приятнее, ездить на лошади без седла или на телеге в обществе полусумасшедшего мага? Удобнее бегать, и, если бы на ногах красовались не стоптанные дешевые башмаки, а нормальные ботфорты или, на худой конец, обычные кожаные сапоги, я бы так и сделал. Но я не жалею, так даже интересней. В конце концов разве не этого я желал, будучи мальчишкой? Причем неважно, Ройсом или Тимом - мы оба грезил о приключениях и звоне шпага. Ну ладно, звон шпага - это сугубо мой фетиш, Ройс же больше по двуручным гигантам слюни пускал.

Дорога заняла как раз четыре дня, и на рассвете пятого я уже достиг стен замка. Вернее было бы назвать данное сооружение помещьем с высокой стеной, но, видно, это сочли бы оскорблением. Передо мной не виднелись башни, не было и баллист на стенах. Этот карлик сильно уступал графскому собрату. Спрыгнув с уставшей кобылки, которой я успел дать звучное прозвище Редиска (и вовсе не из-за сходства с нелюбимым корешком, просто под конец животинка совсем меня замучила: то брыкаться начнет, то споткнется на ровном месте), и стреножив ее, я со спокойной душой отправился на разведку.

По-умному я должен был сначала собрать информацию о цели: ее маршруты, количество и, что самое главное, качество охраны. Надо выяснить, есть ли у барона любовница или он просто гуляка, а также график смены караула... кстати, его что-то вообще сейчас не видно. Потом, в спокойной обстановке разобравшись со всеми деталями, следует сварить несколько зелий, обработать младший кинжал ядом и заточить старший. Различить их весьма просто. Во-первых, младший - меньше, ну и, во-вторых, старший никогда не обрабатывается отравой, ведь его держишь в правой руке, а значит, рискуешь оцарапать самого себя. От собственного яда еще не умирал ни один убийца, к тому же у нас выработан иммунитет к большинству зелий такого рода, но приятного будет мало. Да и опозоришься по полной.

А сейчас придется играть отсебятину. Стоя под стеной, я как мог пытался различить металлический отсвет доспехов или расслышать переговоры дозорных. Но ничего этого не было. Просидев в «скрыте» с полчаса, я все-таки решился на отчаянный шаг и полез на стену

как есть, без снаряги, без информации. Если дело выгорит и я решу убить этого Дори Грофа, то вторым станет заказчик. Так подставлять людей – просто свинство, если не сказать грубее.

Последний рывок, и вот я уже на парапете. Хорошо хоть полез сейчас, чуть позже – и солнце осветило бы северную стену, с которой я сейчас совершал столь же рискованный спуск. Опасаясь наткнуться на стражника, я не стал искать лестницу. Перекинувшись через барьер, подражая очередному западному супергерою, спускался по стене.

М-да, такая безответственность просто пугает. Во внутреннем дворе я также не обнаружил солдат. Интересно, барон считает себя таким суровым воякой или просто идиот? Когда я забрался в жилые помещения, стал склоняться ко второй версии.

Обычно окна первого этажа перекрываются магическими решетками. И неважно, центр ли это страны или ближнее пограничье. Такая защита (не только от воров, но и от магических тварей, в давние времена спокойно разгуливавших по всему свету) стала для людей чем-то вроде традиции. Но не для заядлого охотника. Ему все по барабану. Что такое магические светильники стоимостью всего два золотых за штуку? На фига они ему, ведь факелы на стенах смотрятся куда более гротескно. А вариант с поджогом – так это не для нас. Дозорные по коридорам? Глупость какая, ведь они будут выделяться из общего великолепия.

Я просто не мог взять в толк, как, ну как можно быть таким беспечным в мире, где рождаемость лишь немного перекрывает смертность. И то лишь благодаря крестьянам – если бы не их многодетные семьи, то имперцы стали бы вырождаться. Ладно, если уж не стану его убивать, то проучу непременно, пусть раскошеляется на нормальный гарнизон и принимает соответствующие меры безопасности. Такое вопиющее неуважение к нашему собрату – личное оскорбление. Я хоть и не считаю себя профессиональным убийцей, но ведь не зря надрывался целых пять лет. Впрочем, я выбрал удобную позицию и теперь остается самое сложное в подобной профессии – ждать, ждать удобного момента, чтобы всадить кинжал, забрать требующиеся доказательства и скрыться в ночной мгле. Никакой показухи и никакого шума.

Герцогиня Рейла эл Гийом [1]

День, откровенно говоря, не задался. С самого утра молодой девушке пришлось отбиваться от очередного назойливого жениха, благо наставник оказался рядом и подпалил наглецу шевелюру. Нет, Рейла, возможно, справилась бы и сама. Но постигать азы магического искусства она начала совсем недавно и рисковала слечь от отката. Да и батюшка, генерал и по совместительству глава рода, не одобрил бы такое поведение. Таким образом, чтобы хоть как-то развеяться и прийти в себя, семнадцатилетняя дворянка собралась отправиться в захолустье. По словам друга из семьи, принадлежащей к роду Гийом, там будет какой-то бал. Сперва молодая леди отпиралась, мол, как же так, она привыкла к балам в столице, сверкающей золотым блеском, но потом маленькое приключение показалось ей довольно заманчивым.

– Лейла! – окликнул девушку паренек.

Взглянув на своего друга, герцогиня засмеялась. Дирг, как всегда, появился перед ней в самом непотребном виде. И если бы не давняя дружба, его за такое уж точно по головке не погладили бы. Растрепанные рыжие волосы, горящий взгляд, в правой руке – тренировочный клинок, из одежды – одни подштанники.

– Вот ты где, а я тебя все искал. Ты уже собралась?

- Я вообще-то только тебя и жду, - лукаво подмигнула Рейла. Называть себя Лейлой она позволяла лишь очень узкому кругу разумных, в него входили близкие друзья, наставник и родители.

- Да? - сразу стушевался парень. - Прости. Я мигом. Только не уезжай без меня!

- Вот возьму и уеду, - пробурчала юная герцогиня и подозвала служанок.

Те подобрали полы пышного алого платья с глубоким декольте по последней моде и буквально понесли свою госпожу к роскошной шестиместной карете. Юноши-лакеи открыли двери, и девушка опустилась на бархатные диванчики. Путь из столицы до замка барона займет шесть часов, и все это время придется в очередной раз выслушивать истории о любовных похождениях Дирга. Ровесник Рейлы не представлял себя вдали от общества прекрасных дам, а будучи обладателем дара, он, возможно, станет членом рода Гийом, и этим пользовались многие. Девушки пытались сблизиться со столь выгодной партией. Дирг был не против сближения, но такого, от которого приятно было в первую очередь ему. Многие при дворе и в столице называли рыжего парня гуленой и прохвостом. Пожалуй, лишь друзья знали его настоящего - умного и надежного парня, всегда готового прикрыть товарища и прийти на выручку в трудную минуту. За это и уважали. Ну а Лейла и вовсе относилась к нему как к брату и считала дни до того момента, когда они вместе поступят в Академию. До этого знаменательного события оставался всего один год.

- А вот и я! - крикнул Дирг, запрыгивая на противоположный диванчик.

Выглядел юноша подобающе. Черный классический костюм, новенькие ножны, инкрустированные драгоценными камнями. Но не стоит обманываться, меч в них - самый что ни на есть настоящий. Будущий маг прекрасно фехтовал. Наверное, он смог бы показать себя даже на турнире.

- Я не понимаю, зачем ты тащишь меня к своему родственнику? - надула губки Рейла, но по ее глазам было видно, что она не обижается.

- Это, сестренка, секрет, - подмигнул Дирг.

- А если обижусь?

- А если защекочу?

- Мы уже не дети.

- Спорное утверждение.

Переглянувшись, друзья рассмеялись. Лейле нравилось такое общение. Большинство обращались с ней сугубо соответственно ее высокому статусу, и это сильно раздражало. Так что непринужденный разговор с близкими людьми был для нее сродни глотку свежего воздуха.

- Ладно, ладно. - Дирг изобразил на лице панику, когда увидел на кончиках пальцев герцогини пляшущее изумрудное пламя. - Ты нас только не сожги.

Рейла готова была запустить заклинание в рыжего шутника, но тот резким движением достал из маленького сундучка две золотые маски.

- Что это? - изумилась начинающая волшебница.

- Это? - усмехнулся парень. - Это причина, по которой я тебя тащу к своему братцу.
- А разве мы едем не потому, что ты хочешь его вызвать на дуэль?
- Ой, да брось ты, - отмахнулся Дирг. - Его пол-Империи вызвать хочет, такими темпами я своей очереди не дождусь.

Друзья снова рассмеялись и продолжили беседовать о всяких мелочах.

Тим

Нет, я решительно против такого времяпрепровождения. На замок спустилась ночь, а по коридорам не прошло ни одного слуги. Все они толпились либо в бальной зале, либо во внутреннем дворе, где встречали гостей. А ведь план был прост и в то же время гениален. Вырубаю какого-нибудь слугу, прячу тело в кладовку, переодеваюсь - и вуаля, работа с полным погружением. Простор для маневра просто невероятный. Могу следить за целью и составить свое личное мнение, могу сразу приступить к работе, могу, демоны задери этого барона, просто поесть на халяву, спереть лошадь, именно так! Думаю, в этой конюшне найдутся кони порезвее, чем то создание, что я приобрел у Шрама. И вот в своих мечтах я уже мчусь в Академию... Но нет, так просто я не отделался. За десять часов, проведенных в «скрыте», мимо меня не прошла ни одна зараза. Да у меня уже ноги начали затекать! А ведь это признак того, что скоро концентрация нарушится.

- А я меч большой возьму, а я бабу грудастую на сено завалю! - донеслось со стороны поворота. - Я мечом вражине голову снесу, а я бабе...

Это шутка такая? Или, может, я чего-то не знаю и мои желания теперь будут исполняться?

- ...эх, как хорошо мне после битвы!

Дальше последовала полная неразбериха. Видимо, исполнитель забыл текст незатейливой песенки.

вернуться

1

Фамилии аристократических родов имеют приставку «эл»; приставка «ним» перед фамилией указывает на принадлежность особы к семье знатного рода. - Здесь и далее примеч. авт.

Взмолившись о том, чтобы одежда оказалась мне впору, я взгляделся. И прямо на моих глазах в освещенный факелами коридор вышел высокий мужик. Но вот одет он был очень странно. Явно дорогой костюм, какие-то абсолютно непотребные ножны и... серебряная маска на лице. Если там внизу сейчас маскарад, я пойду и принесу в жертву Харте не только все свои деньги, но специально ради этого императорскую сокровищницу выставлю!

- Друг мой, а что это вы здесь делаете? - спросил мужик.

Я не сразу понял, что он обращается ко мне. Все-таки потерял концентрацию!

- Тебя жду, - буркнул я.

Я был зол, зол на себя. Так бездарно засветиться, хорошо хоть капюшон скрыл лицо. И ведь надо же, продержался всего десять часов, а может, и меньше. Да меня Добряк за такое нелепое исполнение техники уже бы давно покалечил.

Рывком вскочив на ноги, не обращая внимания на ноющие мышцы, я на полной скорости метнулся за спину незнакомцу и выполнил серию ударов по нужным точкам. Заботливо опуская тело на пол, я подумал, что можно было просто ударить в висок и не заморачиваться, но наука учителя плотно въелась в подсознание, и теперь подобные действия сродни рефлексам. Оттащив неожиданно тяжелого дворянчика в ближайший чулан, я переоделся. Костюм сел идеально, будто на меня шили. Что ж, отсчет пошел, а Харта имеет все шансы получить в свою копилку пару золотых. Спрятав кинжалы в складках одежды и нацепив маску, я отправился на местную дискотеку.

«Хорошо хоть сабли прикопал», – подумалось мне.

И действительно, не оставь я их рядом с Редиской, сейчас лишился бы доброй половины своего арсенала.

Петляя по полупустым коридорам, я наконец вышел к зале. Подобное стоило увидеть. Вы когда-нибудь бывали в тронном зале Эрмитажа? Мой вам совет – побывайте. Для сравнения, так сказать. То великолепие, которое можно встретить в Зимнем, меркнет по сравнению с этим. Вместо стен красовались высоченные зеркала, уходящие под самый потолок. От этого создавалось впечатление, будто танцующих в десятки раз больше, а сама зала приобретала поистине гигантские пропорции. Паркет – из самого дорогого дерева. Я даже подумал, не спереть ли пару дощечек, но вовремя одернул себя. Приглядевшись, заметил, что по самим зеркалам идет искусная вязь из золотых нитей. Подойдя ближе, смог различить некоторые сценки. Здесь в деревьях прятались прекрасные феи, спасающиеся бегством от деревенских парней с флейтами. Искрились и сверкали великолепные узоры, изображающие плющ или виноградные гроздья.

Потолок украшала живопись. Скорее всего изображенные там создания с крыльями и арфами являлись аналогами земных купидончиков. Вместо нимба у них на голове лежали цветы. Но самое главное украшение этого зала – люстра. Не знаю, как многотонная золотая конструкция диаметром два метра все еще не рухнула на гостей, но выглядела она впечатляюще.

– Хорош, – сказал я сам себе. – Не в музее ведь. Работать надо.

Герцогиня Рейла эл Гийом

– Боги, это так... так... весело! – Запыхавшаяся девушка не могла подобрать слов, чтобы описать впечатления. – Почему такого нет в столице?

– Все просто, сестричка, – покачивая бокал с вином, ответил рыжеволосый юноша. – Недавно братец вернулся из Рагоса. Там благородные часто так развлекаются, вот он и решил попробовать сделать то же самое у нас. Это первый такой бал в Империи.

– Как чудесно, – захопала в ладоши Лейла. Дирг только усмехнулся – иногда герцогиня становилась сущим ребенком. – Тогда ты не должен его убивать, это будет просто нечестно!

– Не могу согласиться, дорогая. Одно благое дело не закрасит всех злодеяний, что совершил этот Гроф. К тому же я ведь тебе говорил, что стою чуть ли не последним в списке жаждущих его крови.

Рейла привычно насупилась, но из-под маски этого не было видно. Девушке очень понравился и сам бал, и место, в котором он проходил. Такие залы можно было увидеть лишь в самых популярных салонах столицы и еще в парочке дворцов. Рейла эл Гийом просто не могла взять в толк, откуда у заштатного барончика такие деньги. Разве что ответ кроется в неприлично малом количестве прислуги и полном отсутствии стражи?

- Леди, - прошелестело за спиной.

Девушка обернулась и увидела перед собой статного юношу. Его широкие плечи говорили о принадлежности к воинам, но при этом ладони не были грубы, как у того же Дирга. Мягкий и спокойный голос дополнял образ. Взглянув же на серебряную маску, девушка на мгновение растерялась: из прорезей на нее смотрели добрые и теплые глаза.

- Могу ли я пригласить вас на танец? - спросил незнакомец.

Рейла, совсем как раньше, обернулась к другу, ища поддержки. Тот ответил едва заметным кивком, и пара вошла в круг.

Тим

Я, конечно, понимаю - все, что сейчас происходит, попахивает безрассудством, но ничего не могу поделать. Разум гормонам приказать не может, а эти самые гормоны устроили настоящий бунт. Целых пять лет я обходился без женского общества, и теперь кровь закипала при одном взгляде на стройные фигурки. А учитывая тот факт, что у Ройса никогда не было дамы... Короче, я поддался порыву и пригласил на танец первую попавшуюся свободную леди. И неважно, что она младше меня лет на десять. Можно спокойно принять как должное, что даже моей психике не двадцать семь лет, а двадцать один год, если не меньше. И связано это не столько с переносом и поглощением чужой памяти, сколько с пятилетним отшельничеством в лесу. Впрочем, сейчас заниматься самоанализом у меня нет никакого желания. Этим я займусь позже, а скорее всего никогда.

- Вы либо глупец, либо невежа, - прошептала девушка в золотой маске.

- И чем я заслужил столь нелестную характеристику? - спросил я.

- То есть звать девушку в круг, не умея танцевать, - для вас норма поведения?

Не виноватый я, это все гормоны. М-да, я не задумался над этим, а ведь она стояла рядом с каким-то парнем. А если он посчитает такой поступок оскорблением? Мне дуэль сейчас нужна как лошадь гному.

- Вы меня подловили, - как можно теплее сказал я. - Вы мне настолько понравились, что я не сумел сдержаться.

- Как же я вам могла понравиться, если лицо скрыто маской?

- Если не видно лица, я смотрю на фигуру, а у вас она идеальна.

Да, детка, переспорить филолога - ну ты придумала, конечно. На такой подвиг способны лишь некоторые историки.

- В зале присутствуют девушки постройнее, - все не унималась леди.

- Тогда считай это судьбой. - Надеюсь, она клюнет на такую нехитрую уловку.

- Я вам не позволяла обращаться ко мне на «ты»! - прошипела она.

А то я этого не знаю. Но ведь ты сейчас даже не заметила, что мы сменили тему и инициатива теперь у меня.

- Раз лица скрыты масками, то к чему весь этот этикет? - притворно удивился я. - Ведь ты даже не знаешь, кто я. Быть может, перед тобой крестьянин, лишь одетый как дворянин, а может, и убийца, пробравшийся в замок по чью-то душу.

Девушка не успела ответить - закончилась музыка и пары разошлись. Нехотя выпуская из своих рук эту, теперь уже явно смущенную малышку, я развернулся, чтобы покинуть помещение и скрыться в саду. Но, кажется, сегодня у Харты выдался выходной и она решила вплотную заняться иномирянином, записавшимся в последователи кровавой богини.

- Что вы себе позволяете? - взревел мужик в самой богатой маске. - Как вы посмели в моем замке так грязно приставать к моей же гостье?!

Барон скинул аксессуар, и я смог убедиться в точности полученной информации, вот разве что заказчик напутал с ростом. Ройс был довольно высоким, а Дори возвышался над ним, то есть надо мной, на целую голову. И что значит «грязно приставал»? Теперь и потанцевать нельзя? А, дьявол, я же забылся совсем. Это мне не двадцатый век. И в танце здесь держат пионерскую дистанцию, а руки ниже талии не опускают.

- Не понимаю, о чем вы. - Я решил играть дурачка до последнего. К тому же, если законами не предусмотрен арест, есть смысл надеяться на дуэль. Главное, чтобы вызвал меня сам барон, и тогда выбирать условия буду уже я.

- Не понимаешь?! - совсем взбесился Дори. - Тогда тебе при перерождении объяснят. Дуэль! До смерти. Немедленно!

Демоны, что-то я совсем туплю, а все физиология проклятая. Если вызов бросает хозяин приема, то и условия ставит он. А я уж понадеялся, что удача сегодня повернулась ко мне своей кошерной частью тела.

- Ваше право, - с поклоном ответил я. - Тогда, полагаю, нам стоит пройти во двор?

- Надо же, а я-то думал, ты совсем идиот, - ядовито выплюнул барон.

Глава 4

Пустые ножны

Встопорщившись, словно павлин по весне, Дори широкими шагами отправился на выход. За ним гуськом последовала колонна из благородных. Зрелище напоминало утку и ее птенцов, а золотые маски добавляли красок общему антуражу. Еле сдерживая смех, я отправился следом. Ситуация, несмотря на видимую простоту, оказалась сложнее, чем можно себе представить. Да, я теперь без особых проблем могу смахнуться с целью. Но для начала стоит упомянуть, что дуэли - не мой конек. Я еще ни разу не сходил с противником в честном поединке. Да и в принципе таких поединков не было. Это вам не всадить в жертву нож, выйдя из тени, это надо встать в круг и под пристальными взглядами доброй сотни разумных начать фехтовать. И самое главное - каким образом, демоны загрызи этого барона, я вырежу ему глаза? Хотя здесь

есть удобный выход, разве что придется драпать так, как я еще никогда не драпал. Даже те спринтерские забеги, когда я убегал от учителя, чтобы не отдавать ему монету за проигрыш в споре, не сравнятся с тем, что придется вытворять, если все пойдет прахом.

Уже в коридоре кто-то схватил меня за локоть и резким движением остановил. Обернувшись, я ожидал увидеть кого угодно, но только не юношу лет пятнадцати. Откуда такая силища?

- Я заметил, у вас нет секунданта, - сказал парень. Голос у него был соответствующий, все еще высокий, но уже ломающийся.

- Вы правы, - согласился я, пытаюсь получше рассмотреть странного пацана. Средний рост, непримечательная фигура.

- Ну, раз я прав... - Парнишка отпустил мой локоть и снял маску. Лицо у него оказалось такое, что увидишь в толпе - даже не обратишь внимания. Вот только глаза - они были слишком умными. - Тогда я предлагаю свою кандидатуру. Уверяю, что справлюсь со столь ответственной задачей.

- И зачем вам это?

Парнишка лукаво усмехнулся, а между бровями пролегла маленькая, еле заметная складочка...

- Так ведь ежели человеку доброе дело сделаешь, так потом оно в двукратном размере вернется, - подмигнул юноша.

- Граф?! Но как?! И как вы...

- Тихе, - шикнул маг. По-волчьи оглядевшись, он потащил меня в закуток. - Что же вы, молодой человек, так кричите? Мне не составило труда вычислить вас по ауре, но не беспокойтесь, повторить такой трюк смогут лишь единицы.

Стоя в темном углу с волшебником, который меняет личины как перчатки, я чувствовал себя как-то неуютно, но попытался не выдать свое волнение.

- А что я должен был делать? Как-то не привык, что подвозящие меня люди оказываются наделены графским титулом, обладают магическим даром и имеют привычку менять облик.

- Не вижу в этом ничего удивительного, - вздохнул маг. - В замке сидеть скучно, а пачкаться в интригах других одаренных - это не мое. Вот и развлекаюсь как могу. Впрочем, мы напрасно теряем время. Вы примете мое предложение?

- Разумеется приму. - Еще бы я не принял - не хватало занять в своем загатнике обиженного мага-графа.

Развернувшись, я собирался выйти во двор, но меня снова остановили.

- Не спешите, - прошептал граф. Его глаза сияли, как раньше. И хотя передо мной стоял еще мальчик, появилось ощущение, будто разговор ведет умудренный муж. - Хочу вас предупредить: барон - заядлый бретер и всегда сражается до смерти. Уже многим он перешел дорожку, но, как видите, по-прежнему жив.

- А что же его не прикопали где-нибудь подальше?

- Родство с Гийомами, пусть даже с семьей, принадлежащей к их роду, о многом говорит. Большинство не хочет связываться с такой силой, - пожал плечами странный граф. - Впрочем, он и братцу своему успел нахамить.

- И член рода так это оставил? - удивился я. - Но почему?

Маг замолчал, а потом с прищуром спросил:

- Вы уверены, что хотите получить ответ?

Уверен ли я? Да я уже ни в чем не уверен. А намеки понимаю, и лезть в разборки между родами мне не улыбается. Я вообще собираюсь теперь прикинуться веником и не отвечать.

- Тогда ответьте на другой мой вопрос.

- Я слушаю.

- Какая вам выгода от помощи моей скромной персоне?

- По большому счету - никакой, - честно поведал граф. - Просто вы мне интересны, и я не возражаю, если через годик-другой вы заглянете ко мне в замок и поведаете немощному старику о том, что делается на дорогах мира.

Заглянув в ставшие стальными глаза, я получил в свою копилку еще один тонкий намек.

- Хорошо.

- Тогда слушайте и запоминайте. - Тут маг заговорщицки подмигнул и разве что руки не стал потирать. - Когда все закончится, у вас будет секунды три, чтобы уйти. Это я гарантирую. Но от погони скроетесь сами.

- Но...

Граф властно взмахнул рукой, прерывая мой неозвученный вопрос:

- Не стоит, молодой человек, не стоит. Лучше поторопиться, а то вас уже заждались.

С этими словами старик в облике юнца зашагал в сторону двора. Немного постояв, я двинулся следом. Не стоит обманываться, Добряк много рассказывал мне о магах, а также о том, скольких он отправил на тот свет. Но ни разу, еще раз повторю - ни разу его не вскрыл волшебник. А меня просчитали на раз, сделали как мальчишку, еще и обязали заглянуть в обитель этого самого мага. Может, данное ремесло действительно не мое?

Во дворике, утопающем в листве деревьев, окруженном маленькими фонтанчиками, уже заканчивал разминаться Дори. Показушник. Сбросив камзол и выпустив рубашку из штанов, он отрабатывал нехитрые приемы. Не знаю, какой он там бретер, но с клинком явно знаком, хоть и пользовался каким-то убожеством. Меч был почти полтора метра в длину, но обладал узким лезвием. Таким удобно колоть, а не резать. Впрочем, все зависит от умения владельца.

Скинув камзол, я снял с пояса ножны. По обычаю их следовало отдать секунданту, и от этого сердце кровью обливалось. Я держал в руках целое состояние. Упершись взглядом в требовательное лицо графа, все же положил на бархатную подушечку это великолепие и резким движением выдернул клинок, отчего чуть не упал... Раздались смешки, а барон, быстро сориентировавшись, выдал:

- Смотрю, ты решил рассмешить нас перед смертью! Не знал, что в Империи за время моего отсутствия развелось столько трусов, боящихся даже сталь на бок повесить.

Дворяне засмеялись еще громче, а я ошарашенно смотрел на рукоять без самого клинка. Эх и подставил же меня тот певец! Вот ведь демонов позер, ножны есть - а меча нет. Я, пребывая в астрале, схватил ножны и потряс их, но ответом мне был лишь новый взрыв хохота.

- Возьмите мой, - протянул свой меч тот самый рыжеволосый парень, стоявший рядом с леди, подарившей мне танец.

Очень широкий жест. Отдать кому-то свой клинок - это не жвачкой поделиться. Хохот сразу прекратился, и по кругу пошел шепоток.

- Благодарю, но не стоит, - поклонился я, и не ради этикета, а действительно из чувства глубокого уважения к незнакомцу. - Произошло досадное недоразумение, но я никогда не хожу без запасного оружия.

С этими словами я выхватил кинжал и, поклонившись сопернику, - это уже была дань традициям, - встал в круг.

- Надеюсь, ты не поранишься этими зубочистками, - сплюнул Дори и встал в классическую стойку.

Я лишь ухмыльнулся. Правая нога барона выдвинута вперед, левая, чуть согнутая, отведена назад, острие клинка смотрит прямо мне в сердце. Безупречно выполненная стойка обрекла исполнителя на скорую гибель.

- Может, вы уже снимете маску? - поинтересовался противник.

А ламбаду тебе не сплясать? За сигаретами не сбегать?

- Боюсь, не имею на это права, - с легкой усмешкой ответил я. - Мое лицо столь уродливо, что некоторые леди могут счесть зрелище такого рода оскорблением, а еще несколько дуэлей не входило в мои планы.

Дори хотел что-то сказать, но тут вступил в игру граф. Властным голосом он гаркнул:

- Начинайте!

Звуки как ножом отсекло. Сейчас проходит первый и единственный экзамен. И что же я имею? Этап подготовки - провален, «скрыт» - провален, внедрение - на твердую «тройку», незаметность - провалена. Осталась лишь битва, хоть здесь я обязан набрать максимальный балл.

Барон действительно оказался опытным дуэлянтom. Он не стал рваться вперед и теперь обходил меня по кругу, выискивая слабые места. Но, как говорится, флаг тебе в руки и звезду на грудь. Я принял обманчиво расслабленное положение. Опущенные руки в любую секунду готовы сорваться в стремительном рывке. Чуть согнутые ноги позволят увеличить дистанцию в необходимый момент. Впрочем, долго скучать не пришлось. Дори не выдержал и рванулся в прямом выпаде. Рассчитал он верно - напал со стороны левой руки под небольшим углом, целя прямо в гортань. Эх, с «Бобби» по скорости ему, конечно, не сравниться, да и до Добряка - как до Диких Земель.

Дернувшись вправо, я ушел с траектории удара. Резкий разворот – и старший кинжал, покоящийся в правой руке, пронзает локтевой сустав Дори. Раздается крик, но это лишь начало. Развернувшись на сто восемьдесят градусов и сместив центр тяжести, вгоняю младший кинжал между шейными позвонками. Крик срывается на хрип. Осталось завершить связку. Поворачивая кинжал на девяносто градусов по часовой стрелке, я снова переношу центр тяжести и одним движением оказываюсь за спиной мертвеца. Пробитая рука все еще безвольно опускается, роняя клинок, а горло уже пронзает старший. Одно резкое движение – и тело лишается головы. В этот же момент маг накрывает нас плотной дымкой.

Звуки вернулись в мир. Слышатся крики, кто-то вопит: «Убийцы!», кто-то зовет стражу, а я, схватив голову барона, рвусь к стене. Чувство опасности взвыло совсем как пожарная сирена, и я отскочил в сторону. В эту же секунду рядом упал маленький шарик, сотканный из изумрудного пламени.

«Маги!» – подумал я и лишь благодаря титаническому усилию воли не поддался панике.

За пять секунд я достиг лестницы, ведущей на стену. Я не оборачивался, не думал, только бежал. Ступени пронеслись со скоростью падающей звезды, и вот я уже прыгаю с парашюта. До земли всего несколько метров, это не составит для меня большой проблемы. Перед самым приземлением я сгруппировался и, убрав инерцию падения кувырком, понесся в сторону леса. Через минуту на опушке показалась Редиска. Откопав клинки, я с секунду провозился с головой Дори. Обвязав кобылку запачканной кровью камзолом, с криком «пошла!» отправил ее на запад. Закинув как можно дальше на восток ставшую бесполезной голову, я двинулся на север, в сторону столицы.

Петляя, аки заяц молодой, я выписывал круги, спирали и зигзаги. Иногда, отталкиваясь от деревьев, вовсе не оставлял следов, а затем снова все по новой. Лишь через полчаса, когда крики погони оказались в противоположной от меня стороне, я позволил себе забраться на верхний ярус леса и продолжить движение уже там.

Измученного битвой и забегом тела хватило лишь на час. Выбившись из сил, я расположился на широкой ветке клена и закрыл глаза. Сердце бешено стучало, но с каждым моим вздохом замедляло бег. Итак, что мы имеем? Дуэль я провалил, как, впрочем, и все остальное дело. Руку следовало отрезать, а кровь при этом не должна была даже попасть на исполнителя «змеиного шага». Ведь на «Бобби» у меня получалось выполнить эту простейшую технику с невероятной точностью. А в настоящей драке вон как пошло. Позор. Добряк уже небось весь оплевался на том свете и теперь отрещивается от такого бездарного ученика.

– К демонам, – еле проговорил я. Язык отказывался повиноваться, а сознание то и дело соскальзывало в небытие. – Завязываю с убийствами, не мое это.

С этими мыслями я провалился в мир снов.

Утро встретило меня нежным, пушистым хвостом. Сперва я подумал, что это незабвенный северный зверек, но нет, у меня на голове устроилась на ночлег бесстрашная белка. Свернувшись калачиком, она, расслабившись, выпустила свой мохнатый отросток. И все бы ничего, но грызун решил, что лежать спокойно – это недостойное поведение, и именно поэтому стал остервенело размахивать дополнительной конечностью. Зажмурив едва открытые глаза, я чихнул и, не удержав равновесие, слетел с уже насиженной ветки. Полет не занял слишком много времени, но за это время стало ясно, что великий и могучий я не забыл, во всяком случае его нецензурную составляющую. С трудом выбравшись из кустов и подхватив камень, я

уже собирался отомстить незваному гостю, но белка, почуяв неладное, скрылась в неизвестном направлении.

Вытащив из заплечного мешка краюху черствого хлеба, я стал анализировать вчерашний день. На повестке дня самый важный для выживания и сохранения рассудка вопрос – что я чувствую после убийства человека. Ну, для начала могу констатировать очевидное: кошмары мне не снились. А на душе? А на душе спокойно. И самое обидное, что непонятно, радоваться или нет. Одно стало понятно – кровь меня не смущает. Не знаю, чья это заслуга, Добряка или тех безвинных графских свинок и кур, но факт остается фактом – что-то во мне изменилось.

Далее. Из максимальных пятидесяти баллов по собственной шкале я набрал всего семь. М-да, статистика удручающая. Если я хочу идти по стезе убийцы, мне нужна команда, но вопрос, хочу ли я этого, остается открытым. Ответить довольно сложно. На одной чаше весов лежат деньги, на другой – здравый рассудок. Я отнюдь не уверен, что все Тени или простые Ночники схожи характером с Добряком. Есть мнение, что в основном это либо банальные подонки, либо расчетливые эгоисты, такие же, как я. И что же? Отправимся мы на дело, а я по неопытности совершу очередной «ляп». Разве меня станут спасать? Да ни фиги, сами прирежут. Получается, на сложные дела меня не возьмут, а за копейки работать не хочется. Может, снова обратиться к помощи высоких существей?

«Сын мой, – начал бы вещать ангел. – Оставь эти гнилые мысли, покайся в грехах и ищи путь, достойный человека, но не свиньи».

«Как же достала эта ошибка мироздания, – вздохнул бы любитель трезубцев. – Наш план прост и ясен: сейчас в столицу, закрываем контракт, валим идиота-заказчика и прибываемся к бандитам. Скоро начнется подходящий сезон, и на тракте будет не протолкнуться от торгашей. Эх, заживем же!»

«Молчи, сатанист!»

«А я и не скрываю, но не желаю слышать имя отца из уст такого продажного лицемера, как ты».

«Что-о?!» – От возмущения крылатый свалился бы с моего плеча.

«Что слышал, – высунул бы язык демоненок. – Тим человека завалил, а тебе лишь бы покаяние получить и благое дело. А как получишь – сразу забываешь обо всем, что было раньше. Фу, мерзость».

«Да как ты...»

Все с ними ясно. От такого подхода к вопросу толку никакого. Мерить этот мир старой моралью по крайней мере глупо. Да и думать сейчас о таких вещах неразумно. Я не знаю, сколько будет стоить обучение в Академии, – может, мне и пятидесяти золотых хватит. Все-таки это довольно крупная сумма. Так что, махнув на проблемы рукой, я перешел на бег в стиле «марш-бросок» и отключил сознание.

Хотя стоит все же объяснить, что под этим подразумевается. У «скрыта», как и у любой другой подобной техники, есть что-то вроде уровней. Так вот, основа основ ремесла Тени заключается в контроле над собственным разумом и телом, и, когда с этим все в порядке, ученику становится доступным «скрыт». Но было бы глупо полагать, что на этом все заканчивается. Напротив, это лишь первая ступень. После того как я научился основам, Добряк наглядно продемонстрировал, к чему надо стремиться. В этот раз он не исчез в обычном понимании это

слова. Фигура наставника замерцала, заходила рябью, подобно потревоженной водной глади, а потом он очутился на противоположном конце плаца. Подобный финт обладал каким-то очень пафосным названием, но, увы, память хоть и близка к идеалу, но все же не абсолютна. Такая мелочь просто выветрилась из головы, и я стал называть это «серфер». Сам не знаю почему – возможно, слишком сильной была ассоциация с водой. Ну а промежуточной ступенью между «серфером» и «скрытом» стала возможность ослабить контроль над сознанием во время обычного бега, без всякого дополнительного ускорения. С этим я справился довольно быстро, потратив на тренировки всего пять сезонов. Но дальше оказалось слишком сложно, во всяком случае для моего уровня. Замедлить ритм сердца, дыхание и влияние на окружающую среду в то время, как ты активно перебираешь ногами, – это архисложно и небезопасно. Именно поэтому с помощью «серфера» можно преодолевать лишь маленькие отрезки, используя технику для молниеносного нападения или бегства – читай: достойного отступления.

Кстати, подобным ранжированием обладали почти все техники и приемы, которые с усердием вдавливал в своего бездарного ученика мастер Добряк. А в своей бездарности я не сомневался, против природы не попрешь. Начинать учить крестьянского паренька в пятнадцать лет тому, что иные познают с пеленок, – не самое благодарное занятие. И уровня ниже среднего я достиг лишь благодаря учителю и безвыходности собственного положения. Если не стану сильнее – умру, если умру – не смогу увидеть этот мир. А что может быть хуже сидения в одной стране, где оказался в результате внезапного попадания в другую вселенную? Только «профессия» личного слуги, а точнее раба. Испробовав на собственной шкуре второе, я не собирался лишаться первого. Благо никакими предсказаниями я не скован да и обязательств не имею, разве что парочку, но об этом уже сам позабочусь. Самое главное, обо мне никто не знает, граф и Шрам не в счет, а значит, всем на меня плевать. Никаких тебе разборок в узком кругу сбрендивших магов, скажем «нет» королям и их интригам, ну а если боги все же существуют (лично я не просто в этом сомневаюсь, а уверен в обратном), то пусть идут лесом, направление движения я могу и подсказать.

К полудню, когда весеннее солнце начинало припекать, я добрался до стен столицы. И что же я увидел? Всего-навсего каменное сооружение высотой метров семь или чуть больше. Где, спрашивается, величественная стена, заслоняющая собой солнце? Нет, я понимаю, что если напиться и выползти из города на карачках, то стена такой и будет казаться, но мне ведь этого не нужно, я не собирался ахать и охать. Я был вынужден пристроиться в хвост длинной очереди и ждать. К последнему у меня уже выработывался иммунитет. Если на Земле очереди больше чем из одного человека выводили меня из себя, то сейчас я стал спокойно разглядывать окружающих. А посмотреть было на что.

Для начала пришлось признать правдивость историй мастера. Вместо женственных эльфов с невероятно красивой физиономией я увидел обычных парней и девушек. Разве что уши у них были длинные и заостренные, во всем остальном – да таких тринадцать на дюжину. Да и имена у любителей природы не особо выделялись, а уж язык, поверьте мне, не обладал и толикой певучести. Хотя все эти стереотипы объяснялись тремя словами – ум, Библия, Толкиен. Причем последний сумел собрать из этой солянки успешный бренд. Чтобы было понятно, давайте обратимся ко второму – к Библии. Что там нам говорят про ангелов? Первые сыновья Бога обладали неотразимой красотой, оно и понятно – ведь их сделали олицетворением совершенства. А имена какие? *Мафусаил*, *Тириэль*, *Кохабиэль*, *Израэль*, *Михаэль*, *Задкиил*, что-то я уже увлекся. В общем, сходство очевидно. И тут мы вплотную подходим к категории «ум», вернее – «образованность». Как проще всего донести до читателя образ, если фактически сравнивать не с чем? Ведь прочитав слово «дерево», человек, так или иначе, представит себе все то же поленце с веточками и листочками. И вдруг со страниц очередной нетленки выскакивает термин «эльф», ну и что с этим делать? Дать простое описание? Хорошо,

прокатит, но атмосферу не создаст. Вот тут и сыграла свою роль образованность. В начале прошлого века, как и в середине, набожных людей было очень много, а уж тех, кто на «ты» со Священным Писанием, – и вовсе девять из десяти, а многие читали первый сборник сказок не по одному разу. Вот любитель табака и трубки, наделив невозможно прекрасных персонажей именами, созвучными с ангельскими, и сыграл на простом ассоциативном ряде, тем самым запустив процесс подсознательной визуализации. Казалось бы, все так просто, но почему-то об этом мало кто думает. Правда, сам я Библию не читал, но простой логики здесь хватит сполна.

Тут группка ушастых продвинулась вперед и пропала из виду. Чтобы хоть чем-то себя занять, я продолжил грубо пялиться на окружающих, благо стояли мы в четыре ряда и никаких сложностей с этим не возникало. Вот взгляд уперся в крытую повозку, я бы даже назвал ее дилижансом, уж очень это сооружение похоже на американского собрата. Дальше, мазнув взглядом по ничем не примечательной фигурке девушки, сидевшей рядом с пожилым мужчиной, я стал проводить сравнительный анализ уже другой группы разумных. Кстати, несмотря на то что девушка была вообще не в моем вкусе, в штанах стало как-то тесновато. И в этом я видел проблему, стоявшую в списке ниже лишь поступления в Академию. Но сейчас речь не об этом.

Господа гномы в отличие от эльфов отвечали всем канонам. Рост примерно полтора метра, но от этого они не казались дохляками. Наоборот, с такого расстояния я не мог различить, кто из них какого пола. Все шесть фигур обладали широкими плечами и бугрящимися мышцами. Жаль, не видно лиц, хотя что-то мне подсказывает, что байки Добряка на тему бородатых гномов, – это действительно всего лишь байки. У каждого из шестерки за спиной то ли по секире, то ли по боевому топору, я как-то в рубящем оружии не разбираюсь. А еще малорослики, несмотря на палящий зной, облачились в походный прикид. Поножи из сверкающей стали, кольчуга из маленьких звеньев, нарукавники (отсюда не видно, но скорее всего тоже из стали) и шлем. Да я бы уже сварился, а им все нипочем.

Когда со знакомством с местными разумными было покончено, я уже как раз подошел к стражнику. Этот тип меня также ничем не удивил. Плотный доспех, в руках алебарда, на поясе боевой нож. Кстати, мнение о том, что стража носит мечи, – не более чем штамп, возникший благодаря творчеству Дюма. Мечи и арбалеты в своем распоряжении имели только гвардейцы. А на поле брани вообще использовались четырехметровые пики. И когда на тебя смотрит такой ежик, как-то не помашешь даже бастардом. Конечно, многие могут покивать на двуручники, но ими вовсе не срубали по десять врагов за присест. Наоборот, люди, стоявшие в первой линии, умирали почти мгновенно. Единицы из тех, кто повезучее или поопытнее, проталкивались через плотный заградительный барьер и, схватив своего железного мутанта за крестовину, кололи вражинам ноги. В случае если строй рассыпался, двуручник отбрасывался, желательно в сторону стоящего напротив противника, выхватывался кинжал с обычным мечом и смертник старался продать свою жизнь как можно дороже. Во всяком случае так было на Земле. Как бьются здесь, когда за спиной стоят маги, я не имею ни малейшего представления. Добряк очень неохотно делился своими воспоминаниями об участии в войнах. Может, здесь все красиво звенят мечами, а в бешеной рубке всегда найдется берсерк с огромным топором или полукровка с двухметровым клинком, но в Европе мечами владели лишь рыцари и некоторые наемники – слишком дорого да и навыка требует.

- Кто такой, зачем и откуда? – без тени эмоций протараторил страж.

И я его прекрасно понимаю. Весь день стоять под солнцем и проверять приезжих... М-да, работка не сахар. Достав серебряную монетку, я бросил ее со словами:

- Первый тост – за меня.

Стражник едва заметно кивнул и освободил проход. А с распеканием местной архитектуры я погорячился. Стена хоть и невысокая, но вот ширина... этого не отнимешь. За спиной бедняги стража меня встретил туннель длиной метров пять. Что-то я не помню, чтобы такие пузаны стояли в моем мире. Хотя видел я замков немало. Начиная от выборгского и заканчивая испанскими вариантами. Проход, освещенный четырьмя факелами, внушал некий трепет перед строителями, вернее, перед теми, кто в буквальном смысле положил свою жизнь в фундамент крепости.

Впрочем, стоило мне сделать еще один шаг вперед, как в голову ударил бурный поток, состоящий из звуков, запахов и ощущений. Казалось бы, столица должна замереть и затаиться до тех пор, пока не стихнет пожар войны, но она всем своим видом показывала, что не готова так просто сдаться. С гордо поднятой головой Сантос сверкал великолепием, подобающим тысячелетнему городу. Шагая по главному проспекту, я не имел сил отвести взгляд от окружающего меня мира. Аккуратные, одноцветные двух- и трехэтажные дома сменялись торговыми улочками, с присущим им оживлением. Под красными и зелеными навесами стояли лавочки, они наперебой выкрикивали нехитрые стишки и зазывали покупателей. Чуть дальше располагался Старший Торговый квартал. Здесь горожанин окунался в совершенно другую среду. Без суеты и дерганый можно было пройти в нужный магазин. Здесь портные снимали мерки с благородных, принимали заказы кузнецы, а на отшибе стояли конюшни, лишь немногим уступавшие императорским. На огромной площади в центре, утопающей в зелени и залитой лучами солнца, расположились самые богатые поместья столицы. А в самом центре, если пройти по мощеной улочке еще немного, видны позолоченные крыши дворца и переливающиеся шпили. Говорят, он столь огромен, что количество комнат в нем знает лишь престарелый постельничий. А золота и серебра, пылящегося там, хватило бы на покупку земель, по площади сопоставимых с крупным герцогством.

- Посторонись! - крикнул кучер.

Мне повезло вовремя отпрыгнуть в сторону. Засмотревшись, я не заметил, как оказался на своеобразной проезжей части. Едва я успел отскочить, как за спиной пронеслась карета, запряженная четверкой гнедых. Движение оказалось достаточно оживленным. На дороге то и дело мелькали кареты или всадники. Многие со временем пропадали в переулках, но большинство двигались в сторону центра. Вновь окинув взглядом сие великолепие, я зашагал в сторону нужного дома, стоявшего на Девятой улице. Когда-то учитель заставил меня выучить схемы крупнейших городов мира, а в качестве проверки давал задание чертить их палкой на плацу. Но вот в чем загвоздка - когда ветер сдувал часть чертежа, Добряк только пожимал плечами и заставлял начинать с нуля. Демоны, как я его ненавидел в те времена! Так часто бывает. Сначала ученик прокликает наставника, а потом хочет отблагодарить, но мастера уже нет рядом со своим протезе, и тогда на душе появляется такое неприятное, мерзостное ощущение, будто ты неблагодарный засранец. У меня такого не возникало, но на мгновение стало неудобно.

Оказавшись на нужной улице, я порылся в мешке и выудил маленький кожаный мешочек, неприятно хрустевший и покрытый коркой засохшей крови. За ним на свет явился пакет с бумагами, и на этом официальные приготовления были закончены. Теперь осталось лишь осмотреться. Дом, в котором спрятался заказчик, оказался нелепой одноэтажной хибарой, сараем, если уж говорить не приукрашивая. Скорее всего черного входа нет - это плюс, наличие четырех окон - минус. Накрыть я сумею лишь два, максимум три, а значит, у нанимателя будет лазейка для отхода. Достав из сумки смазанные ядом иглы, подготовленные во время бега, я рассовал их по карманам. На поясе закрепил шесть листовидных метательных ножей. В голенища приватизированных на балу сапог закинул специальные топоры, которые благодаря своей конструкции могли спокойно ломать хлипкие мечи. Еще раз осмотревшись и

не найдя на узкой улице следов городского патруля, я с пинка открыл калитку и оказался во двореке.

Некогда здесь был аккуратный садик, но сейчас все поросло сорняками, а трава вздымалась чуть ли не до пряжки ремня. Каждый шаг приходилось контролировать и перемещаться так, чтобы ни одна травинка не качнулась, а ветер всегда бил в лицо. Наконец я встал на крыльцо. Петли оказались хорошо смазанными. Что ж, это хорошо для меня и плохо для заказчика. Осторожно открывая дверь, я ожидал увидеть все что угодно и был готов почти к любой неприятности... В темной зале за круглым столом сидел некто, завернутый в плащ. Лица я не видел, но ощущения подсказывали, что все-таки это мужчина.

- А я уж и не думал увидеть вас сегодня, - сказал Плащ.

Ну да, фантазия у меня небогатая. Хозяина таверны обозвал Шрамом, этого вот - Плащом, но что поделывать, если самому спрашивать чужое имя в этом мире считается моветоном.

- Задержался по дороге, - ответил я, бросая на стол бумаги и мешочек.

Незнакомец сгреб бумаги, высунув из-под накидки руки в темных кожаных перчатках, что информации также не прибавляло. Развязав тесемки кошелька, он несколько секунд осматривал доказательства выполненной сделки, а потом выложил туго набитый кошелек.

- Здесь пятьдесят и двадцать пять - неустойка, - протянул он и встал из-за стола.

Как только Плащ сделал шаг по направлению к выходу, я дернулся, чтобы выхватить иглы, но руки, как и все тело, отказывались подчиняться. Недоуменно переводя взгляд со своего застывшего тела на незнакомца, я даже губами пошевелить не мог.

- Не беспокойтесь, - бросил из-за спины уходящий заказчик. - Это всего лишь простенькое заклинание временного паралича, через полчаса само пройдет.

С этими словами Плащ захлопнул дверь и был таков.

Я рвал и метал, проклинал себя, барона и Шрама, был готов порвать голыми руками этого упыря, скрывающегося под темной накидкой... но, естественно, все это происходило лишь в моем воображении. В действительности тело продолжало стоять на одном месте. Немного успокоившись и приняв происходящее как данность, я стал размышлять о произошедшем. Для начала есть два возможных варианта. Либо Плащ - маг, что маловероятно: в этом случае он бы нанял более квалифицированного исполнителя или вовсе сделал все сам. Либо он столь богат, что может позволить себе купить амулет, а стоят они будь здоров. И опять мы возвращаемся к тому, с чего начинали, - я еще не готов. Точнее, я еще не привык к этому миру. Продумав все возможные ходы развития ситуации, я ни разу не вспомнил о такой простой вещи, как магия. Можно сколько угодно кичиться тем, что я живу здесь уже шесть лет, но если посмотреть в глаза правде, то станет очевидно: первый год я не разгибал спины в графском замке, а остальное время провел в лесу один на один с маньяком. Весьма оригинальный способ погружения в чуждый социум. В итоге я знаю языки, архитектуру, немного истории и даже умею убивать, но вот что касается самих людей - здесь оказался большущий пробел. И как показал сегодняшний обидный урок, устранять этот пробел нужно в первую очередь, иначе в следующий раз мне уже так сильно не повезет, а вместо паралича прилетит какая-нибудь смертельная фиговина - и привет старушка с косой, прощай мечта о путешествиях.

Я поразмышлял о вечном еще с десятков минут, когда почувствовал, что к конечностям возвращается жизнь. Сначала удалось пошевелить пальцами рук, потом согнулись ноги, и уже

минут через пять я вернул себе возможность двигаться. Тело тут же сорвалось в невероятном прыжке. Оказавшись на улице, я принялся озираться по сторонам, но глупо было бы предполагать, что Плащ решил зависнуть на улице, да еще и около дома, где находится разумный, жаждущий убить его. Кстати, о разумности: в последнее время я стал сомневаться в собственных способностях к логике и анализу. Хотя, возможно, это все из-за проклятой физиологии. Пора уже Ройсу приобщиться к радостям жизни, а то все это может плохо кончиться.

Убрав теперь уже бесполезные иглы, топоры и ножи обратно в мешок, я вышел на оживленный проспект. Сантос напоминал муравейник. Все куда-то бежали, что-то делали, кричали, толкались, спорили... Жизнь била ключом. Подойдя к поребрику, я поднял правую руку и уже через две минуты рядом оказался извозчик.

Запрыгнув в простенькую каретку, напоминающую обычный кеб, протянул бомбиле десять медных монеток:

- До Академии, пожалуйста.

Когда повозка тронулась, я устроился поудобнее на дешевеньком диванчике и ограничил восприятие. Тренирую «скрыт».

Глава 5

Новый путь

Стена. Вот все, что я увидел. Нет, вполне разумно отгородить молодых неопытных магов от социума, но как же быть нам, обычным туристам? Я намеревался поглазеть на солидную башню или готическое поместье, наконец, но все оказалось прозаичнее – за высокой, метра три, стеной скрывался отдельный квартал, который и именовался Академией. Дорога же, где сейчас разворачивался кебмен, упиралась в кованые ворота. Возле них притаилось двое служивых. Впрочем, они несколько отличались от своих братьев, виденных мною немногим ранее. Вместо доспехов – какие-то хламиды, отдаленно напоминающие классические робы, и никакого оружия.

Постояв еще с пару секунд, я уверенной походкой двинулся вперед. Но за несколько шагов до охранников наткнулся на неведомую преграду, не позволяющую сделать и шага в выбранном направлении.

- Чо надо? – раздраженно буркнул один из дозорных.

- Бабу рыжую и чашечку кофе – это раз, – начал я загибать пальцы. Такое хамское обращение сильно задело. – Гору золота – это два, и напоследок можешь мне императорский титул забрать – не обижусь.

- Че? – все с теми же интонациями повторил служивый.

М-да, а репертуар у них небогатый.

- А ты что, не золотая рыбка? Три желания не исполнишь?

- Че?

Надо мной решили поиздеваться?

- Прошу прощения за моего компаньона, - подал голос второй охранник. - Ему вчера на практике попали неприятным ментальным заклятием, он сейчас не очень хорошо соображает.

- Ну это я вижу, - уже остывая, согласился я. - А что же его, такого болезного, на ворота поставили?

- Да это у нас что-то вроде наказания, - отмахнулся парень. - Его вот - за то, что щит не удержал, меня - за то, что слишком много силы в заклятие вбухал.

- Так это ты его так?

- Ну да. Сам-то чего хотел?

Неплохо у них там развлекаются. Жду не дождусь, когда смогу приобщиться к подобной тусовке.

- Да вот решил поступать, а к кому обратиться - не знаю, - честно ответил я.

Парень, так неудачно замагичивший заклинание, на пару мгновений застыл, уставившись на меня.

- Задатки есть, - произнес он, враз поскучнев. - Но прием закончился пять дней назад, так что тебе еще год ждать придется.

Не беда. Я особо и не рассчитывал в этот же день попасть в стройные ряды студюзусов. Надежда, конечно, была, но не более того. Сейчас важно другое.

- Понятно, - протянул я. - А что по деньгам? Сколько стоит обучение?

- Пятьсот.

Я чуть не сел. Пять сотен полновесных монет за пять лет обучения - это же по сотне за год!

- Оплата сразу после прохождения аттестации, где выяснятся твои способности к магии, - продолжал студент. - Ну а на следующем курсе все проще: в начале семестра переводишь сумму на банковский счет.

- Погоди. Так пятьсот - это за один год?!

- Ну да, - растерянно кивнул парнишка.

Я развернулся и пошел. Просто пошел куда глаза глядят. Мозг отказывался думать. Две с половиной тысячи золотых - это баснословная сумма. Хорошо хоть оплата в рассрочку, но где же я столько возьму? Даже пятая часть этой суммы просто неподъемна для начинающего Ночника. Не нужно быть гением от арифметики, чтобы посчитать предполагаемую сезонную прибыль. Поначалу один я не справлюсь, это и к гадалке не ходи, - следовательно, соберется группа. А в таких компашках делят не поровну, а по-честному. В итоге я как самый неопытный буду получать хорошо если процентов пятнадцать-двадцать. А это в лучшем случае десятков, максимум два десятка золотых. Выходит, за оставшийся год я смогу собрать разве что сотню, это не учитывая попутных расходов не только на снарягу, но также на еду и жилье. Даже если затянуть пояс потуже, все равно получится примерно десять монет на год. И это не считая десятой части, причитающейся гильдии, и плюс взнос двадцать пять золотых... Что же делать? Можно, конечно, выйти на большую дорогу, но опять же - опыта в налетах у меня никакого, а я

не сомневаюсь, что караваны будут охраняться, причем сведущими в этом деле ребятами. Грабить караваны в одиночку – это не яблоки с соседнего участка таскать, да и в банде я много с этого не поимею. Если бы подобный вид деятельности приносил реальную прибыль, каждый такой умный пошел бы выставлять торгашей.

«А если наняться телохранителем?» – мелькнула идея.

Покрутив ее так и так, решил, что и это малоперспективно. Все опять упирается в авторитет, имя и опыт, а у меня ни того, ни другого, ни третьего. Выходит, если идти к Ночникам, на сбор средств у меня уйдет года четыре, и это по самым оптимистичным прикидкам. А что скажет развивающаяся на фоне слияния двух личностей шиза?

«Город красивый, – произнес бы любитель белого и сверкающего. – Может, в строители?»

«Айда в бордель, – нахмурившись, предложил бы хвостатый. – А то скоро будешь слюни по каждой юбке пускать».

Понятно. Обращаться к этим двоим, когда у самого нет никаких идей, –дохлый номер. Отлынивают от работы, мерзавцы. А как просто жилось на Земле, когда был всего один внутренний голос: провел анализ, обсудил результаты сам с собой – и вперед на ратные подвиги. А здесь одни непонятки. Ведь неясно, кто из этих мелких – я, а кто – Ройс. Но делать что-то надо. В крайнем случае продам сабли, за них полсотни срублю, это точно. Плюс еще мешочек, полученный от Плаща, это уже сотня. Жаль, кредит мне в банке не выдадут: поручителя нет, работы нет, беда, одним словом. Так что как ни верти ситуацию, а света в конце туннеля так и не видно. Темно, демоны задеря эту рыночную систему, как у негра в за...

– Смотрите, какой красивый, – прозвучало за спиной. – И что же делает господин благородный в таком захолустье?

Я не сразу понял, что обращаются ко мне. Но потом мозг все-таки взялся за работу и соизволил сообщить, что я до сих пор не переоделся и по-прежнему щеголяю в парадном костюмчике, даром что слегка припорошенном дорожной пылью. Оглядевшись, я сокрушенно помотал головой. Надо что-то делать с пагубной привычкой бесцельно бродить, задумавшись. То машина собьет, то от кареты упрыгиваю, теперь в трущобы угодил, на самую окраину столицы. А сколько баек Добряк рассказал про улицу Пяти Ям, слышную центром разгульной жизни, – из них можно книгу составить. Обернувшись, я увидел компанию явно скучающих людей. Впрочем, от того, что скучают они, мне легче не стало, даже как-то наоборот.

– Да вот, – развел я руками и приготовился делать ноги. С пятью противниками мне не справиться. И к демонам, что среди них одна женщина, – наверняка не пальцем делана, раз шастает в таких райончиках. – Гуляю, отдыхаю, никому не мешаю.

– Гуляешь, значит, – прищурился заводила, парень среднего роста с цепким взглядом, пышной шевелюрой и мечом на поясе. – А про пошлину на прогулки не слыхал?

Я уже во второй раз за день начал выпадать в осадок. Это же какое сходство с родной земной гопотой! Разве что сигарету не попытались стрельнуть.

– Да как-то не слыхал, – ответил я, отмечая, что пятерка начала грамотно брать жертву в кольцо.

По правую руку уже нарисовались двое коренастых мужиков, а с левой стороны очутилась девка и... эльф. Его единственное отличие от представителя человеческой расы – заостренные

уши, а так самый обычный парень. Заводила остался стоять напротив.

Ладненько, придется пройтись по трупу. Срежу этого перца и втоплю по улочкам, благо их расположение я знаю на «отлично».

- Тогда, полагаю, будет разумным предположить, что теперь вы проникнетесь и оставите стражам порядка, скажем... все, что у вас есть.

Эка он завернул. А здесь весело. То крестьяне изъясняются с тобой академическим языком, но им можно, они ведь магографы, просто сменившие свой облик. Теперь вот эта неведомая зверюшка меня увещевает... Может, это принц какой, а я просто не в теме?

- Давайте решим возникший вопрос разумным путем. Вы пойдете в свою сторону, а я в другую. - Я выдвинул из ножен сабли, но столь характерный жест вызвал лишь пять ухмылок.

- Желание благородного - закон, - пожал плечами заводила. - Вот только одна загвоздка - моя сторона как раз за твоей спиной.

Парень хоть и был среднего роста, но обладал потрясающей скоростью. В мгновение ока он выхватил клинок из ножен и ринулся в атаку. Приняв первый выпад на плоскость широкой сабли, я попытался достать нападающего уколом в бедро, но тот, сместившись, сам попытался насадить меня на меч. Пораженный таким натиском, я ушел в глухую оборону. Защищаясь двумя саблями всего от одного клинка, я не имел возможности для контратаки. Да какого демона здесь творится?! Мне Добряк что, лапшу на уши вешал? Почему этот работник топора и кинжала уверенно меня теснит, показывая небывалое мастерство в фехтовании? Его невзрачный бастард мелькает с такой прытью, что я уже получил несколько царапин на руках и теперь рискую обессилеть из-за потери крови.

Разозлившись на самого себя, я отпрыгнул назад, а потом ушел в практически горизонтальный рывок. Сабли разве что искры из мостовой не высекали. Левая рука, сжимая потеплевшую от работы сталь, метнулась в обманном выпаде, нацеленном в печень. Противник не купился и ушел с траектории, приготовившись отбивать настоящую атаку. Я не заставил его долго ждать. Вторая сабля, покоящаяся в обратном хвате, со свистом врезалась в поставленный блок. Этим финтом я намеревался выпустить парню кишки, но все оказалось не так просто.

Отбив мою комбинацию, заводила сам продемонстрировал хитрый прием. Встав в классическую стойку, он дернул кистью влево и одновременно с этим начал движение корпусом. Клинок разбойника, выписав замысловатую змейку, прошел через выставленную защиту и оцарапал мне плечо. По идее он должен был проткнуть горло, но в последний момент я успел уйти в перекат.

Оказавшись в ситуации, когда навыки противника превышают то, к чему меня готовил Добряк, я видел лишь два решения: либо начать работать на полную катушку и открыть спину стоявшим в кольце вора, либо обнажить кинжалы. Но, увидев характерное оружие Теней, эти четверо тут же ломанутся на подмогу поделнику, поэтому выход остается один - закончить поединок собственной техникой. Хотя это сопряжено с риском, поскольку я начал набирать ее всего полгода назад, но лишь так появится шанс обойти защиту противника.

Первый глубокий вдох отсекает лишние образы, оставив для восприятия одну маленькую точку на теле врага. Волевым усилием я ускорил работу сердца. Кровь заструилась по жилам, одаря мышцы кислородом и повышая скорость. Еще один глубокий вдох без выдоха - и суставные сумки насыщаются кислородом, это увеличит гибкость и подвижность. Замерев на мгновение, я увидел, как медленно приближается острый кончик бастарда.

Рывок – и я размазываюсь в невероятном прыжке. Стелюсь вдоль самой земли, выкручиваю руки. Широкая сабля, отбив атаку, тут же по изломанной дуге уходит в ноги противнику, заставляя его сместить центр тяжести, и в это мгновение правая рука устремляется к сердцу заводилы. Тот, еще не закончив маневр ухода, не успевает выставить даже самый банальный блок. Мой клинок уже почти пронзает его грудь, когда раздается оглушительный хлопок и меня откидывает в другой конец круга.

Не успев понять, что к чему, я очутился в руках одного из разбойников. Он, выбив оружие, взял меня в удушающий захват.

– Младший, а просто спросить нельзя было? – поинтересовалась девушка. – Ты хоть знаешь, что сделает Старший, когда узнает, что ты в очередной раз учудил, а мне пришлось спасти твою жизнь?

Спасать? Так, значит, тот хлопок... Ну просто шикарно – группа разбойников с прекрасным фехтовальщиком и магом! Что ж, скоро я узнаю, есть ли жизнь после смерти.

– Прости, – повинулся раскрасневшийся парень, разве что ножкой не шаркнул. – Увлёкся.

– Ушастый, отпусти ты его уже! – обратилась магичка к разумному, который все это время держал меня в захвате.

Послушавшись, эльф разжал руки. Закашлявшись, я сделал два неловких шага, чуть не упав.

– Ты нас прости, – продолжала разглагольствовать обладательница каштановых волос и маленького курносого носика. – Это все Младший, у него вечно в одном месте свербит.

– Да нет проблем, – прохрипел я, потирая шею. – Какие мелочи – напали на прохожего, сначала чуть не закололи, потом магией попытались пришибить, а под конец решили задушить.

– Если уж на то пошло, то это ты чуть не завалил Младшего, – пожала плечами магиня. – Будем звать стражей или обсудим вопрос за кружечкой в таверне?

Звать местных фараонов? Ну-ну, показания одного мага и четырех свидетелей – против слов одного бродяги, пусть даже одетого в дорогой костюм.

– Пожалуй, не стоит, – покачал я головой. Но сабли убирать не стал, мало ли что. – Вынужден отказать от вашего предложения, дела, знаете ли, требуют, чтобы я принимался за них, будучи живым.

– Вашей жизни ничто не угрожает. Можно сказать, это была своеобразная проверка.

– Не могу припомнить, чтобы нуждался в ней.

– Но ведь вам нужны деньги? – как бы невзначай обронила миловидная волшебница. Хотя, возможно, она вовсе не милая, а просто поднимаются старые проблемы.

– Пожалуй... нет.

– Надо же, – протянула она. – А наш общий знакомый из «Барсука» утверждал обратное.

А Шрам-то здесь каким боком? Ох не нравится мне эта ситуёвина. Как бы чего плохого не вышло. Впрочем, куда хуже – меня только что чуть не прибили.

- И кто же вы такие? - спросил я. - Что-то нет к вам доверия. Сначала напали, теперь общие знакомые появились, на деньги намекаете. Предупреждаю сразу: по профилю работать не стану.

- Это какой такой у тебя профиль? - искренне удивилась девушка или молодая женщина. Я уже даже возраст не могу определить, совсем беда.

- А что вам трактирщик сказал?

- Что ты наемник, нуждающийся в большой сумме денег.

Вот оно как повернулось. Спасибо тебе, Шрам, за доверие. Значит, сразу понял, что не гожусь я в убийцы-одиночки. Ну хоть не бросил, помог, и на том спасибо.

- Правильно вам сказали, - деловито покивал я. - Но все же кто вы такие?

- Офицеры наемной армии «Пробитый золотой».

Наемная армия? Что-то я не слышал о таком. На Земле это вроде как синоним разбойников, но в отличие от последних наемники еще иногда сражаются на войне. А сейчас как раз война... А ведь это может стать решением!

- Какое ваше предложение? - спросил я, по-прежнему держа клинки вне ножен.

- Такие вопросы на улице не решаются. Если готов обсудить, то придется пройтись до трактира.

Немного подумав, я все же принял решение и убрал сабли в ножны. Курносая верно расценила этот жест и, развернувшись, пошла в сторону ближайшего питейного заведения. Тройка двинулась вслед за ней. Один только Младший остался стоять рядом со мной.

- Ты это, - улыбнулся он и протянул правую руку, - не держи зла. Увлёкся я маленько.

- Еще сочтемся, - ухмыльнулся я и пожал руку.

Кстати, рукопожатие здесь сильно отличалось от привычного земного. Пожимали не ладони, а предплечья. Я очень долго не мог к этому привыкнуть.

В трактире «У Гизмо» оказалось довольно просторно. Во всяком случае не создавалось впечатление, что ты зашел в дворовую забегаловку, а если уж сравнивать с шрамовским заведением, так вообще - ресторан пятизвездочного отеля. Кстати, насчет Шрама. Что-то меня напрягает вся эта история с наемниками. Нет, понятное дело, что ему на меня наплевать, как и мне на него, но вот так разбрасываться данными - это что-то с чем-то. Да и тот случай с Плащом не дает мне покоя. Что-то подсказывает мне: вляпался я не в самую веселую историю. Граф ведь предупреждал, что не все так просто, как кажется. Возможно, меня просто использовали. Не факт, что Шрам сам не замешан в этом деле. Если я прав, то все выглядит весьма прозаично. Заказчик покупает посредника, чтобы тот нанял самого зеленого исполнителя. Шрам находит, вернее я сам нахожусь, а дальше все по накатанной. Исполнитель отправляется в логово барона и старается выполнить дело, но результат уже никому не важен. Я даже не уверен, рассчитывал ли заказчик на то, что Дори Графа убьют. Мне кажется, его бы больше устроил бескровный вариант: поугаать барона, дабы тот одумался. Но тут влез я, весь из себя такой красивый и удачливый (до умного или хотя бы внимательного еще далеко). Шрам отправляет Плащу данные, мол, в дело вписался падаван одного умелого убийцы и есть

мизерный шанс, что парнишка справится. Тогда заказчик, не будь дурак, начинает страховаться (еще не факт, что Плащ и есть заказчик, а не доверенное лицо, обладающее правом закрыть контракт) самым простым образом – требует доставить доказательства лично.

Итак, начинается второй этап. Я влез в замок и с помощью мага, непонятно почему настроенного мне помогать, убиваю Графа. Вроде все идет хорошо. Но ведь я «горяч, как сын гор», хотя выше холма ничего не видел. Мне нужно обязательно отомстить вероломному заказчику, и об этом тоже сообщает Шрам. Кто-то за кулисами напрягается и страхуется, нанимая Плаща, – теперь я просто уверен, что он не тот, кто мне нужен.

Я приезжаю в город. Время поджимает, тщательно подготовиться не успеваю. Распихав по карманам бесполезные железки, я двинулся в нору, где получил на орехи. Но меня не убили, хотя могли и должны были убить. Вопрос – почему? Ответ виден лишь один – заказчик был на балу. И скорее всего заказчик – маг. Он заметил наш разговор с графом и видел: я достиг успеха лишь благодаря старику. И тут у неизвестного нанимателя затряслись поджилки, ведь на сцене появилась новая фигура, которая благоволит какому-то убийце. Заказчик не решается меня убрать, дабы не наживать возможных проблем, но понимает, что оставлять такого свидетеля вблизи от сыскных органов – просто самоубийство. И тогда в дело вступает Шрам. Он сливает информацию обо мне наемникам, будто бы намекая, что если я не свалю куда подальше, то быть мне в лучшем случае битым. Маловероятно, что «Пробитые золотые» (что за название такое дурацкое?) стали первыми, кто получил пакет с моими данными.

Что же я имею в сухом остатке? Для начала я по уши вляпался в дерьмо (читай: дворцовые интриги), обзавелся неизвестным противником, который знает, как выгляжу я (спасибо Плащу), а я не знаю, как выглядит он, хоть и догадываюсь, как его зовут. Прибавим к этому предательство Шрама... Нет, он мне ничего не должен, но все равно неприятно. К тому же не стоит забывать об обещании, данном графу. В итоге получается смертельная солянка. Прижали со всех сторон, и поход на войну я теперь рассматриваю не как способ получить сумму денег, достаточную для обучения, а как единственный путь к спасению. Вот так юнцы становятся мужами. Интересно, Добряк знал, что Шраму нельзя доверять? Почему-то мне кажется, что учитель никогда никому не верил, а значит, предполагал, что может выйти подобная загогулина, но все равно отправил меня в эту таверну. Какой вывод? Мне преподали последний и самый нужный урок: никому никогда не доверяй. Что ж, я его не забуду.

– Старший! – Магиня помахала рукой высокому широкоплечему мужику, сидевшему за круглым столиком в окружении еще двух столь же грозных вояк. – Прости, что заставили ждать.

Наемники пододвинули по стулу и уселись за стол. Мне же места не досталось, поэтому я присел за соседний стол, чем вызвал недовольный взгляд со стороны пухленьких официанток.

– Все, что ты сказал, – сделали, – продолжила магиня. Видимо, она занимает не последнюю ступень в табели о рангах. – Обозников напрягли, те раскошелились и закупили провианта еще на два сезона. Правда, пришлось обойтись без ледника. Говорят, лето будет жарким, все потечет, мясо попортится. Зато по дешевке скупили солонину и сухари.

– Что по остальным? – спросил Старший.

– Все порядок, – отозвался Младший. Кажется, я понял, почему их так называют. Зеркальные жесты и одинаковые приятные тембры голоса. Да они братья! – Три тысячи болтов за девятьсот золотых. Стрелы – пять тысяч за полтысячи. Материалы для починки доспехов – хватит, конечно, всего на две рубки, но в приграничье их не купишь, так что пришлось раскошелиться.

- Сколько?

- Полторы тысячи, но дело того стоит: больше наших выживет, больше вражин ляжет.

- Понятно, - протянул Старший. - Шатры, дуги и остальное?

- Плотники в этот раз скидку не дали, - подключился эльф. Голос у него оказался какой-то надломленный, будто парень недавно ангиной переболел. - Пришлось материалы по полной цене закупать. Еле уложились в две сотни.

- Что с рекрутами?

- Шестьдесят три парня, - отодвинул от лица кружку один из уже сидевших вояк. Физиономия у него оказалась под стать фигуре, квадратная и с приплюснутым носом. - Еще нанял трех лекарей. Правда, пришлось подмахнуть с ними начальный маговский контракт, но, думаю, окупится.

- Хорошо, - кивнул главарь или генерал, фиг знает, что у них тут за звания. - Утром с первым лучами отходим. И так уже полсезона в столице сидим.

- Погодите! - крикнула магиня, когда все уже стали подниматься из-за стола. - Про этого-то совсем забыли.

Под «этим» она скорее всего подразумевала мою скромную персону.

- А что с ним? - удивился Старший.

- Барт, помнишь, мы на прошлой декаде в «Барсука» ездили? Ну там новости узнать и, может, пару умелых ребят найти.

- Понял, - кивнул наемник и повернулся ко мне. До этого его лицо было скрыто игрой теней, но сейчас я увидел прямые черты, орлиный нос и ясные голубые глаза. - Что умеешь?

- Вот этим неплохо рублюсь, - вытянул я из ножен сабли, но, почувствовав напряжение остальных посетителей, убрал.

- И все? - разочарованно скривился Старший.

- Он чуть Младшего не завалил, - встала на мою защиту магиня.

- Ага, - поддакнул паренек, которого я якобы пытался убить, но если бы не тот финт, то лежать бы мне с пробитой шейкой. - Если бы не Колдунья, уделали бы меня.

Услышав такую характеристику, Старший посмотрел в мою сторону уже по-другому, как-то оценивающе, что ли.

- А я было подумал, Шрам совсем старым стал, - сказал он.

Да я ведь погоняло угадал, хотя, учитывая внешность, не так уж это сложно было. - Ну, с нами пойдешь?

- Условия?

- Контракт стандартный, - попивая пиво, ответил уже другой наемник. - За год - полсотни

полновесных. Далее. В битве кого-то зарубил – амуниция с трупа твоя, если продаешь – десять процентов в общак, остальное себе. Крепость или город берем – те же десять процентов в общак, остальное добро твое.

Я ненадолго задумался. В принципе приемлемые условия. Если мы будем участвовать хотя бы в трех сражениях и я не буду отлеживаться в окопе, то, может, и получится набрать необходимую сумму. Риск, конечно, велик, но деваться некуда. С одной стороны, прижимают Шрам и неизвестный заказчик. С другой – мне нужны, просто необходимы немалые деньги, а где их еще в таком положении достанешь?

«Одумайся, – пропищал бы ангелок. – Война – гиблое дело. Это не твой мир, ты в нем чужой, но идешь убивать тех, кто жил здесь жизнь. Зачем?»

«Не слушай этого педофила, – откликнулся бы рогатый. – Да и выбора у тебя нет. Разве что из страны ноги делать, но где ты другую Академию найдешь?»

Ну да, вариантов особо не наблюдается. Да и с ангелом, то бишь отголоском совести и морали, соглашаться не стоит. Я уже шесть лет живу в Империи и, надо признаться, полюбил эту страну. Нет, не людей, а именно страну. Ну если не всю, то ту полянку, где мы жили с учителем. Да и от Ройса во мне что-то еще живо, а он бы все сделал, чтобы не пустить врага на родную землю. Совесть я вполне могу задушить этими аргументами. А деньги по-другому мне не достать.

«Вот это правильно, – улыбнулся бы демон, а ангел, нахмурившись, исчез бы со звучным хлопком. – Вперед, навстречу наживе и приключениям!»

– Согласен, – сказал я наемникам. – Где подписать?

Не убирая от лица кружки с пивом, наемник протянул мне слегка помятый пергаментный лист. На нем неаккуратным почерком было выведено несколько основополагающих пунктов, самые важные из которых мною уже услышаны. Ничего нового здесь не обнаружилось. Разве что несколько уточняющих дополнений, таких как «...в случае смерти рекрута деньги отправляются его семье или «указать». Я, понятное дело, поставил на месте пропуска прочерк. Ну и остальные нюансы также не меняли общей картины. Забабахав аккуратный автограф, я вернул лист наемнику. Тот, даже не поглядев, упибал его в торбу и продолжил потягивать ячменное.

– Меня зовут... – хотел я представиться, но меня прервала магиня:

– Будешь Добряком. Слишком уж мордашка добренькая, да и глаза такие же.

Я ненадолго выпал в осадок, а потом решительно отверг такое предложение.

– А чего так? – закатила глаза Колдунья.

– Не люблю кличек, у меня имя есть, – якобы обиделся я.

– Пф-ф. Тогда будешь Занудой.

Наемники рассмеялись, а я уже обиделся по-настоящему. Оценив мою физиономию, магиня выдала:

– Ну точно – Зануда.

Мои новые сослуживцы грохнули, а я стоял и хмурился. Первым пришел в себя Старший, оно и понятно, ему по должности положено.

- Куда определять-то его будем? - скорее у себя, чем у кого-либо еще, спросил генерал. Хотя я и не уверен, что в негосударственной армии именно такие звания. - Может, тебя в третью сотню к штурмовикам? Ты как, на острие атаки справишься?

Серьезный вопрос. Пришлось задуматься. Из школьного курса истории известно, что на острие сшибаются самые рискованные парни. Фактически - мясо. Но вот в местных реалиях все немного менялось. Первыми в бой вступали «консервные банки», пробивная тяжелая пехота, стремящаяся разбить строй врага и передать инициативу своим магам.

Понятное дело, что человека, носящего два меча вместо одного, хотят определить к этим рубакам. Вот только я же не мастер, рубящий всех направо и налево. Я под другое дело заточен, да и сабельками этими особо против латников не помашешь. Впрочем, закованным в многокилограммовую броню я себя тоже не вижу. Пользы ноль, а скорости лишусь начисто.

- Нет, - покачал я головой. - Не мое это.

- Уважаю, - кивнул Старший. - Обычно все только туда и рвутся.

Ах, ну да, первой линии тройной оклад идет, да и амуниция у них всегда самая лучшая. Выжил - считай разбогател.

- Тогда и не знаю, куда тебя девать. Поздновато записали, все десятки уже сформированы.

- Брат, а давай его ко мне, - предложил Младший.

- А не лопнешь?

- Обижаешь, - улыбнулся паренек.

Чем-то он мне напоминал Тома, такой же непоседливый и вечно с авантюрным оскалом.

- Да и сам посуду, не фланговикам же его отдавать!

Глава еще некоторое время помялся, а потом дал добро. Я и сам не заметил, как оказался на улице в компании с Младшим. Он мне что-то успешно втирал, а я шел и думал о своем. Очередная глава жизни закончилась: прощай, несостоявшийся убийца, - здравствуй, новобранец. И вот ведь какая ирония - сколько времени и сил было потрачено на получение военника на Земле, но, видать, от судьбы не уйдешь: служба найдет тебя везде, даже в другом мире.

- А у тебя уже все куплено? - ни с того ни с сего спросил парнишка.

- Да нет, - протянул я. - Как-то не собирался на войну отправляться.

- А что собирался? Хотя потом расскажешь, а сейчас - за мной!

Нет, ну точно - вылитый Том.

Для начала мы зашли в невзрачную лавку, где пожилая женщина за серебрушку продала мне походную миску, кружку и деревянную ложку. После того как с предметами первой необходимости разобрались, я тут же оказался у портных. В итоге за полушку, то есть за

половину золотого, были приобретены: две пары штанов, три рубашки, одна из которых по обычаю была белой и надевалась только в бой. О деньгах я особо не парился. Карман приятно оттягивал мешочек, полученный от Плаща, а будущее искрилось радужными красками. Все-таки война – дело прибыльное даже для рядовых солдат, а наемники всегда имели больше.

Закончив бродить по лавкам, мы зашли к сапожнику, и вот здесь я впервые столкнулся с такой склизкой и зеленой сожительницей. Меня банально задавила жаба. Отдавать почти золотой за две пары ботфорт, пусть даже отличного качества, – это уже наглость. В итоге я торговался до хрипоты, но все же сбил цену на треть и, довольный, переоделся прямо в этом магазинчике. Изрядно побитый костюм, который скоммуниздил у дворянчика, продал, будучи человеком бережливым, тому же сапожнику. Так что обувку я получил фактически бесплатно.

По уже темнеющим улицам я теперь расхаживал в дешевых, но добротных одеждах, а ноги больше не ощущались забитыми в колодки.

- У тебя денег еще много? – поинтересовался Младший. Он не уставал травить байки и сдобривать их веселыми историями из походной жизни.

- Ну так, – не стал уточнять я. – Смотря для чего.

- Броньку прикупить нужно.

- Тогда прилично.

- Хорошо, – решил что-то для себя парнишка и уверенно повел меня в задымленный район. – Раз так – двинем к полуросликам.

После такого заявления что-то мне подсказало: скоро я останусь на мели.

Спустя четверть часа мы оказались в оружейной лавке. На стенах висело различное оружие, от булав до длинных копий, по стеночкам стояли манекены, еле выдерживающие вес тяжелых лат. И все изделия даже такому неопытному человеку, как я, казались чем-то невообразимым по сравнению с тем, что можно увидеть у человеческих кузнецов. Вроде все одинаковое, металл использовали тот же, да и вряд ли карлики как-то по-другому орудуют молотом, но результат поразительный. Оружие и доспехи просто излучали некую надежность и уверенность. Казалось, надень такую защиту – и ни одна стрела тебя не возьмет, возьми в руки подобный клинок – и под его взмахами ляжет любой неприятель.

- Нравится? – спросил внезапно появившийся представитель подгорного народа.

Его образ полностью соответствовал ожиданиям. Широкие плечи, непонятно как позволявшие ему проходить в дверной проем, руки, покрытые бугрящимися мышцами, и густая борода.

- Д-да, – с легкой запинкой ответил я.

- Могу что-то посоветовать?

- Нам нужна броня для вот этого воина, – влез Младший и ткнул в меня пальцем.

Гном покивал и, подперев подбородок кулаком, пару раз обошел нового покупателя. Под его цепким взглядом я чувствовал себя неуверенно, как будто меня оценивают, одновременно снимая мерки.

- Каким оружием сражаешься?

- Вот, - протянул я ему свои сабли.

Тот бережно принял их и стал так же пристально оглядывать, взвешивать, делать пробные взмахи... разве что на зуб не попробовал.

- Хорошие, - хмыкнул гном, делая очередной взмах. - Не наши, но и не имперские. Надо полагать, привезены с земель, лежащих за Бескрайними Песками?

- Да, - не стал врать я.

- Есть там умельцы, - как в пустоту произнес бородач. - Подходящего доспеха у меня нет.

Дела-а-а. Чтобы гном расписался в своей некомпетентности?!

- Но. - Как и следовало ожидать, сейчас начнет цену заламывать. - Сезонов девять назад глава одного из родов заказал в нашей гильдии комплекты амуниции для охоты на крупного зверя.

Тут полурослик щелкнул пальцами, и в помещении появился подмастерье. Он был несколько короче своего сородича и не столь бородач. Интересно, у них дети рождаются уже с этим украшением или приобретают его одновременно с возможностью ковать? В руках ученик держал нечто похожее на куртку-защиту для мотоциклистов. По рукам шли складки, а спина покрыта ребристыми узелками. Что-то тщательно вшивали, сразу видно.

- Вот. - Гном выхватил куртку и разложил на прилавке. - Кожа болотного змея из Диких Земель. На холоде не потрескается, а скользящий удар меча не оставит даже царапины. Вставки по спине, предплечьям и плечам сделаны из высококачественной стали. - Мастер понизил голос и продолжил уже шепотом: - С добавлением растертого когтя дракона.

Младший все это время стоял за нашими спинами и откровенно пялился на висящий под самым потолком длинный бастард. Не понимаю я этой страсти к прямым мечам. Сабля куда удобнее. Выпад, конечно, не такой сильный и точный, но зато маневра для защиты и контратаки куда больше.

- И сколько это стоит? - деловито спросил я.

- Да как можно! - картинно возмутился мастер.

Ну, понеслась...

- Даже не посмотрю на материалы, но сама работа. Вы только взгляните на изделие - не видно ни одного шва! И сами вставки - да они пластичны, как свежая бумага! А с какой душой все это было сделано! Не меньше шестидесяти!

Услышав названную сумму, я подобрался и перешел на гномий. Это был один из трех языков, на котором я мог свободно изъясняться. Все-таки в этом языке были самые хлесткие ругательства. Одно из них я опробовал в таверне у Шрама.

- Благородный мастер! - Едва по лавке пронеслись первые грубоватые звуки, Младший перестал дышать. Бородач тоже удивился, но виду не подал. - Как же вы можете так очернять своих собратьев? Разве можно вложить душу в изделие, сделанное по заказу? Нет, такое может подарить только истинное вдохновение!

- Речи твои мудры. Но не стоит пустословить. Наши мастера всегда вкладывают душу в молот, и поэтому наши доспехи и оружие крепки и надежны!

- С этим сложно поспорить. - Я скрестил руки на груди и напряг извилины. Раз уж начал торг, отступить нельзя - перестанут уважать. - Тогда скажи мне, мастер, кому ты продаешь свои изделия?

- Чаще воинам, реже - сторонним покупателям.

- Вот! И сейчас ты видишь перед собой двоих воинов, отправляющихся на поле брани.

- И что? - не понял гном.

- Послушай, мастер. Империя воюет, и мы, ее верные сыновья, складываем свои головы на полях сражений. Но только представь, что падет последний муж и на эти прекрасные земли ступят нимийцы.

- Торговать можно со всеми. - Бородач казался самой невозмутимостью, но я только начал.

- Это так. Но ты торгуешь с нами уже многие годы. Разве это не говорит о том, что между нашими народами сложились дружественные отношения? Ваши отпрыски учатся в нашей Академии, ваша гильдия не платит пошлину на ввоз материалов. Но можешь ли ты утверждать, что все сохранится на своих местах, когда падет император, а на трон сядет король варваров? Разве можешь ты предать дружбу двух народов? Задумайся о том, что, возможно, эта куртка решит исход сражения. А где победа в сражениях, там и победа в войне. Пятьдесят золотых!

Полурослик задумался, а у меня появилась возможность перевести дыхание и размять язык. Все-таки наречие подгорного народа обладает очень грубым и резким звучанием, что весьма непривычно.

- Я услышал тебя, - сказал мастер. - Я уважаю дружбу наших народов и уважаю воинов, независимо от роста и длины бороды. Каждый солдат достоин почитания. Пятьдесят пять золотых!

- Но...

Торговались мы еще примерно час, и в итоге я сбил цену до сорока девяти золотых. Забрав куртку, которая села как влитая, я раскланялся с гномом по имени Дирхид и покинул лавку. Карман больше ничто не оттягивало. Все деньги, полученные от выполненного заказа, ушли в новое дело. Во всяком случае я надеялся, что разорился не впустую и получу с войны больше, много больше. Младший же, еле оторвавшись от лицезрения бастарда, который стоил почти сотню полновесных, семенил рядышком и жадно пожирал глазами мою обновку. Что поделать, у него, как оказалось, был лишь простенький латный доспех. Именно такой вид брони был самым распространенным как среди обычных солдат, так и среди наемников. Правда, теперь мне придется стрельнуть у обозников какую-нибудь кольчужку. Надеюсь, никто против не будет. В крайнем случае сниму с нимийцев.

На Сантос спустилась ночь. Фонарщики зажгли фонари, и улицы превратились в театр теней. Закинув руки за голову, я уставился на звезды. Каждый раз, когда небо искрилось мириадами светлячков, я думал о доме. Может, где-то там есть маленькая синяя планетка, где сейчас под толстым слоем земли в деревянном макинтоше гниет тело беззаботного студента. Вспоминает ли кто о нем или все уже его забыли, закрутившись в лихорадке беспорядочной жизни?..

- Эй, - помахал перед моим лицом Младший. - Ты меня вообще слушаешь?

- Мм, - промычал я в ответ. - Прости, задумался.

- Бывает. Ладненько, ты со мной?

- Куда?

Наемник картинно вздохнул и развел руками:

- Говорил же. Традиция у меня есть, перед походом - обязательно в бордель! Ты как?

Эх, где же ты был этим утром или хотя бы днем?

- Давай-ка ты без меня, - покачал я головой. - У меня такое впечатление, что я уже столетие не спал.

- Ну как знаешь.

На следующем повороте Младший нырнул в переулок и скрылся в ночной мгле. Я же не спеша поплелся в сторону постоянного двора. Если честно, мысль о посещении публичного заведения сильно меня зацепила, но отказался я по двум причинам - деньги и усталость. Все-таки сегодня был просто сумасшедший день, да еще эти выкрутасы с клинками... Удивительно, что я вообще на ногах стою.

Звезды все так же ярко сияли, когда я открыл скрипящую дверь самой дешевой таверны, кинул десять медяков на «ресепшн» и поднялся на второй этаж. Не раздеваясь, плюхнулся на пыльную кровать и с наслаждением потянулся. А теперь можно и спать.

Глава 6

Деревня

«Плюх!» Таким незамысловатым сигналом речка оповестила меня о том, что маневр снова не удался.

Встав и отряхнувшись, как собака, я вышел на берег. На небольшой полянке местами виднелись участки с вырванной травой, где-то зияли длинные борозды, а некоторые низенькие деревья начисто лишились веток. Вот такие последствия моих тренировок. Опустив клинки, я завалился в тени еле живого куста. Кажется, в него я уже падал разок или два, а может, и все двадцать. Уже целый сезон стоим лагерем под Борсом, а армия все подходит. Хорошо хоть Старший выбил нам одну деревеньку и солдаты сюда нос не кажут. Как-то попытались, но им все толково объяснили, а в качестве контрибуции потребовали несколько бочонков дерьмового вина (у солдатни другого нет) и пару гулящих девок, что уже было неслабым ударом.

Вообще меня поражали местные особы легкого поведения. За каждой тысячей следовал вместе с обозниками караван из нескольких десятков шлюх. Когда я в первый раз увидел этот «хвост», то долго стоял с отвисшей челюстью. Мне всегда казалось, что на войне зарабатывают только армия, торговцы и мародеры, но, оказывается, нет. К этим представительницам прекрасного пола меня потащил Младший. Я еле вырвался из их цепких лапок, и еще декаду меня мучили кошмары. Даже те леди, которые посещали опочивальню Ози, были по сравнению с местными ночными бабочками просто воплощениями Афродиты.

Самая красивая и дорогая, в прямом смысле этого слова, солдатская жена имела кривой длинный нос, пальцы, больше пригодные для мытья пробирок, короткие ноги, живот со складками... уф, дальше и перечислять сложно. Короче, можно смотреть на какой-нибудь пляжик Геленджика или Сочи, там таких вроде много. Ну это так, для тех, у кого психика устойчивая. Я же из лагеря больше не высываюсь. Хотя и здесь тоже ловить нечего. Крестьянки хоть и поопрятней, но для человека с совсем другими идеалами тоже не очень подходят. Впрочем, может, кому и нравятся такие: крепко сбитые, с мозолистыми руками – настоящие бабищи. Я же каждый раз, когда собирается веселая компания подвыпивших наемников, прячусь в палатке у Колдуньи. Уж лучше мокнуть на тренировках магического дара, чем... Да лучше про это и не думать.

Солнце, выглянув из-за тучи, отправило лучик прямо мне в глаз, удачно миновав защитную, но слегка ободранную листву куста. Пришлось менять дислокацию. В последнее время этот маленький пятачок земли стал мне роднее плаца Добряка. Сколько раз я пытался отработать технику «трех шагов», но все заканчивалось либо звонким «плюх», либо громким «тресь» (но в деревья я, конечно, старался не попадать), реже случался «вьюх» – это когда, запнувшись, я летел, раскинув руки, аки орел молодой.

Да-а... Техника «трех шагов». Это я ее так назвал, вроде видел подобное обзывательство в одном из многочисленных восточных боевиков. Суть одна, а учить длинное и пафосное наименование, откровенно говоря, в лом. Казалось бы, что сложного в том, чтобы использовать ускорение, а потом на миг остановить сердце, заставить замереть каждый мускул тела и, развернувшись на девяносто градусов, продолжить ускорение? Но нет, третья ступень «скрыта» оставила на моем теле парочку шрамов, мириады синяков, однако даваться не хотела. Когда сезон назад я осилил «серфер», мне показалось, все дороги открыты и я теперь великий, могучий и всесильный. Но фиг и ныне там. Шаги не шли ни в какую. То я не успевал остановить сердце, то останавливал его на слишком длительный период, рискуя распрощаться с жизнью, а чаще всего просто не получалось запустить ускорение. Ведь, остановив мышечный ритм, не так уж просто взвинтить его с нуля. Так что каждый вечер я возвращался в лагерь уставшим, злым и неадекватным. А если быть честным до конца – до лагеря я тупо полз. Поэтому, завалившись на импровизированный спальник, не горел желанием вести светские беседы. Сначала команда Младшего обижалась, но когда Колдунья отвесила каждому по звучному подзатыльнику, народ стал смотреть на мои выкрутасы косо, но молча, что, конечно, радовало.

Еще раз оглядев самопальный полигон, я закинул на плечо рубашку и отправился на обед. Тренировка тренировкой, а раз уж подписался кормить команду, то подводить товарищей запаadlo. Для полноты картины стоит вернуться на три с половиной сезона назад. Вроде еще стоит упомянуть, что в те весьма бородатые времена трава была зеленее, погода – теплее, а девушки – честнее. Наверное, так оно и было. Хотя скорее всего зависит это не от эфемерного понятия «время», а от близости к столице. Здесь, в приграничье, нравы были лихие, если не сказать – дикие.

На следующее утро мы покинули столицу, и я впервые оказался среди такого скопления народа. Армия наемников насчитывала добрых четыре тысячи человек, и это не считая обозников, лошадей, мастеровых и прочей шушеры. Когда мы появились в лагере, в нос сразу ударил целый букет разнообразных ароматов. Среди прочих явно выделялись два – запах пота и навоза. Благо я человек не брезгливый и уже через минут десять попривык. Кстати, мне относительно повезло. Это я про то, что попал в команду к Младшему.

Наемники имели четкую структуру – десяток, сотня, полк (пять с половиной сотен), тысяча и, собственно, все. Почему же повезло? Ну, если вы помните отцовские рассказы про армию тех

времен, когда в ходу были деды, черпаки, духи и прочее, то поймете и без дополнительных описаний. Для тех же, кто не в курсе, поясню: здесь царствовала дедовщина, причем достигшая своего апогея. Оно и понятно – служили-то не государевы люди, а в большинстве своем нанималось беглое отребье: кого жизнь заставила, кто просто по сути своей лихой, а кому деньги нужны. И в десятках, где главными стояли сержанты, отношения были таковы: сержант сказал, дед рассказал, черпак (в данном случае наемник, прошедший хотя бы одну битву) посоветовал, дух выполнил. Прямо как по учебнику. Но, несмотря на такие отношения, дисциплина была железной, а за малейшую провинность – никакого расшаркивания в виде трех предупреждений или чего-то еще. Сразу в зубы, обычно даже не снимая латную перчатку.

А я угодил в десяток, который был чем-то вроде вневедомственного подразделения, где главным оказался Младший. Подчинялись мы исключительно ему, а он – только Старшему. В отряде было пять разумных, с которыми я познакомился на первом же привале. Первым представился Молчун. Кстати, имена здесь не в ходу, каждый имел кличку. Обусловлено это тем, что многих из наемников разыскивали здешние госслужбы. Молчун оказался представителем северных варваров. Он обладал физиономией, схожей с кирпичом, ростом под два двадцать, руками, больше похожими на трубы, и непомерным животом, который можно смело использовать вместо тарана. Вопреки ожиданиям Молчун был на редкость добродушным малым, часто улыбался и говорил исключительно в те моменты, когда на какой-нибудь горе свистел очередной не совсем нормальный рак. Этот парень отвечал за стряпню. Сражался он огромной палицей и орудовал ею столь быстро, что в жару его можно было использовать вместо вентилятора.

Вторым представился Щуплый – как можно догадаться, не очень высокий худощавый проныра, способный метнуть зараз восемь кинжалов, по четыре с каждой руки, и в этом искусстве с ним не поспорил бы даже Добряк. В принципе Щуплый был веселым малым, эдаким балагуром-затейником, без него не проходило ни одно мероприятие: будь то пьянка, поход по бабам или очередная армейская шутка, заканчивающаяся чьими-то выбитыми зубами или сломанной челюстью.

Самой колоритной личностью оказался Ушастик. Вечно тормозящий эльф. Стрелял он отменно, но вот скорость его мысли иногда поражала. Мне казалось, он нарочно придушивается и строит из себя туповатого малого. Правда, стоило ему выпить (а пьянел он буквально с одного глотка даже самого слабого вина), как ушастого тянуло пофилософствовать. И вот тут его маска спадала. Такими загибами не выражаются даже преподаватели в университетах. В первые два раза мне было интересно его слушать, потом стало скучно. Сейчас же, когда эльф прикладывается к бурдюку, я вместе со всеми натужно вздыхаю, пытаюсь отвлечься от бесконечного трепа.

Спасение я нашел в занятиях с Колдуньей. Как в целом симпатичная женщина оказалась в обществе часто невымытых, грубых и пошлых вояк? Во-первых, она весьма неслабый малефик, а во-вторых, я бы не советовал к ней прикасаться. Я не силен в психологии, но по обмолвкам и неловким ситуациям понятно, что когда-то магину постигла та же участь, что и сестру Ройса. Вот только Колдунья не сломалась. А о том, что стало с ее обидчиками, даже думать вредно. Как-то раз девушка, или все же женщина, продемонстрировала мне свое умение. Здоровый дуб за пару минут превратился в трухлявую развалину, а еще через час был развеян по ветру мелкой крошкой. И обучать меня она взялась лишь благодаря стряпне варвара.

Он у нас был кем-то вроде штатного повара, но после трех подгорелых каш, одного загубленного супа и нескольких неудавшихся шашлыков я сам взялся за это нелегкое дело. Пять лет жизни в лесу и несколько затрещин от Добряка научили меня всем премудростям обращения с пищей. Отправив Пило (он же Младший, имена были раскрыты через сезон, когда

мне стали доверять) в деревню за приправами и корешками, я решительно отобрал котелок и поварешку из рук Тиста Молчуна. В итоге через полчаса мы наслаждались прекрасной мясной кашей, а по лагерю распространялся прекрасный аромат. Сбежавшиеся на запах наемники получили по мордасам и были вынуждены отступить. На радостях Нейла Колдунья заявила, что всю жизнь готова есть исключительно пищу, приготовленную Занудой, то есть мной. Отряд поддержал и выдвинул меня на почетную должность повара. Но я был бы не я, если бы ничего с этого не поимел. Согласившись на роль кашевара, я выдвинул ультиматум, согласно которому магиня должна была взяться за мое обучение. Она некоторое время отпиралась, мол, сложно это, опасно и вообще шуруй в Академию, но я был непреклонен. В конце концов она сдалась. И вот уже два сезона по часу в день я провожу в ее палатке, учась обращаться к своему дару. О, это оказалось совсем непросто. Скотина под названием «дар» махала передо мной хвостом, но в руки не давалась. И каждый раз во время медитаций я наткнулся на плотную стену, пробиться сквозь которую пока не удавалось.

Вот, пожалуй, и все, что произошло с нами за три сезона. Иногда Старший отправлял отряд на разведку, но возвращались мы ни с чем. Нимийцы тоже стояли лагерем на своей территории десятью километрами южнее Борса и носа не казали. Чего они ждали, неясно, как, впрочем, непонятно, чего ждали наши. Армии все подтягивали и подтягивали, крепость уже окружили добрых сто двадцать тысяч солдат, из которых примерно двадцать тысяч были наемниками. Отдельным лагерем стояли пятьдесят боевых магов. Однажды я обратился к Нейле с вопросом, почему она не отправится служить вместе с остальными волшебниками, но она лишь улыбнулась и открыла мне великую тайну. Оказалось, прозвище Колдунья она получила не просто так, а за дальней родство с шестым, проклятым родом. Я удивленно поинтересовался, какая тут взаимосвязь. Руст Щуплый, удивившись не меньше, спросил, не пугали ли меня в детстве страшными историями про темных колдунов. Пришлось ответить, что пугать было некому. Тогда магиня поведала о том, что в давние времена колдунами называли себя все представители шестого рода, вкладывая в это слово какой-то особый смысл. Покрутив пальцем у виска, я тогда отправился на свою полянку, не придав значения подобным предубеждениям. А зря.

Декады три назад мы возвращались с очередного похода по окрестным деревенькам. По пути лошадь Нейлы сломала ногу, и животинку пришлось прибить. По странному стечению обстоятельств магиня забралась на моего скакуна и, чтобы не свалиться, была вынуждена обвить меня руками, а я молился всем богам, чтобы она не сорвалась, так как слышал скрежет зубов, а чувство опасности не переставало давить на голову ледяным обручем. И надо же было судьбе так посмеяться – прямо на нас выехал десяток легионеров в сопровождении двух магов. Последние знали о нашей леди. Понятное дело, посыпались насмешки и обзывательства. Мы были вынуждены молча сносить все эти оскорбления: поднять руку на государевых людей – значит подставить всех, кто приписан к «Пробитому золотому». Все испортил какой-то солдатик. Слухи разносятся быстрее ветра, и многие (наверное, почти все), кто стоял в окрестностях, знали о том, что я часто бываю в палатке у Нейлы. Вот и служивый в запале выкрикнул что-то вроде «приписная шлюха». Колдунья сорвалась. Меньше чем за мгновение двоих магов постигла участь дуба, а легионеров пришлось резать нам. Тогда я впервые чуть не обломал зубы, благо Молчун оказался рядом и припечатал латника своей палочкой. Пило долго меня распекал, а я только стоял и смотрел на свою грудь, которую чуть не пронзил вражеский клинок. Не привык я сражаться с противником, тело которого покрыто железом. Пришлось повиниться и взять пару уроков у Младшего – к счастью, тот не отказал.

Тела схоронили, Нейла подчистила какие-то там «остаточные фоны», и в лагерь мы вернулись смурные и недружелюбные, что и проверили на собственной шкуре несколько особо наглых наемников, рискнувших спереть у нас крупу. На следующее утро нас вызвал Старший и

отправил в трехдневный дозор. Цель задания оказалась проста – найти следы вражеских диверсантов, укокошивших нескольких магов и солдат. Понятное дело, что эти три дня мы провели с пользой – вдоволь накупались, позагорали и вообще отдохнули душой и телом. Угрызения совести меня не мучили, а если бы я знал будущее, то скорее всего больше никогда и не вспоминал бы это слово. Не знаю, как на Земле, там я был замкнут в своем, бережно охраняемом мирке, но на Ангадоре обращение к морали, совести или прочим атрибутам цивилизованного человека означает скорое пьянство, смерть или сумасшествие...

Солнце все так же нещадно палило, и в лагере царил настоящий ад. Все что-то делали, куда-то бежали, звучала брань, гремели приказы. То тут, то там мелькали белые купола шатров. Ржали лошади, и по ушам долбил лязг металла. Проходя через лабиринт лагерей, я то и дело слышал обрывки чужих разговоров:

- ...когда же мы ударим по нимийцам?..
- ...а сиськи у ней во-о-от такие, а жопа...
- ...вот ты ж, опять подгорела!..
- ...где мой сапог? Сапог куда подевали?! Демоны, одно ворье!..
- ...кидай кости, ставлю пять медяков!..
- ...да держи ты ее! Держи, отродье скилса! Ты что, лошади испугался?..

Иногда я становился свидетелем довольно типичных сцен.

- Лэр сержант, приказ выполнен.
- Да? А почему дуга скрипит?
- Не имею знать, лэр сержант!
- Ах не имеешь знать? Н-на!

Бедняге не повезло. Десятник, то есть сержант, как обычно, не снял бронь с руки. В итоге дух, пролетев с полметра, обильно оросил кровью стоявший напротив шатер. Кажись, парнишке совсем не фартит. За такое ему влетит еще больше, да и палатку чужую придется выстирать, снося все смешки и ругательства.

Оставив за спиной суетный гул, я миновал маленькую рощицу и оказался на нашей вырубке, которую мы делили со штабом. Старший, чтоб его подняло и гепнуло, после того как мы в поте лица срубили деревья и обустроили лагерь, привел сюда своих генералов – четыре штуки и полковников – восемь штук. Со словами «вырубка большая, все поместимся», он нас потеснил и раскинул свой огромный шатер. Рядышком обустроились старшие офицеры. Так что теперь на вырубке стояла дюжина здоровенных палаток и пятерка тентов поменьше. Никто на это внимания не обращал, нашу команду вообще держали за особое подразделение, поэтому я и говорю, что мне неслабо повезло оказаться в группе Пило.

Добравшись до своего «угла», я скинул пропахшую потом одежду и стал шуровать в палатке, ища сменную.

- Долго будешь голой задницей сверкать? – спросили рядом.

- Не нравится?

- Не-а. Она у тебя тощая какая-то.

Обернувшись, я увидел улыбающуюся Нейлу. Когда она не колдует, то выглядит просто сногсшибательно. Рубашка с глубоким вырезом и обтягивающие штаны подчеркивают все изгибы тела, и образ не портят даже коротко стриженные волосы. Не спеша одеваясь, я отметил на себе пристальный взгляд магини, вот только грезить о чем-либо мне не суждено. Осматривала она меня исключительно с «научной» точки зрения. Совсем недавно мне на плече выбили татуировку отряда, и теперь я обладал черным золотым, в центре которого красовалась ухмыляющаяся рожица. И если первое – отличительный знак армии, то второе – это уже выдумка Младшего. Эти метки делали с той целью, чтобы, когда после битвы останутся трупы, было проще определить, кто есть кто. Поэтому магиня сейчас осматривала меня, ища признаки воспаления или еще каких-нибудь ненужных возможных последствий.

- Ну извиняй, – развел я руками, отчего портки полетели вниз. Как-то я похудел на казенных харчах. Напялив штаны и подпоясавшись, продолжил: – Иди вон к Молчуну, он-то уж точно всем твоим запросам отвечает.

Появившийся рядом варвар отвесил мне подзатыльник – в голове словно колокол прозвенел. Дождавшись, пока земля и небо придут в равновесие, я возмутился:

- За что?!

Но Молчун был, как всегда, немногословен. Продемонстрировав кулак, больше похожий на отколовшуюся скальную глыбу, он отправился в сторону шатра Старшего.

- Видимо, он не согласен, – сказала Колдунья.

Некоторые утверждают, что мужчины в этом вопросе непроницательны. Боги, как же они ошибаются! В большинстве своем непроницательны женщины, особенно такие, как Нейла.

- Пойдем уже. Только тебя и дождаемся. – Магиня помогла мне подняться, и мы потопали за северянином.

- Это ты меня так засмущать хочешь?

- Ну да, тебя смутишь.

Вот так беззаботно пререкаясь и перебрасываясь колкостями, мы и оказались в шатре главного. Здесь уже собрались все. В их числе оказался и мой непосредственный начальник, который сейчас получал очередной нагоняй от своего братца. Вроде как вчера они с Щуплым решили пощипать обозников и тиснули у них пару окороков. Ни о чем не спрашивая, я приготовил знатный ужин, к которому, если мне не изменяет память, присоединились и сами лэры командующие. А вот теперь обжора, умявший почти три здоровенных порции, распекает нашего благодетеля. Армия, что тут еще можно сказать.

- Что за ребячество? – Старший расхаживал вдоль простенького стола, где сейчас лежали карты, схемы, несколько приборов, назначения которых я не знал. На крепко сбитых стульях сидели офицеры, каждый занимался своим делом: кто досыпал, кто-то пил пиво и перешептывался с соседом, самые бесстрашные пялились на магиню, единицы слушали оратора. – Посреди ночи прокрасться в тыл и провести самую настоящую диверсию. Ты хоть понимаешь, что своими действиями нанес ощутимый ущерб нашему продовольственному

запасу?

Пило стоял понурившись, но уголки губ были слегка приподняты. А Ушастый, который прикрывал отход команды, сейчас забрался с ногами на табуретку и о чем-то спорил с полковником. Вообще эльф занятый, только странный.

- И что мне с тобой делать? - вздохнул, рухнув на стул, Старший.

«Понять и простить», - хотел вставить я, но поостерегся.

- Урезать жалованье? - предложил Пило.

Я чуть не рассмеялся. Уж не знаю, какой придурок пойдет на войну ради жалованья. По сути, все мы здесь собрались, чтобы грабить и мародерничать. А что делать? Жизнь такая.

- И это тоже. - Старший принял серьезный вид и сложил пальцы домиком. В шатре тут же повисла тишина, и взоры обратились на начальника. - Вчера я присутствовал на главном совете. Судя по всему, скоро будет рубка, и наемные армии, как обычно, должны провести рекогносцировку. Пило, задача твоей команды... - Командующий взял в руки карту и карандаш. - Осмотришь подходы к деревне Колючие Ежи, прошмонаешь окрестности. По словам их превосходительств, там просто обязаны сидеть орды некромагов, демонопоклонников, а то и сами темные боги. Короче, прошвырнешься по окрестностям, чтобы служивые крик не поднимали. Если встретите кого, в драку не ввязывайтесь, даже если поймете, что преимущество на вашей стороне. В этот раз задача тихая, только осмотр, и все. Да и мне, если честно, не хочется, чтобы во время сечи какие-нибудь молодцы зарядили нам в тыл. Уж лучше перестрашуемся. Вернуться до первой звезды. Принял?

- Так точно! - Вытянувшийся по струнке Младший стукнул себя кулаком в грудь и покинул шатер. Мы вышли следом.

Пило, отдав команду «сборы!», отправился переносить маршрут на свою карту. Остальные разбрелись по своим палаткам. Мне же идти далеко не нужно. Будучи человеком, всегда готовым ко всему (вернее, к появлению Плаща или людей, подобных ему), постоянно держал под рукой походный мешок с необходимым минимумом. Там всегда хранились ножи, стрелки, несколько склянок, сухари, солонина и девять серебряшек. Вот и сейчас, схватив мешок и накинув куртку, ставшую мне буквально второй кожей, настолько к ней привык, я подошел к Шуру. Шурой был назван спокойный мустанг, за это время он успел стать мне хорошим другом. Животинка ткнулась мне в плечо, выпрашивая яблоко или сухофрукты. Немного помучив коня, я протянул ему угощение и запрыгнул в седло. Через пять минут рядом появились и другие участники старшей и единственной разведывательно-диверсионной команды. Ушастый как-то раз обозвал нас рейнджерами, за что схлопотал по своим эхолокаторам. Не за само обзывательство, просто к этому моменту, будучи пьяным в нулину, он уже успел толкнуть длинную слащавую речь. В общем, изрядно всех за... заболтал.

Через четверть часа мы гнали лошадей к Ежам. Уж не знаю, что происходит с фантазией местных, но, кажется, они не слишком задумываются о наименованиях улиц, таверн, деревень, а порой и городов. Вот и сейчас мы уже миновали поселок Черный Барсук, прямо зверинец какой-то. Авангард нашего отряда, Ушастый, вскинул руку, и мы перешли на галоп. Двигались мы так - эльф в авангарде, потом Молчун, я с Нейлой по центру, за нами Пило, и в арьергарде Щуплый. Раньше, когда у Младшего было всего четверо подчиненных, они путешествовали цепочкой, но, поскольку мое умение наездника оставляло желать лучшего, новенького предали на поруки Колдунье, что, впрочем, было весьма кстати.

- Ней, - обратился я к магине. - Нам еще два часа ехать...

- И что? - изогнула бровь девушка, всем своим видом показывая, что не понимает, о чем речь.

У всех наемников был один бзик - если нужно толкнуть речь длиннее, чем из трех предложений, а под рукой нет ничего горячительного, то лучше помолчать. Так что информацию мне приходилось добывать, сознательно губя печень.

- Не прикидывайся. Кто с утра двойную порцию каши схомячил?

- Жадина, - буркнула Колдунья, но должок признала. - Чего надо?

- Понесла-а-ась... - И позади раздался характерный «шлеп». Видимо, ладонь Пило поздоровалась с его лицом.

А что я? Я любознательный, а кому неинтересно - может заткнуть уши.

- Ты мне уже давно обещала рассказать про магов и магию.

Малефик смерила меня взглядом, а потом начала краткий ликбез:

- Во-первых, само определение «магия» не очень верно. Магия - это не объект действия магов, магия - это скорее процесс, а объект - это сила, энергия или дух мира, как говорят некоторые шаманы. Этот факт очень важен для понимания всей системы. Начнем с простого. Когда поступишь в Академию... - Магиня прищурилась, поправила шлем и продолжила: - Если поступишь в Академию, то встретишься с серьезной проблемой - факультеты. Всего этих факультетов три: Заклинательный, Стихийный и Аурный. И различаются они в зависимости от способа, которым маг может творить магию или, по-научному выражаясь, оказывать необходимое влияние на энергию. Аурный - название говорит само за себя, адепты этого направления управляют силой непосредственно своей аурой. Факультет делится на два пути - светлый и темный, пути делятся на кафедры. Светлые - друиды, целители и менталисты, у темных - некроманты, малефики, к коим отношусь и я, черные алхимики и совсем малая прослойка занимается демонами. Раньше у любителей заглянуть за грань была своя кафедра, но после истребления шестого рода их количество сократилось на несколько порядков. Можно сказать, это в принципе вымирающая ветвь магии. Итак, аурные маги воздействуют на реальность, абсорбируя сырую силу, затем они ее трансформируют непосредственно в себе и потом уже используют.

Следующими идут стихийники. Здесь нет путей, только кафедры земли, огня, воздуха, воды. Ну, тут объяснять, я думаю, ничего не нужно, и так все понятно. Впрочем, деление это весьма условное. Стихийник может управлять любой стихией, но одна будет даваться ему лучше остальных, именно по ней и определяется направление. Используют они такую вещь, как плетения. Абсорбируя силу, как аурники, они не могут ее использовать так же, а вместо этого ткнут собственные токи энергии, создавая довольно занятные конструкции.

Последние у нас - заклинатели. Эти ребята, можно сказать, универсальны. У них нет ограничений, они используют вообще любую ветвь искусства, так как воздействие оказывают своей собственной силой. В чем-то они являются частью Духа Мира. Кафедр у них нет, но есть три пути. Вербальщики используют заклинания. В общем, увидишь - поймешь. Эти господа будут читать длинные непонятные конструкции, после которых будет происходить всякая хрень. А почему хрень? Потому что студиозус-заклинатель - это самая опасная категория учащихся, у них одна ошибка влечет к необратимым последствиям. Потом идут ритуалисты. Не стоит обманываться, жертвоприношений они не делают и прочих подобных атрибутов не

имеют, но зато любят помахать руками, покривить пальцами и так далее. И третий путь – чертильщики. Вот здесь все понятно: они рисуют магические круги, используя не столько линии, сколько рунные слова. Я не особо разбираюсь в чертильном деле, но могу сказать одно: видишь парня с пентаграммой на медальоне – беги, беги как можно дальше, потому как большинство из этих личностей не только неуравновешенны, но обладают весьма странным чувством юмора и просто прущим из всех щелей энтузиазмом.

Нейла замолчала, переводя дыхание, а я стал переваривать полученные данные. Ничего особо нового я не узнал, но все же оставались еще пробелы.

- А ты что-то говорила про шаманов. Да и я слышал, что существуют адепты школы хаоса, магии крови, прорицатели и еще добрый десяток всяких направлений.

- И что тут непонятного? – удивилась собеседница. – В самом начале же сказала, что маг определяется по способу воздействия на силу, и способов этих – как звезд на небе. Просто в Академии преподают самые распространенные. А все шаманы, хаосники и прочие – это скорее единичные случаи, и появляются они только у тех рас, которые имеют предрасположенность к тому или иному искусству. Например, шаманов и кровников можно встретить только у орков, а хаос благоволит темным эльфам. Кстати, именно эти три ветви недоступны даже заклинателям. Чем это обусловлено – не знаю, будет интересно – спросишь у преподавателей. А прорицатели... Ну это считается даром богов и встречается крайне редко.

М-да, все с ними ясно. Впрочем, ничего удивительного, а если пораскинуть мозгами, то все так и должно быть. И деления тоже понятны. Воспринимать магию как объект довольно глупо, а вот как искусство... Да, такое я могу принять.

- Хорошо. – Пришло время самого важного вопроса. – А насчет боя – что можешь по этому поводу сказать?

Магиня снова взглянула на меня, потом ухмыльнулась и ответила:

- А я все думала, когда ты уже задашь этот вопрос. Сперва я забыла сказать, что каждый факультет изучает общую магию – это такой раздел, доступный всем магам. А про бой... Ну смотри, со второго семестра первого курса начнется специализация. Здесь можно будет выбрать, кем становиться. Можно стать боевиком, тут все ясно. Также есть указующие – это те, кто хочет посвятить свою жизнь исследованиям. В принципе таких единицы. Есть и общее направление, где сосредотачиваются восемьдесят процентов всех учащихся (кстати, не путай специальность с разделом искусства). Этим студиям будут учить всему понемногу, и получится средний маг, который может все, но уступает всем спецам. И последние – путники. Они развиваются исключительно в рамках своего пути или стихии. И вот здесь вся загвоздка. Если сойдутся, скажем, боевик огневик и путник огневик, то у боевика не будет ни единого шанса. Путник задавит его скоростью создания плетений и насыщенностью. Но если боевик окажется более сведущим, то, наоборот, проиграет путник, так как его арсенал приемов на порядок ниже, чем у оппонента. Так что здесь все зависит от личных способностей. Но самое страшное – это путники-чертильщики, их вообще на сотню ноль. Учиться по такому направлению дико сложно, и многие из тех, кто выбирает такой путь, не выдерживают нагрузки и меняют специальность.

- И почему так?

- Был у меня один знакомый. Представь, что тебе придется заниматься по двадцать пять часов в сутки, учить наизусть огромные талмуды, а помимо всего прочего – находить время на

нескончаемые практики. Да даже боевиков не так сильно напрягают.

- Тогда непонятно, почему вообще оставили подобную специальность.

- Здесь все просто, - отмахнулась магиня и похлопала по шее своего Счастливи́чика. - У заклинателей самые широкие перспективы. Нанимают их не только военные, но и гражданские. Да они мастера на все руки, но вот путник-чертильщик - это апогей универсала. Ходят слухи, что фанаты из этой школы могут даже единичные ветки использовать, тот же шаманизм, к примеру. Да и что им - рисунок начертил, буковок наставил, помолился о том, чтобы не рвануло из-за ошибки, - и смотри радуйся. Но в бою все зависит скорее от сражающихся, чем от кафедры, пути или специальности. И указующий сможет завалить боевика, если последний шалопай и дурак.

Уф. С одной стороны, конечно, много всего и с первого раза все это кажется диким нагромождением, но с другой - а чего я хотел, не в сказку ведь попал. Здесь мне не там.

- Удовлетворен? - спросила Нейла.

Эх, не будь рядом Молчуна, я бы шутканул, но второго такого подзатыльника боюсь не пережить.

- Ага, спасибо.

- Ну наконец-то! - Пило, судя по звукам, от радости чуть с коня не свалился.

Эльф опять махнул рукой, и с галопа мы перешли на шаг. Видимо, деревня совсем близко. Оно и неудивительно, лекция слегка затянулась. Не особо рассматривая окружающий пейзаж, я разок просканировал местность на наличие живых, вернее разумных, пылающих жаждой убийства или хоть как-то воздействующих на реальность. Никого не обнаружил. Я, конечно, не Добряк, который был способен окинуть «взором» до километра, но и не простофиля. Площадь диаметром триста метров - тоже неслабое достижение.

Итак, что мы имеем в сухом остатке. Три факультета, несколько кафедр и путей. Не особо понятно, чем отличается второе от последнего, но от магини я ответа не добьюсь. Если сразу не объяснила, значит, сама не знает или ей лень рассказывать. Самому ломать над этим голову - увольте, есть занятия и поважнее. Например, следует обмозговать, кем же я хочу быть. В принципе магия должна быть подчинена моим целям, а они до банальности просты - желаю увидеть все, о чем поведал учитель. Больше в этом мире заниматься нечем. Власть меня не интересует - больше мороки, чем профита. Деньги и достаток? Маги живут долго, под старость лет, может, и подамся в гильдию или еще куда. Война? Ну ее на фиг. Я вообще в наемники пошел только ради одномоментной прибыли и чтобы скрыться от глаз Плаща и Шрама.

Через полчаса легкого аллюра мы приблизились к холму. Что-то незаметно изменилось. Вроде все тот же чистый воздух, но теперь он как будто отталкивал, говоря: «Уходи, уходи». Трава, зеленая и молодая, теперь пугала: непонятно из-за чего, но при взгляде на нее я ощущал мерзкое чувство подступающего страха.

Ушастый обернулся, и с секунду они с Пило общались посредством взглядов. Все еще не понимая, что происходит, я окинул местность «взором», но и он не прояснил картину.

- Спешиваемся. Лошадей стреножить, - начал раздавать указания Младший, попутно доставая из мешка куски потертой материи. - Нейла, возвращайся в лагерь. Передай Старшему -

сворачиваемся на рассвете.

Лицо Колдуньи на миг омрачилось. Она как-то странно взглянула на холм, стиснула до белых костяшек поводья и, развернувшись, сорвалась с места.

- Возьми. - Командир протянул мне тряпку. - Лицо обмотай и постарайся не дышать, а еще лучше - не думать.

Выполнив приказ, я двинулся следом за товарищами. Сейчас от их былой веселости и беззаботности не осталось и следа. Друзья будто бы постарели каждый лет на десять. Особенно пугал Молчун. Один взгляд на него внушал какой-то природный ужас. Так, наверное, слабый щенок смотрит на матерого волчару, готового порвать любого и в любой момент. Путь на холм не занял долгое время, а потом... Потом мне показалось, что мы попали в другой мир. Здесь не светило солнце, не пели птицы, здесь ветер, что всегда приятно обдувал лицо, отпугивал и заставлял плотнее заворачиваться в плащ. На этом маленьком участке земли жаркое имперское лето сменилось зимой или чем-то пострашнее.

Спустившись вниз и зашагав по утоптанной дорожке, я оглядывался в поисках хоть чего-нибудь, что могло унять возрастающее беспокойство, но наткнулся взглядом лишь на наемников. Они точно знали, что происходит, но хранили молчание. И только в их движениях была видна некая обреченность. Я снова использовал «взор». На этот раз на лбу выступила испарина - расширение радиуса до трехсот пятидесяти метров было пределом. Но даже это не дало никакой информации. Хотя что-то все же было, но это «что-то» пока ускользало от моего понимания. Так, в тишине, мы прошли еще с полкилометра, а затем я увидел странную рощу. Сначала мне показалось, что это ивы, волокущие свои ветви по самой земле. Подул ветер, но вопреки законам физики ветви не стали развеиваться, подобно волосам молодой девушки. Они лишь слегка покачивались, оставаясь неестественно прямыми.

- Снимаем. Сжигаем. Потом идем дальше, - распорядился Младший.

Наемники пошли вперед, я начал о чем-то смутно догадываться. Судя по всему, для них эта ситуация была не в новинку.

- Если сможешь - помоги, - обратился ко мне Пило. - А если дурно станет, то лучше за Нейлой отправляйся.

Командир развернулся и отправился к роще. Я же, постояв, двинул следом. А когда приблизился на достаточное расстояние, все встало на свои места. «Взор» не давал мне успокоиться потому, что в округе вообще не было живых, а это неестественно. Рощица же оказалась вовсе не ивовой. Это была аллея вдоль дороги - обычные деревья с толстыми ветками, на которых висели не самые обычные украшения. Стараясь почти не дышать, я достал короткий нож и встал рядом с Щуплым.

- Я держу, ты режешь, - сказал он.

Кивнув, я одним движением обрубил веревку. В руках у кинжальщика оказалось тело молодой крестьянки. Лет семнадцать, наверное, хотя из-за синяков, порезов и кровоподтеков сложно разобрать. Щуплый понес тело в общую кучу, вернее на место будущего погребения, а я стоял и смотрел на десятки тел. Нимийцы повесили женщин и девушек. Изодранные платья, синие лица, полные синяков, кровавые подтеки на ногах, сломанные пальцы и разорванные рты. Ветер снова подул, и рядом колыхнулось тело девочки. Ей было не больше двенадцати, но, видимо, не всем хватило... Хрустнули сжатые пальцы, а рукоятка ножа больно врезалась в кожу. По лезвию заструилась кровь.

- Не стой как вкопанный. - Руст подхватил следующее тело. - Тут работы - сотня демонов не управится, а времени в обрез.

Я молча подошел и снова обрубил веревку. А потом начался конвейер. В какой-то момент мне уже стало все равно, я просто хотел поскорее убраться отсюда. В конце концов груды тел, взваленная на принесенные Тистом бревна, стала выше его же роста. Младший принес два бурдюка и облил тела желтоватой жидкостью. Чиркнуло огниво, и воздух наполнился запахами горящих мертвецов, тряпка уже не спасала.

- Пойдем, - безжизненно сказал эльф. - Надо дойти до деревни.

Постояв еще пару минут, мы двинулись дальше. И тогда я понял еще одно. Беглый взгляд под ноги - и стало понятно, почему так неудобно ставить ногу. Вся тропинка была красного цвета. Кровь была повсюду, а некоторые деревья обзавелись дурно пахнущими гирляндами. Не знаю, каким чудом я еще сохранял рассудок. Шаг за шагом мы продвигались в глубь этого ада, и с каждым движением я понимал, что в любой момент могу сломаться. Путь до деревни оказался одним из тех испытаний, после которых человек уже не может оставаться прежним. После такого что-то в тебе меняется, что-то, что делало тебя таким, каков ты был.

Нас встретил частокол, точнее, то, что от него осталось. Подломленные колья, местами сожженные, были выворочены и беспорядочно валялись вокруг. С некоторых еще капала кровь. Я не глядел вверх, на те, что еще стояли, прекрасно зная, что там увижу. Я лишь старался, чтобы падающие капли крови не попали мне на голову. В Ежах, как и в любом другом поселке, всего одна главная улица, - она вела к площади, на которой раньше справляли свадьбы, устраивали гуляния или суды. Мы двигались по этой самой улочке, но не было слышно лая собак, детского визга и женского смеха. На земле валялись выбитые ставни, выломанные двери и разная утварь. А то, что оказалось на площади, развеяло все сомнения и надежды.

Здесь валялись истерзанные тела мужиков, стариков, старух и совсем маленьких детей. Так же молча мы стали складывать их в одно место. Неся на руках избитое тельце пацана, который был ровесником Ройса на момент, когда у того померли родители, я ощутил, что мой внутренний стержень подвергся, пожалуй, самому сильному испытанию. У парнишки была отсечена рука, нога оказалась вывернута под неестественным углом, почти не осталось зубов. А когда шедший рядом Тист выронил одну из седых голов, Руста вывернуло. Подошедший Пило что-то ему сказал, но Щуплый грязно выругался и продолжил идти.

К вечеру, когда солнце окрасило небо золотом, был сложен огромный погребальный костер. Снова чиркнуло огниво, и в небо взвился столб черного дыма. Через мгновение вдалеке зазвучали трубы и загремели походные барабаны.

- Выродки, - прошептал Молчун. Но даже когда он шептал, еле выговаривая буквы, мне казалось, что его голос может перекрыть ревущий фьорд.

Больше за этот вечер наемники не проронили ни слова.

В лагерь мы вернулись, как и было приказано, до первой звезды. Нейла сидела около костра и что-то напевала, держа в руках бурдюк. Подошедший Пило отобрал у нее выпивку (ну а что еще это могло быть) и, сделав несколько больших глотков, протянул емкость Щуплому. Тот последовал примеру капитана. Мне пить не хотелось, да и вредно это. Каждое утро я принимаю несколько укрепляющих настоев собственного приготовления. Если смешать их с алкоголем, боюсь, потом придется провести весь день в кустах. Поэтому, потрепав Шурку и

угостив его яблоком, я рухнул на лежанку и попытался заснуть.

Это было не так просто. И причина вовсе не в деревне и даже не в аллее, где нашли свое последнее пристанище десятки женщин. Я даже не могу их жалеть. Помня о том, что случилось с сестрой Ройса, думаю, в повешении они нашли избавление. Я просто не смог отключить логику. Мы стояли здесь, как на якоре, уже три сезона. И за минувшее время не было выслано ни одного патруля. И в итоге это обернулось кошмаром наяву для целой деревни. Хотите сказать – недосмотрели, не подумали? Чушь все это. Армиями командуют неглупые люди. Еще умнее те, кто сидят на золоченых тронах, гениальны те, кто стоят позади них, и мудры те, кто, изображая шутов, правят судьбами мира. И они не доглядели? Глупости. При сражении важен боевой дух солдат, а как его добиться? Пафосными речами и заборными ритмами, рекой за спиной или призывным кличем. А еще можно внушить жажду мести или желание совершить акт справедливости. Для этого нужны две вещи – слухи и повод. Слухи принесли мы, а поводом стали крестьяне. Империя пожертвовала деревней, хотя нет – деревней она купила боевой дух солдат. И самое обидное, что нимийцы поступили бы точно так же. Я на все сто уверен, что и у них есть свои Ежи, а у нас есть подобные, как выразился Молчун, выродки. Неудивительно, что Добряк не вспоминал о войне. Он был идейным убийцей, как бы глупо это ни звучало. У него была черта, за которую он не переходил. И плевать, что эта черта сама по себе многим кажется мерзостью и подлостью, – для него, как и для меня, она была, есть и будет тем внутренним стержнем, благодаря которому ты держишься на плаву и не тонешь в этом дерьме.

Посмотрев на просвечивающий верх палатки, я подумал о завтрашней битве. На рассвете мы свернем лагерь, а к полудню выступим на поле. Сто двадцать тысяч солдат, чуть больше сотни магов, и это только с нашей стороны. Интересно, сколько из них реально верят во всю ту чушь, которую народу усердно втолковывает император, его генералы и иже с ними. Что-то там про честь, доблесть, защиту ближнего своего, священный долг... Стоила ли та девочка с поломанными руками всего этого напыщенного дерьма, изливаемого из уст пропагандистов?

Засыпая, я вновь увидел долину, где в небе парили огромные острова, именно так я себе ее представлял. Надеюсь, Добряк не очень приукрашивал в своих рассказах это место и я не разочаруюсь, когда отправлюсь путешествовать.

Глава 7

Под Борсом

Когда первые лучи солнца коснулись верхушек вековых деревьев, от лагеря остались только воспоминания. Вытоптаные дорожки, кострища, пропахшая дымом трава и десятки выгребных ям – вот все, что оставили за собой солдаты. Это, конечно, если не считать десятка-другого брюхатых крестьянок. Собрав свои нехитрые пожитки и свернув палатку, я взял под уздцы нервного Шурку и отправился к обозникам. Сдав этим дальним родственникам гномов (судя по жадности и мелочности) казенную снарягу, я в который раз попытался стрельнуть у них кольчужку и зимний плащ.

– Да где ж я тебе целую кольчугу возьму? – возмутился Гасон.

Вот ведь упыренок – с виду лет двадцать, а ведет себя, словно древний дед.

– А плащ зимний? Да у меня еще полторы тысячи таких же оболтусов, как ты, и всем что-то нужно!

– Да я же не за так! Я тебе целых пять золотых предлагаю!

- А что мне с твоим золотом делать? Ты, может, лавки какие здесь видишь?

В принципе он прав. Но если я сейчас не допрошусь, то через пять сезонов подхвачу все мыслимые и немыслимые болезни.

- Давай вот как решим, - предложил я. - Ты мне выдаешь кольчугу, а тебе сегодня вечером принесу пять таких!

- Да к демонам твои торги! - Гасон так сильно ударил по повозке, что та аж затрещала. - Ты не провидец, чтобы знать, что вечером уже не будешь перерождаться!

- А ты, я погляжу, прикладываешь к этому все усилия.

- Отвали, - сплюнул парень и повернулся ко мне спиной.

А я хотел по-хорошему. Один удачный тычок - и обозник падает ко мне в объятия. Положив тушку на землю, я откинул полог и выбрал подходящую кольчугу. Не самого хорошего качества, но если стрела пойдет по касательной, то отделаюсь синяками или сломанными ребрами. Плащ я, правда, так и не нашел. Видимо, они были в другой повозке.

- Эть чти здесь творится такее? - спросил подошедший Зиньяк, грузный и неповоротливый начальник обозников.

От его южного говорка мои уши обычно сворачивались в трубочку и пытались втянуться в череп, но сейчас пришлось лихорадочно просчитывать пути отступления. Сбежать-то я сбегу, а вот Зиньяк кинет восточку Старшему, тот отвесит подзатыльник Младшему, Пило даст отмашку Молчуну - и вот в мою сторону полетит очередной подзатыльник. Мне оно надо?

- Да видишь, какое дело, - протянул я, почесывая затылок. Выглядело это глупо, так как шлем уже был надет. - Уморился парень, прилег полежать, а я решил накрыть, а то мало ли.

- Накрыть этим? - Южанин ткнул указательным пальцем прямо в кольчугу.

- Ну-у-у... - Я протянул ему те самые пять золотых, на которые в городе можно купить пару таких кольчуг, да еще и останется.

- Эх, совсим молодые слабые стали, - покачал головой обозник, убирая монеты в карман.

- Это да, это да.

Развернувшись, я вскочил на Шурку и сорвался в сторону уже уходящей колонны. По широкой дороге, пролегающей через холмы и поля, маршировала имперская армия, растянувшись на несколько километров. По словам Старшего, сражение назначено на послезавтра. Так что сегодня солдатня будет чеканить шаг до самого заката, потом один день на отдых, заодно обозы подтянутся, - и вперед, проливать кровь во имя... чего-то там.

Нас же, то бишь наемников, это мало касалось. Своих я догнал уже через полчаса, шли мы почти в хвосте. Если у служивых на лошадях сидели только старшие офицеры, начиная с полковника, то у нас было попроще. Кто смог купить, тот и скачет, кто нет, тот справляется на своих двоих. Последних было больше. На четыре тысячи воинов оказалось около двухсот всадников. Впрочем, в бою это нам никак не поможет. Коняшек заберут обозники, на хранение, так сказать, и в седле останутся лишь Старший, несколько «связистов» и два генерала, командующие флангами.

Что самое печальное – наемников оставляли на левом фланге. Услышав о таком положении дел, я, признаться, струхнул. Войны здесь велись просто, два линейных строя сшибались друг с другом и давились, смешиваясь в беспорядочной рубке. В принципе то же самое было когда-то и на Земле. Первым, кто придумал хоть какое-то оригинальное построение, стал Александр Македонский, разбивший превосходящее по численности войско греков, поставив своих солдат в «молот». В чем же суть левого и правого фланга? Все очень просто. Пусть Ангадор и отсталый, в моем представлении, мирок, но правители и командующие в большинстве своем – люди неглупые. Так же, как и мои предки на Земле, они догадались, что, если сильных проверенных вояк смешивать с новичками или наемниками, ничего хорошего не выйдет, так что весь шлак сосредотачивали на крайних позициях, читай: на левом фланге. Понятно, что противник действовал точно так же, и затянувшаяся битва напоминала громадный кровавый водоворот. Самое пекло было на краю фланга. Туда палили стрелки, пытались сгрудить строй, также в это место били засадная конница и подкрепление.

В нынешних реалиях по краю фланга, где стоят двадцать тысяч наемников, в число которых входит «Пробитый золотой», будут шмалять маги, и это мало радует. А если честно, то не радует вообще. Перспектива попасть под смертельное заклятие не кажется радужной, именно поэтому Старший сезона два назад провел импровизированные учения и ликбез. Когда армии выдвинутся на поле, мы должны принять своеобразное построение: наемники называли его «гребешок», я же обозвал «волной». Выгибаясь, оставляя широкие провалы, мы должны схлестнуться с сильнейшими солдатами нимийцев. Почему? Да потому что наш левый фланг будет стоять напротив их правого! И именно по нам будут произведены три первых магических удара, когда еще нет опасности задеть своих. Потом господа волшебники будут пытаться завалить друг друга, оставив нас, простых смертных, на поруки старушки-удачи. Иллюзий никто не питал, задача построения «волны» – снизить потери от вражеского волшебства, а затем создать на поле несколько кругов, в которые будут заточены солдаты.

Пристроившись к своему отряду, я сначала прислушивался к очередной перепалке Щуплого и эльфа, но потом занялся тренировкой «скрыта». Привычно отрешившись от окружающего мира, я одновременно с этим пытался нащупать магический дар. Нейла говорила, что, погрузившись в себя, в самые глубины внутреннего мира, нужно отыскать некое подобие клубка, сплетенного из мириад энергетических линий. Погрузившись в это переплетение силы, необходимо волевым усилием расправить нити-спицы и освободить огонь магического дара. Потом в течение недели эти самые нити распространятся по всему телу, став какими-то там «энергетическими каналами», а огонь дара превратится в своеобразный источник этой самой энергии. Ну как-то так. Погружаться в глубины подсознания я научился уже давно. Недавно отыскал там этот клубок, но проникнуть в него никак не удавалось, будто какая-то стена удерживала меня на расстоянии. Но я не отчаивался. С каждым таким погружением мне удавалось сделать мизерный шаг. За два сезона я продвинулся к цели на расстояние вытянутой руки. Колдунья говорила, что все в порядке и через это проходят все маги. Я было обрадовался, но магиня тут же добавила ложку дегтя. Мол, по некоей неподтвержденной теории, силу мага, до того как он раскроет дар, можно определить по скорости его освобождения. И чем быстрее волшебник преодолет этот барьер, тем сильнее он будет. Наемница похвасталась, что сама она управилась за две декады. Какое у меня было состояние после услышанного? Сперва я впал в депрессию, но уже через две минуты – ладно, вру, через час – я рванул в подсознание и упорно продолжал долбить эту преграду. Больше всего на свете меня пугала возможность оказаться очень слабым магом. Что с ними происходит в бою, я уже видел. Нейле ничего не стоило завалить тех двоих молодчиков, и оказаться на их месте я не хотел.

За тренировками я и не заметил, как мы подошли к Борсу. Не могу сказать, что крепость

внушала хоть какие-то неординарные впечатления. Разве что стена была ненормально высокой, а так – ничего такого, чего бы я не видел на фотографиях. Те же башни, узкие щели бойниц, развевающиеся флаги... Правда, вместо пушек стояли баллисты и пара требушетов. Зачем здесь нужны последние, я не знаю.

К вечеру мы уже сидели вокруг костра. Лагерь разбивать никто не стал, шатры поставили только для высших офицеров, а солдатня ограничилась простенькими спальными мешками. Я взглянул на небо и, напрягшись, припомнил основы ночного ориентирования. Полярной звезды здесь не имелось, зато был аналог под названием Глаз Харты. Светил он несколько тусклее, но я всегда безошибочно его находил и долгое время бездумно пялился, мечтая о том, как буду смотреть на него в грядущих путешествиях.

- Выпить бы, – жалобно проскулил Руст.

- И подохнуть из-за похмелухи? – усмехнулся Младший.

- Так за завтра здоровье успеем поправить...

- Вот только не начинай, – перебила Нейла. – Перед каждым боем один и тот же разговор. «Давайте выпьем», «кто знает, вернемся ли», «может, в последний раз в жизни глотку смочим»... Щуплый, мой тебе совет, если хочешь жениться – смени репертуар.

- Что сменить?

Колдунья только отмахнулась. Не все такие образованные, как мы с ней.

- Скучные вы, – бросил кинжальщик и с прищуром взглянул в мою сторону: – Зануда, ты ж новенький. Небось коленки-то трясутся? Нутро ноет?

Сделав вид, что не расслышал вопроса, я продолжил глядеть на усыпанное огнями ночное небо.

- Своим богам молишься? – спросил Ушастый.

Да, непростой он эльф. На все сто уверен: с этим любителем природы что-то не так. Строит из себя недалекого малого, у которого развязывается язык от выпивки, но я вижу: под этой маской скрывается некто другой. Вот и сейчас. Казалось бы, простой вопрос, но произнесен со странной интонацией. И эта приставочка «своим». Да и выглядит эльф не как всегда. Он обычно болтает без умолку, тупит, но болтает, а сейчас тоже сидит и смотрит на звезды, а на лице усмешка. Вот честное слово – как будто над собой смеется.

- Нет.

- Почему?

- Не верю я в богов.

Руст поперхнулся. Пило уронил точильный камень. У Колдуньи с пальцев сорвался маленький фиолетовый шарик. Этим проклятием она обычно сшибала комаров, но сейчас промазала и угодила в костер. Огонь, зашипев, на миг окрасился в коричневый цвет. Даже обычно спокойный, как скала, Молчун чуть выгнул бровь. Лишь эльф сохранил спокойствие.

- Почему? – снова спросил он.

- Не хочу. Просто не хочу.

На лицах наемников были написаны тысячи вопросов, но ни один пока не рискнул встрять в беседу. Видно, нечасто Ушастый ведет такие разговоры.

- А зачем смотришь на небо, если не веришь в богов? Смотри тогда на землю.

Любой нормальный человек на моем месте вспылит бы и ответил что-то вроде «не твое дело», но мне не хватало наших бесед с Добряком, а эльф сейчас невольно его заменил.

- Мне действительно страшно, - нехотя признался я. Да и кто не убоится, когда совсем скоро нужно будет выступить в составе огромной, даже по земным меркам, армии. - Вот и думаю, что если я сижу и смотрю на звезды, то кто-то там сверху так же сидит и смотрит на меня.

Я сказал лишь часть правды. На самом деле я сейчас думал о доме, о родителях, о Томе и Никите, о Ленке. Сперва я питал к бывшей подруге самые отрицательные чувства, виня ее в том, что угодил в рабство. Но наставник научил меня смотреть на жизнь несколько по-другому, и сейчас я вспоминал о ней как о своей последней женщине. Ира не в счет, я ее почти и не помню даже.

- Хорошая мысль, - сказал эльф. - Далекая, но хорошая.

- Почему далекая?

Ушастый повернулся, и наши взгляды встретились. На мгновение в его глазах промелькнуло что-то таинственное.

- Потому что думать надо не о тех, кто смотрит на тебя, а о тех, кто смотрит с тобой.

На этом разговор закончился. Проходивший мимо Старший гаркнул на Пило, и тот отдал команду «спать». Спорить с командованием никто не решился. Все завернулись в спальники. Но сон ко мне не шел. Я все думал о словах эльфа. Верно ли он сказал? Может, я действительно неправ и прошло то время, когда думать надо было только о себе? Эх, непростой эльф, непростой.

- Боишься? - спросил стоявший рядом Пило. Из-за надетого шлема его голос звучал как далекое эхо.

- Есть такое.

- Это правильно, - кивнул Младший, отчего забрало стукнулось о бронь. - Но ты, главное, не переборщи. А если что, рассчитывай на Молчуна, он подстрахует.

Не ответив, я еще раз окинул взглядом поле. Линия фронта растянулась на добрые три километра. Сто двадцать тысяч воинов с одной стороны и на двадцать пять тысяч больше - с другой. Весь вчерашний день я провел, пытаюсь пробиться к своему источнику, но так и не преуспел в этом нелегком деле. Не то чтобы я надеялся на удачный исход, просто надо было как-то отвлечься от мандража. Говорят, перед битвой разумный показывает свое нутро. Что ж, правильно говорят. Нейла ни на шаг не отходила от Тиста. А тот смотрел на всех, как на врагов народа, - вероятно, так себя ведет волк, защищая самку. Щуплый постоянно всех подкалывал, за что получил несколько тумачков. Пило стырил карту у Старшего и что-то там чертил, изредка бубня и ругаясь. Эльф валялся на земле и пожевывал травинку, закрыв лицо

самодельной соломенной шляпой. Ну а я... Я замкнулся в себе и, как уже было сказано, отрешился от всего мира.

Зазвучали горны. Я поудобнее перехватил щит в левой руке. В первые минуты рубки придется использовать его, а уже потом переходить на любимый стиль боя. По рядам прошла легкая рябь – солдаты готовились. Кто-то проверял крепления, другие молились, третьи грязно ругались, подбадривая самих себя. В число последних входил и Руст: от его конструкций обсвистелся бы даже портовый грузчик. Один только Молчун сохранял привычное спокойствие. Вероятно, он сейчас думал о Колдунье, которая находилась на пригорке в группе с остальными магами.

Армия Империи встала в десять линий. «Пробитому золотому» не повезло – нам достались первые шесть линий на самом краю левого фланга. Проще говоря, мы – мясо. И с этим сложно смириться.

Снова прогремели горны. Показался противник. Не знаю, что там увидел наш правый фланг, мы же узрели всю мощь нимийцев. В первых линиях стояли закованные в латы тяжелые пехотинцы. За их спинами находились пикинеры, прикрывавшие ударную группу. Сто сорок пять тысяч солдат и семьсот магов – с этой силой нам предстоит сражаться. По левой руке прошла судорога, и щит ударился о поножи.

- Не ссать! – сквозь зубы процедил Пило.

Выругавшись, я поднял круглую деревяху, окованную дешевым железом, и до боли стиснул пальцы. По лбу струился пот, ноги стали ватными.

Выехал нимийский командующий на белом коне, встал перед воинами. Видимо, толкает речь. Так и есть – перед нами тоже появился такой тип и тоже на белом скакуне. Задвинув нечто до омерзения патриотичное, с огромным количеством слащавых сравнений и метафор, он закричал и карьером промчался вдоль первой линии. И каждый солдат счел своим долгом поддержать этот крик. Когда же очередь дошла до нас, я чуть не потерял сознание. Рядом во всю глотку взревел Тист, и мне показалось, что небо падает на землю или рядом проснулся огромный вулкан. Через мгновение я уже и сам кричал, не щадя связки. Как-то незаметно пропал мандраж, сменившись жгущей нутро жаждой битвы.

Первый шаг сделали нимийцы. Ровным строем они двинулись нам навстречу. Мы же сорвались на бег. То же самое было и с правой стороны. Имперские латники аккуратно вышагивали, а вражеское мясо бежало.

Нас разделяло пятьсот метров. И каждый шаг, каждое касание ступней земли отзывалось в голове ворохом воспоминаний. Никогда бы не подумал, что помню первое сентября. Не знаю, есть ли такая традиция сейчас, но тогда нас с линейки в школу отводили выпускники. Меня за руку взяла девушка. Она была чертовски красива, а я как дурак, окинув ее взглядом, уставился на свою будущую одноклассницу. Девчушку с веснушками и косичками. Пожалуй, в семь лет я был тем еще идиотом. Еще шаг – и вот я уже в одиннадцатом классе, несу на плечах какую-то кроху, которая остервенело трясет колокольчиком. Еще шаг – звон колокольчика не пропал, но река воспоминаний унесла меня на выпускной вечер. Вернее, в подсобку клуба, где проходило празднование. Девушка лишилась косичек, вместо них – роскошные каштановые волосы, волнами падающие с плеч. Новый шаг – и я вижу подмигивающую луну и черную как смоль воду.

Рядом что-то кричит Тист, но я не слышу, по глупости спутав звон колокольчика с шумом

крови, бьющей по вискам. Новый шаг – и вот я стою на стене замка, ставшего мне тюрьмой на целый год. Где-то там, у подножия стены, движется делегация во главе с герцогом, явившимся моим освободителем. До нимийских копий всего пара метров, я уже могу различить лица пехотинцев, – а в голове все еще беспокойно. Последний шаг перед рубкой – и я вижу зал, полный золота и зеркал. Звучит странная тягучая музыка. Я не умею танцевать, но все равно приглашаю девушку в круг. Зачем? Просто потому, что я хотел жить, а не существовать.

Первая линия приняла на себя вражеские пики. Почти все обзавелись дополнительными дырками в теле. Единицы пробилась к пехоте, но их тут же порубили. Вторая линия, распихав древки орудий, пробилась к латникам. Завязалась битва. Сзади меня кто-то усердно подталкивал, а сам я напирал на стоявшего спереди. Через мгновение ему снесли голову, и я оказался в рубке. Первое впечатление – абсолютный хаос. Хотелось отдаться на его волю, полностью отключить разум и рубить, колоть, резать, наслаждаясь криками раненых и стонами умирающих. Но нельзя. Волевым усилием сохранив рассудок, я пропустил над собой вражеский клинок и погрузил саблю под вражеский шлем. В лицо ударил фонтан крови. Выдергивая оружие из падающего тела, я принял следующий удар на щит. Рядом размахивал палицей Тист. Прикрывая левую сторону, он буквально скашивал врагов, сминая их головы. Даже сквозь горячку битвы я слышал отдаленный треск костей и черепов. Справа сражался Пило. Он виртуозно владел своим бастардом, и буквально каждый выпад находил свою цель – маленькую щель в латном шлеме.

Откинув щитом противника, я подрубил ему ногу, удачно попав в сочленение. Добивать времени не было, схватка несла меня все дальше, латника прикончит стоящий сзади. Первые минуты битвы напоминали сущий кошмар. Нас куда-то толкало, тянуло, руки то и дело как огнем опаляло, а я все резал и отбивал. Сначала принять на щит, потом удар, снова на щит, и снова удар. Так было, пока...

– Маги!!! – проревел не своим голосом Молчун.

Я очнулся среди круга тел. Наши – не наши? Все перемешалось. С неба падало нечто огненное. Мы побежали, не назад, но вперед, срезая врагов, как точилка срезает стружку с карандаша. Через секунду сзади гроыхнул взрыв, вслед за этим раздались крики. Не знаю, как кричат грешники, пожираемые пламенем ада, но заживо сгорающие наемники кричали явно громче и пронзительнее. Магией ударили еще два раза. Следующая атака принесла с собой необычный звенящий ветер, и сотни солдат оказались пронзены воздушными мечами. В последний момент я успел увернуться, но магический клинок все равно задел меня, разорвав в клочья рукав куртки и оставив глубокий порез на плече. Последний магический удар был самым страшным. Задрожала земля, а потом из почвы гейзерами забила лава. Не знаю, как мы выжили, но уже через пять минут члены нашей пятерки вновь стояли плечом к плечу. Ушастый, облитый кровью с ног до головы и с безумным пламенем в глазах. Тист, с палицей в одной и с секирой в другой руке. Пило, который использовал вместо щита чей-то шлем, надев его на руку, как боксерскую перчатку. Щуплый, орудовавший кинжалом и коротким мечом. Опомнившись, я отбросил щит и обнажил вторую саблю. Начиналась самая страшная часть – затяжная рубка.

Генерал герцог Часит эл Рисут,

командующий объединенными силами

Второго и Четвертого легионов

«И снова под Борсом», – подумалось Часиту. В свои шестьдесят он слыл одним из самых

талантливых стратегов, уступая по количеству побед разве что Гийому. Но тот был магом и обладал поистине пугающими возможностями. К тому же являлся главой Рода, а Часит оставался лишь третьим братом.

- Лэр, последние сведения! - отчеканил подбежавший адъютант.

Командующий взглянул на этого паренька и сплюнул прямо на карту, разложенную на столе в шатре штаба. Очередной аристократик, которого семья пристроила на сытное место. Стыдно подумать, что через десяток лет этот трус, ни разу не бывавший на поле брани, станет полковником, а еще через двадцать за ним будут идти армии, скорее всего на верную смерть.

- Докладывай.

- Правый фланг, сэр. Потери - примерно три тысячи. Удалось разделить вражеский левый нимийский. Из личного состава правого убиты полковник Дель Зимон и подполковник Тайрак ним Гийом, ранен полковник Зуд ним Стиит.

- Да срать я хотел на правый фланг! - взревел генерал. - Там и так все ясно. Вот через полчаса или час доложишь о правом. А сейчас дай расклад по центру, левому и магам.

- Так точно, лэр! Прошу простить, лэр! - Стукнув кулаком в область сердца, адъютант продолжил: - В центре сейчас жарко, потери неизвестны, тамошний связист погиб, досылают нового. По магам: нимийцы несут потери, сто двадцать их против сорока трех наших.

- Хорошо, - кивнул герцог. - Почти трехкратный перевес в самом начале - это залог успеха. Что на левом и крайнем левом?

- Левый фланг почти продавлен, лэр. Из десяти шеренг остались две. Крайний левый держится, легионеров полегло семь тысяч, наемников - пять.

- Зиг гарид гимур гондат! - выругался Часит. - Отправь вестника, пусть наемники разворачиваются и идут на фланг. Вестника лучникам - отставить прицельную стрельбу, рассеять огонь по периметру, охватить весь правый нимийский. Вест коннице - выступление через полчаса, удар арканом [2].

- Но лэр... - замешкался аристократ. - Рассеянный огонь... там же наши люди.

- Нет наших там! Нет! Остались только наемники!

вернуться

2

Аркан - раздвоенный клин.

- Лэр, легионеров было двенадцать тысяч, погибло лишь семь.

- Пока дойдет приказ, ляжет еще три. Оставшиеся две... Что ж, они погибнут как герои, купив своей жизнью нашу победу!

Адъютант не рискнул пререкаться и дальше. Ударив кулаком себя в грудь, он выпрыгнул из палатки, оставив командующего наедине со своими мыслями и идеями.

Часит эл Рисут был единственным командующим в Империи, который вел битвы в одиночку. Он не признавал военных советов во время сражения. Он играл, играл со своим противником в игру, где фигурами были солдаты и маги, а победа означала власть, женщин и деньги. И именно ради этих трех «вещей» полвека назад Часит стал оруженосцем.

Тим

Отбив вражеский полторник плоскостью сабли, я подрубил врагу ногу. Пока тот падал, срезал ему руку, оставляя изуродованное тело за спиной: его добьет прикрывавший меня Ушастик. Не знаю, сколько уже времени мы бьемся. Может, час, может, два, а может, несколько дней. Адреналин бурлит, мысли путаются, а враги все не кончаются. В какой-то момент нас осталось двадцать человек. Мы стояли буквой «Т» и рубили, резали, кололи. Потом умерли еще пятеро, а оставшиеся пробили живую стену и очутились в очередном водовороте.

Рядом просвистела стрела. Уклонившись на одних рефлексах, я зарубил какого-то мужика. Сначала отсек ему кисть, а второй рукой снес бедолаге голову. Не знаю, где мы сейчас сражаемся, но латников нет уже давно, перед нами обычные солдаты в легких доспехах, не сильно отличающихся от наших. Щеку пронзила острая боль. В который раз за этот день меня отвлекают вспышки боли. Жаль, я не умею ее отключать, да и никто, наверное, не умеет. Оглянувшись и чуть не пропустив укол в брюхо, я увидел еще одну стрелу, а затем с неба посыпался град, несущий с собой смерть.

- Демоны! Они ведут огонь по своим! - крикнул Пило.

- Надо уходить дальше! - откликнулся эльф.

- Как?! - Младший выразительно кивнул на прущих с северо-запада солдат.

- Меньше болтайте! - крикнул я, рассекая брюхо какому-то парню, решившему, что у него получится убить моих отвлекшихся друзей.

- Давайте за мной! - О, этот голос невозможно не узнать.

Молчун, сменивший секиру на какой-то молот (и когда он только успевает подбирать оружие?), заревел и понесся прямо на таран. Размахивая руками, как лопастями мельницы, он прорубал нам путь в глубь вражеского стана. Тех, кто успевал увернуться, добивали мы. Наконец мы выбрались из стрелковой зоны поражения. Правда, пользы от этого было мало - прорубились мы прямо к задним линиям.

- Замечательно, - вздохнул Руст.

- Молчи и работай, - сплюнул наш капитан.

Позади нас было поле, усеянное трупами, спереди - десятки солдат, смотревших на нас, как русский на негра. Наконец они очнулись и с криками бросились в нашу сторону. Встав в круг, спина к спине, мы раз за разом отражали натиск врага. То и дело мои сабли пронзали чье-то тело, сносили голову или подрубали ноги. В драке против солдата есть всего три точки, куда можно бить: в брюшное сочленение, в колено или под шлем. И пока у меня получалось. Пришлось привязать сабли к рукам, чтобы не соскальзывали, но это мелочи. Хотя я до сих пор не знаю, где Ушастый достал веревку, так вовремя брошенную мне.

Срезав нимийца прямо на ходу, я погрузил правую саблю ему в забрало, а левая уже со

свистом пронзала очередного противника. Скольких я уже сегодня зарубил? Десять? Нет. Двадцать? Тоже мало. Пожалуй, что-то ближе к тридцати. Раньше я бы никогда не поверил, что один воин может зарубить сотню. Но теперь думаю – умелый вояка сможет положить и больше.

Еще один засранец решил проверить мои клинки на прочность. Что за варварство – бить с размаху прямо по острию?! Погибнуть, как герой, захотел? Разрубить клинок противника, самому подохнуть, но дать товарищу возможность для маневра? Отразив выпад по касательной, я провел излюбленный прием «змеиный шаг». Правда, в варианте, когда орудуешь с саблями, да и бить пришлось по другим точкам. Но итог один – отрубленная рука и срезанная голова.

- Не увлекайся! – крикнул Пило, нанизывая на лезвие еще совсем юного паренька.

- Так точно! – Я подрубил нимийца, которого Младший так удачно пустил себе за спину.

В таком темпе мы рубились еще с четверть часа или больше. А может, меньше – грани времени стерлись и я предпочитал считать убитых врагов. В принципе глупое занятие, ведь татуировки нам нанесли не простые: после каждого убитого под знаком армии появлялась цифра. Как работает эта магия, не знаю. Для чего нужно? Чтобы каждый получил свою долю с убитых. Усредненную, но свою.

Отбив очередной выпад, я поднырнул под лезвие, но чуть не натолкнулся на острие. Мне попался серьезный противник. И что самое неожиданное, он, так же как и я, держал два клинка. Как-то сам собой возле нас образовался круг из солдат. Так бывает, когда сходятся двое сильных или необычных воинов. Себя я относил к последней категории. Нимиец не стал долго думать – рванул ко мне, попытавшись провести обманный выпад. Отбив его клинок, я тут же поставил блок, тем самым спасая свою печень. Но прием оказался с тройным дном, в итоге мне ожгло ногу. Выругавшись, я на полной скорости, скрестив сабли на манер ножниц, стелюсь по самой земле, подскочил к мечнику. Взмах – и его левая рука, выписав в воздухе замысловатый пируэт, падает на землю. Еще один – и что-то вязкое плюхается мне под ноги. Сжимая рукой живот, нимиец падает на колени, а я пронзаю его шею.

После ускорения надо отдышаться. Я отошел за спину Тисту. Тот, прикрывая меня, двумя движениями валит сразу троих. Вот у кого будет цифра, близкая к сотне. Правда, наемники всегда держат свои татуировки перевязанными – цифры не обнуляются перед новой битвой.

Через минуту я снова в строю. Видать, за нами сегодня приглядывают демоны бездны, впятером мы сдерживаем нимийцев. Кто-то скажет – чушь, я же скажу – слаженная команда. Мы действуем командой против солдат, которые, потеряв своих десятников, напоминают кучки крестьян, которыми они и были в недавнем прошлом. Стоп, крестьян?

- Пило, мать твою через десять колен! – крикнул я Младшему, увлеченно режущему какого-то бедолагу. – Мы в центре!

- Что?

- Темных богов тебе в хату! – выругался я. – По центру мы, по центру, а впереди только две линии!

Пило сообщает быстро, когда не отвлекается на фехтование. Вот и сейчас, качнув клинком и прикончив противника, он смекнул, что к чему.

- Тист, Колдунью тебе в постель! – чуть ли не смеялся он. – Дана команда пробиться на север.

Молчун, наш самопальный танкотаран, не заставил себя долго ждать – разве что на манер гориллы по груди не постучал. В левой руке – молот, в правой палица, на лице – оскал. Я бы на месте нимийцев обернулся в бегство и бежал до Южного океана. Те, судя по всему, подумали о чем-то сходном, некоторые даже отступили на шаг. Но Молчуну было все равно, он уже несся на врага, оглашая борское поле самым диким криком.

Генерал герцог Часит эл Рисут,

командующий объединенными силами

Второго и Четвертого легионов

- Лэр, донесение, лэр!

- Выкладывай, – снисходительно приказал Часит.

Он сидел за столом и, откинувшись на спинку стула, потягивал вино. Еще с час назад было понятно, что победа за Империей. Конница и лучники выполнили свою задачу. Стрелки сгрудили врага, заставив его буквально вжаться в одну точку, а всадники, как коса, сняли богатый урожай. Пехота тоже не подвела, давила нимийских ублюдков нещадно.

- Лэр, битва окончена, лэр!

Генерал поперхнулся вином:

- Что?!

- Лэр, нимийцы потеряли почти всех магов, у них осталось лишь семьдесят три мага против наших трех сотен. Из ста сорока тысяч погибло девяносто пять, легионеры же потеряли лишь сорок. Их конница так и не успела вмешаться в сражение, ее срезали на подходе наши заставы. Вы правильно предугадали направление, с которого они ударят. А еще...

Адъютант замялся, подбирая нужные слова, а герцог принял это за стеснение.

- Не томи, говори.

- Наши войска взяли в плен трех полковников и генерала. Это стало последней каплей. Их командующий поднял белый флаг и, по донесениям разведки, больше не покидал штаб. Скорее всего выпил яд.

- И правильно сделал, – покивал Часит и лишь потом до него дошло. – Погоди, как «в плен взяли»? Штабных взяли?!

- Да.

- Гарид дазг зиг! Не ожидал, не ожидал... Видать, не перевелись еще в легионах стоящие люди. Всех наградить и к званию представить. А хотя погоди, сам награжу и сам представлю.

- Эм... лэр? – потупил взгляд аристократ.

- Ну что еще?

- Это были наемники.

- Мм?

- Пленных взяли наемники.

Тим

Когда мы прорвались через последнюю линию, оставив за собой десятки окровавленных тел, среди которых находились еще стонущие раненые, я уже искал глазами новую цель, но не находил. Вокруг не было ничего, кроме реденького пролеска. Обернувшись, я увидел... море. Да, море из сотен солдат, рубящихся друг с другом. И в этом море виднелись корабли - всадники, срубавшие нимийцев подобно ветру, забиравшему пенку с гребней волн.

- Провалиться мне в бездну! - выдохнул я. - Живы!

- Не расслабляйся, - толкнул меня Пило. - Ходу, парни, ходу!

И мы побежали. Прямо в лес, подальше от битвы. Честно говоря, не знаю зачем, скорее всего это был какой-то животный инстинкт: скрыться подальше от опасности, подальше от смерти. Через пять минут мы остановились на опушке, чтобы отдохнуть и пораскинуть мозгами, как действовать дальше. Когда все расселись прямо на земле, скидывая с себя ставшую неподъемно тяжелой броню, я в первый раз за день решил утереть лицо, забыв, что сабли привязаны к руке. И зря забыл.

- Что это за отрыжка Харты? - воскликнул я, стряхивая с руки... чей-то кишечник. - Ушастый, ты как, здоров?

- А чего ты хотел? - пожал плечами эльф. - Извини, банта с собой не припас.

Глотая воздух, как рыба, и подбирая слова, я не сразу заметил, что наемники смеются.

- Значит, прикалываемся, да? - прищурился я. - Ну ничего, стервятники, еще сочтемся.

И меня тут же накрыл приступ хохота. Мы смеялись долго, снимая напряжение и выплескивая застывшие в груди эмоции. Утирая слезы, я обратил внимание, что у всех, кроме Молчуна, оружие было хитрым образом примотано к кистям. Ну что ж, можно сказать, я прошел своеобразное крещение.

- Атас! - шикнул Ушастый.

Все тут же нырнули кто куда: одни за куст, другие спрятались за валуном. Я же инстинктивно прислонился к дереву и окунулся в «скрыт», сливаясь с природой.

- Зануда, - шипел Пило. - Зануда, чтоб тебя темные полюбили, ты где?

- Тихо. - Кажется, эльф отвесил нашему командиру подзатыльник.

Мы затихли, ничем не выдавая свое присутствие. Вернее, не выдавал только я, а вот остальных умелый следопыт, маг или Тень нашли бы без особого труда. Но те молодчики, из-за которых поднялась буча, нужными талантами не обладали.

Через несколько минут на поляну выехала группа из двенадцати человек. Без команды, будто обладая общим разумом, мы кинулись в атаку. Оттолкнувшись от дерева, я метнулся под брюхо лошади и одним движением вскрыл ей нутро. Когда падал всадник, я интуитивно оглушил его

ударом в висок и не стал добивать. Рядом тут же очутился какой-то солдат. Вот только вместо меча у него была... рапира. Он орудовал своей зубочисткой виртуознее, чем сам Младший, и мне пришлось попотеть. В итоге я обзавелся еще одной ссадиной в области ключицы, но смог таки подрубить противника. Видимо, самый сложный противник достался именно мне, так как остальные бой уже закончили.

- Хоровод демонов к тебе на свадьбу, Руст! - восхитился Пило.

- А почему ко мне?!

- Потому что ты никогда не женишься, - отмахнулся командир. - Господа доблестные наемники, я хочу вас поздравить!

Мы уставились на него в ожидании.

- Вот этот, - ткнул он пальцем в молодчика, которого вырубил я, - носит полковничьи лычки, как и эти двое. - Он показал на еще двоих неудачников, носивших дорогие камзолы. Стало понятно, почему я его не убил, - рефлексы, мать их. Не зря меня муштровал Добряк, да удачно он переродится. - А вот у Тиста добыча покрупнее.

Молчун, сохраняя присущее ему хладнокровие, скинул с плеча пожилого коренастого мужчину в вышитом золотом камзоле и с такой же позолоченной сверкающей броней.

- Наш не очень разговорчивый друг захомотал генерала!

Все выдохнули, а Щуплого понесло.

- Раз колдуньи в руки не идут, надо хоть с генералами баловаться, - глубокомысленно произнес он, а через секунду отправился в свободный полет. Н-да... подзатыльник от северянина - это страшно.

И мы опять засмеялись. Наверное, картина еще та: стоят четверо израненных окровавленных воинов и ржут, как кони, а один валяется на земле и, держась за голову, постанывает, попутно хихикая. Рядом валяются высшие офицеры. Они к общему веселью не присоединились: будучи без сознания, они выступают в роли безмолвных зрителей. Не в силах стоять на ногах, я рухнул на землю и вздохнул. Демоны с остальными, а для меня эта битва закончена.

Глава 8

Харпудов гребень

Его императорское величество

Майкл дель Самбер

Сегодня выдался воистину ужасный день. Прибыли десятки послов, считавших своим долгом поздравить с победой. Потом пришла делегация гномов. Эти коротышки вконец оборзели и подняли цены на свои изделия, пришлось напомнить про древние договоры. Полурослики пошумели, но потом извинились и пообещали поумерить пыл. Следующей каплей, упавшей в переполненную чашу терпения, стал Совет магов. Вот уж кто реально зажрался. Каждый раз, когда Майкл Третий видел эти туши, неизвестно каким образом проходившие в двери, то хотел казнить каждого. Но, увы, маги были силой, с которой приходилось считаться. Однако в этот раз советники превзошли самих себя. Они, подумать только, заявили, что в будущем

отказываются отправлять своих подчиненных на войну. Конечно, это был лишь тонкий намек на то обстоятельство, что пришло время пересмотреть стоимость их услуг. Император позволил себе опуститься до торгов, а потом напомнил этим магикам, что они вроде как подданные империи и должны подчиняться законам. И раз уж маги, приравненные в своих правах к дворянам, не хотят воевать, то пусть выплачивают соответствующую сумму. На этом торги были закончены.

После такого начала дня Самбер отобедал, успев перекинуться всего парой слов со своей ненаглядной женошкой, да подерут ее демоны. И вот теперь он должен лицезреть в своем кабинете младшего сына. Но не стоит думать, что если Майкл ненавидит жену, то так же относится и к детям. О нет, детей он любил, даже обожал, хотя иногда и они доставляли немало хлопот.

- Отец, - продолжал свой затянувшийся монолог принц Константин дель Самбер, - ты должен меня понять. Я не Осиф, который души не чает в балах и званых ужинах, и не Стивен, мечтающий задрать подол каждой охочей до развлечений дворянке. И уж тем более не Дарий, который, если ты не знаешь, уже буквально поселился в библиотеке.

- Тогда бери пример с сестер. - Император сделал неопределенный жест рукой, показывая, как ему «дорог» этот разговор.

- С этих-то? - Константин никогда не умел держать себя в руках. Вот и сейчас вместо того, чтобы спокойно продолжать дискуссию, он ударил кулаком по столу (отчего тот жалобно заскрипел) и стал вышагивать по ковру. - Может, с Астии? Извини, отец, но у меня нет никакого желания сутками пропадать в театрах и на выставках. А насчет Инги... - Принц отмахнулся и щелкнул по эфесу клинка. Так он всегда делал, когда был раздражен.

- И что же насчет Инги?

- А то ты не знаешь, - усмехнулся младший сын.

- Знаю, - кивнул император. - Но от меня-то ты что хочешь?

- Отпусти меня, отец, - в который раз попросил Константин. - Отпусти - и, клянусь кровью и перерождением, ты об этом не пожалеешь!

Майкл вздохнул и спрятал лицо в ладонях. Боги, как он устал. Устал от интриг дворян, от грызни аристократов, от войн, от магов, от жены, да подерут ее демоны! Устал от всего.

- Мы это уже сто раз обсуждали, - сказал он. - Я не могу отпустить тебя. Ты просто не представляешь, что это такое. Да и кто о тебе позаботится?

- Я сам могу позаботиться о себе! - с вызовом в голосе ответил принц. - Мне уже не десять лет, отец, и ты видел, на что я способен.

- О да, никто и не говорит, что ты плох в искусстве меча. Но кто тебе сказал, что там с тобой будут сражаться по правилам или дуэльным кодексам?

- Но я готов к этому! - Глаза Константина горели огнем, и от этого пламени слабым личностям становилось не по себе. По правде сказать, Майкл глубоко внутри гордился своим отпрыском. - И ты прекрасно это знаешь.

И Майкл не мог не согласиться, он действительно это знал, что уж тут лукавить. Он ведь лично

нанял десятки наставников для непоседливого принца. Его обучали наукам, военному делу, тактике, стратегии, истории, фехтованию, стрельбе, языкам, верховой езде, географии, даже основам магии. Но при всем при этом принц оставался наивным девятнадцатилетним юнцом, мечтающим о славе и битвах.

- Нет! - отрезал император. - И это мое последнее слово. Больше я не желаю разговаривать на подобные темы. А если заикнешься, заставлю присутствовать на всех ближайших торжествах!

Константин скрипнул зубами, но, опомнившись, ударил кулаком по сердцу, подражая солдатам, и щелкнул каблуками, после чего вышел прочь.

Майкл отложил перо и потер виски. Из настольного зеркала на него смотрел седеющий старик с синяками под глазами и чуть подрагивающими губами.

- Дорогой друг, ты уверен, что мы поступаем правильно? - спросил он в пустоту.

Тут в кабинете раздался характерный хлопок, и в углу возникло удобное кресло, обитое дорогой кожей. Сидевший там разумный сложил пальцы домиком, пряча усмешку в пышных усах. «Типичный волшебник», - сказал бы любой обыватель и ошибся бы. Впрочем, на принадлежность визитера к воинам мог указать лишь простенький военный камзол.

- Кто знает, кто знает, - ответил маг. - Но я уверен, это будет по крайней мере интересно.

- Интересно наблюдать за тем, как мой сын рискует жизнью?

- Ага.

- Я никогда не понимал, шутишь ты или мне нужно тебя казнить.

- А я никогда не понимал, что забыл в компании зарвавшегося дворянина, - вернул колкость незнакомец.

Он сделал легкий взмах рукой, и перед ним появился столик на высокой ножке. Еще один взмах - и вот на столике стоят два бокала и бутылка вина.

- И это мне говорит сын пастуха? - скривился Майкл и взглянул на бутылку. - Угостишь?

Маг разлил вино и что-то прошептал. Второй бокал качнулся и полетел прямо в руки императора.

- Не забывай, кто мой названный отец и к какому роду я принадлежу.

- Но сути-то это не меняет.

- О да! - Волшебник как-то странно захихикал и залпом, совсем по-солдатски, осушил бокал. - Я все тот же пастух, а ты восторженный интриган.

- Только один теперь носит фамилию Гийом, а другой - Самбер, - подхватил Майкл и так же залпом опрокинул бокал.

За окном в императорском саду с деревьев уже почти опала листва - близится зима, а с ней придут и новые проблемы.

Принц крови Константин дель Самбер

«Полюби меня темные богини, если я еще хоть на час задержусь в этом гадючнике!» – думал принц, забрасывая в походный мешок самые необходимые, по его мнению, вещи. Несколько чернильниц, деньги, книги и сухари с солониной.

Уже через десять минут из покоев выскользнула серая тень, озиравшаяся, подобно матерому Ночнику.

«Как говорил один мой знакомый, – припомнил Константин, – императоры – как женщины: под «нет» обычно подразумевают «меня нужно уговорить, но в принципе – да».

И неважно, что этого аристократа потом сослали к Северному морю, главное – суть, сама идея. И боги не дадут солгать – Константин честно пытался уговорить отца, но старый перечник уперся своими воистину исполинскими рогами и не отступал ни на шаг.

Покидая дворец через парадный вход, Константин не задумывался о том, почему ему не встретилась стража, как его упустили десятки магов. Единственное, о чем он думал, кое-как перелезая через забор: «Где же мне купить лошадь?»

Тим

– Апчхи! – Я все-таки не сдержался, и крупный ком снега, решивший, что презренный смертный не должен нарушать вечную тишину гор, свалился мне на голову. Хорошо еще не подобрал с собой пару камушков, пока катился по склону.

– Эка ты, брат... Может, привал? – стуча зубами, спросил Руст.

– Нет, парни, – покачал головой командир. – Нам еще пять лиг пешкодромить, так что вперед.

И наша четверка двинулась дальше по склону. Вот чего-чего, а холодов я никогда не боялся. Жизнь в Питере, где присказка: «У нас было лето, но в тот день я работал» – приобретает особый смысл, научила меня не обращать внимания на такие мелочи, как столбик термометра, опустившийся много ниже нуля. Ну да, так я думал, пока не попал на Харпудов гребень. Это была длинная горная гряда, преградившая путь нашей изрядно поредевшей армии. Здесь, на высоте около четырех километров, температура близилась к абсолютному нулю, да и у склонов было не лучше: осень прошла, наступили долгие три с половиной сезона холодов. И одни лишь боги знают, каких трудов мне стоило выцепить зимний плащ у обозников. Сапоги, кушак и остальное достал в рейдах – мертвякам все равно, а мне тепло.

– Сиритэ лангоск! – выругался Ушастый.

Эх, жаль, в эльфийском я не так силен, как в наречии гномов.

Вот уж кому действительно тяжело – исконно лесной житель непривычен к такой поголке. Как он держится, я вообще не представляю, но на то он и эльф, чтобы быть непонятным, таинственным и все такое прочее.

Я поднял голову и, выставив ладонь козырьком, окинул взглядом перевал. Сегодня нужно проложить дорогу на пять лиг, потом сделать легкий привал, пройти еще три и там заночевать. Не знаю, как там наши Альпы форсировали, но точно знаю, как себя чувствовали тогдашние разведчики. Одним словом – дерьмово.

- Что встали? - перекрывая вой поднявшегося ветра, крикнул Пило. - Шевелите культями!

Плотнее запахнувшись в плащ и замотав лицо импровизированным шарфом, я сделал следующий шаг. Через полчаса мне нужно будет идти первым и с помощью широкой палки разгребать сугробы. Вот это действительно адская работенка. И хоть смена длилась всего пятнадцать минут, за эти четверть часа я успевал припомнить все ругательные словечки на всех известных мне языках. Возможно, черная полоса, настигшая нас после Борса, все еще не хочет сменяться на белую...

В лагерь мы вернулись с богатой добычей. Впрочем, нас уже ждали - Старший и еще какой-то тип (как выяснилось позже - сам герцог Часит эл Рисут). Посмотрев на нас, этот урка забрал пленных, кинул мешочек с золотом и намекнул, что о произошедшем нам надо забыть. Все всё поняли и, согнувшись в поклоне, поблагодарили за щедрость. На возмущение не было ни сил, ни желания. Все тело ныло. А когда лекари стали меня обрабатывать... короче, три дня я валялся в бреду. С нас буквально сдирали одежду, вправляли кости и зашивали без наркоза, даже выпить не дали. Пять минут я терпел, но, когда с груди сорвали прилипшую кольчугу, вырубился. Иногда в реальность меня выдергивали приступы нестерпимой боли - это едкой смесью обрабатывали швы. Всего этих швов, затем ставших шрамами, я приобрел ровно тридцать три штуки. Смешно, но что поделать. Кстати, мне еще повезло. Многие раненые, вернувшиеся с поля, померли от потери крови, да и я, как выяснилось, был близок к этому.

Вообще наш лагерь выглядел жалко. Когда армия вернулась, деления на наемников, легионеров или солдат не было. Мертвых сваливали в огромные костры, и дым от них вился к небу несколько дней. Потом в течение недели отправились перерождаться еще несколько тысяч тяжелораненых. А о тех, кто не помер, лучше и не вспоминать. Следует благодарить Харту, что меня такая участь миновала. Сотни людей остались калеками - кто без одной ноги, кто без обеих. Я даже видел несколько «червей», тех, кому господа лекари отхватили все конечности, дабы не пустить заражение к торсу. Одним словом - жуть. Столько слез и стонов, сколько пролилось и прозвучало в лагере, я не видел и не слышал на самом поле боя.

Досталось и Молчуну. В горячке боя никто не заметил, что у Тиста левая сторона лица залита кровью, а берсерк и сам не помнил, как потерял глаз. Колдунья тоже не цвела ромашками. Магический бой полностью ее вымотал, и девушка перегорела. Она отдала всю свою энергию и теперь мало отличалась от обычных разумных. Когда я поинтересовался, обратим ли этот процесс, Нейла только грустно вздохнула, взъерошила мне волосы и ничего не ответила. На следующий день мы наблюдали великолепную картину. Молчун, с повязкой на лице и шиной на руке, прижимал к себе хрупкую магиню, или уже не магиню, и на лице вечно спокойного героя сияла довольная улыбка. Вечером они покинули лагерь, а мы получили приглашение на свадьбу. Вот так наш отряд стал насчитывать лишь четверых разумных. Но самое важное другое. Теперь мы были вынуждены обходиться сугубо мужской компанией, и это поистине страшно. Некому было одергивать Щуплого, когда он увлекался сальными шуточками, а эльф больше не мог за здорово живешь изливать свои философские думы. Вместо подзатыльников он огребал смачные тычки, обычно в зубы.

В общем, отстояли мы сезон-полтора. Калек отправили по домам, выделив мизерную пенсию всего по две серебрушки. Потом встала проблема пленников. Ну, с благородными все ясно - после получения выкупа их с эскортом отправили в Нимию. А вот рядовых пришлось конвоировать на многочисленные рудники или в рабство, то есть в личные слуги, ведь рабства в Империи нет... А тех полканов и генерала вообще два раза успели продать. В первый - каким-то аристократам, которые якобы участвовали в бою и якобы именно они захватили пленных. Ну а уже потом их продали на родину. Но я не жалуясь, мне уже все равно. Когда стоишь и

смотришь на целый город из погребальных костров, то радуешься одному - что сам не лежишь на горящих поленьях. А потом мы декаду пили. Точнее, все, абсолютно все ушли в запой. Возможно, Борс в это время можно было взять голыми руками.

В первые дни мы культурно праздновали победу. Потом выпили за тех, кто не вернулся, - вернее, дня три поминали павших товарищей. Затем начались гуляния, после которых ни в одном подразделении не осталось приписных. Видать, девки совсем утомились и отправились обратно. Ну и напоследок был устроен турнир в честь победы. Хотя, по моему скромному мнению, это действие скорее напоминало театр сатиры или, в лучшем случае, обычный балаган. А когда на ристалище стали выходить дворяне, еле шевелящие ногами с дикой похмелухи, то у многих разошлись швы на животах. От смеха, естественно. Помню, как один рыцарь принял удар палаша на щит, а потом схватился за голову и стал выть. Обидчик же упал на колени и, сняв шлем, требовал у судей воды или чего покрепче.

Так что через полтора сезона армия, некогда насчитывающая сто двадцать тысяч вояк, сократилась в два с половиной раза. Да и магов поменьше стало. Но штабу было все равно. Мудрые лэры решили не отступать от классики и организовать интервенцию по всем правилам - то бишь разделить армию на три фронта. В итоге нас, борсовцев, обозвали северным фронтом и, как несложно догадаться, отправили в... горы. Ну а кто будет калечить и нервировать государевых людей? Правильно, идиотов, готовых подписаться на такое, в действительности очень мало. Поэтому первопроходчиками-разведчиками за скромную плату заделали наемников. А поскольку в то время, когда светлых лэров посетила гениальная идея, Старший крутился рядом со штабом, перст судьбы ткнулся именно в него. Ну а дальше все по цепочке. Старший получает тугий мешочек, Пило получает подзатыльник, мы получаем втык, припасы, снегоступы и приказ «собираться». Но я не ною и не жалуясь, только тихонько, еле слышно, сквозь зубы цежу проклятия.

В очередной раз сетка снегоступа затрещала, и нога чуть не съехала с крутого склона. Не знаю, как здесь пройдут пятьдесят тысяч солдат да еще и обозы, но больше в горы я не сунусь. Во всяком случае если рядом не будет профессионального инструктора, навигатора GPS (да-да, именно так) и еще пары кило крепкой снаряги.

- Что встал? - Пило, подойдя вплотную, чуть ли не кричал в ухо.

- Неспокойно мне! - ответил я.

- Всем беспокойно. - Младший ткнул меня в плечо. Удивляюсь, как перчатка от такого на кристаллики не развалилась. - Шевелись давай, скоро Ушастый сменит.

Покрепче обхватив палку, напоминающую весло для байдарки, я двинул дальше. Видимость была практически нулевая. Вокруг - лютый снегопад и шквальный ветер, а под ногами - сотни метров и черная пропасть. Чувствую, на ту сторону перейдут не все, далеко не все. Зубами удерживая капюшон, я разгребал борозду для тех, кто идет следом. В принципе толку от этого чуть - снегопад все равно заметет все минут за пять. Так что выполняли мы лишь одну задачу, а именно - искали блокпосты. Да и это суцая глупость. Не знаю, кто там сидит в штабе, вернее, что они там курят, но через гребень не ходит никто. И это связано не только с прохладной погодкой. Камнепады, обманные уступы - но даже это не самая страшная опасность. По легендам, которыми стали рассказы последних путников, на самом пике живут ледяные великаны, ну или йети, по-научному выражаясь. Если верить молве, эти молодчики высотой три метра в холке - что-то вроде горилл-переростков. Единственное, что отличает их от южных собратьев, не считая роста и белой шерсти, - это полуметровые клыки. Проще

говоря - гориллус полуразумнус саблезубус. Да эти горы настолько недружелюбны, что здесь даже гномы никогда не жили! А уж они точно знают толк в таких вопросах.

Через десять минут мы остановились. Наконец-то смена. Передав эстафетное весло эльфу, я переместился в хвост. Здесь было комфортнее всего, ветра почти не ощущалось, его принимали на себя впередиидущие.

И все же, что бы я там ни думал, эти горы величественны и опасны. Величественны благодаря своей мощи и неприступности. Гиганты, подпирающие небо, исполины, спорящие с законами гравитации, буквально бросившие вызов всему миру и с честью выдержавшие сражение. А опасность таится в их размерах: чем крупнее и выше пик, тем он кажется ближе. Неосторожный путник, не рассчитав силы, рухнет кулем и замерзнет под завывание ветров.

- У-у-у-у...

Во-во, о чем я и говорю.

Споткнувшись о мысль, насколько это вообще возможно, даже если выразаться фигурально, я усталился на пик. Но из-за метели радиус обзора заканчивался на локте вытянутой руки.

- Ты что-нибудь слышал? - спросил я у Руста.

- Н-нет. - Щуплый так сильно стучал зубами, что его можно было использовать вместо гравюрного станка. - От-т-тв-ва-л-ли.

- У-у-у-у...

Гул все нарастал, а голову вновь сдавил ледяной обруч тревоги.

- Демоны, это что, великаны?! - Ошарашенный Пило встал как вкопанный, а меня так и подмывало сказать: «Я же говорил».

- Нет! - завопил Ушастый, он-то у нас самый глазастый. - Лавина!

Закинув голову так резко, что свалился тяжелый, промерзший капюшон, я увидел, как сверху с невообразимой скоростью падает небо. Впервые за всю жизнь меня сковал ужас, и это чувство отличалось от мерзкого липкого чувства страха. Ужас сковывал движения, мешал мыслить. Секунды потекли медленнее, а я все не мог совладать с собой. Страх еще можно побороть, но ужас - это нечто такое, что неподвластно смертным.

Вдруг кто-то схватил меня за плечо. Потом, на пару мгновений, я понял, что падаю. Затем пришла тьма.

Старший, командующий

наемной армией «Пробитый золотой»

Старший крутил в руках золотой, подвешенный на старенький, потертый ремешок. Лет пятнадцать назад он остался один на один с враждебным миром. Хотя нет, рядом всегда был неунывающий младший брат. Вернее, он таким хотел казаться: в свои пять лет мальчишка никак не мог поддержать брата, но старался как-то взбодрить последнего родственника, вселить в него уверенность. Какое-то время они жили в лесу. Старший умел и любил охотиться. Бывало они с отцом на декаду уходили из дома, и ни разу не случалось такого, чтобы

добытки вернулись без кабана или оленя.

Прошли годы. Жизнь среди деревьев не шибко радовала братишку, и этот засранец сорвался в «великий поход», как он его обозвал. Когда минул целый лунный цикл, Старший заволновался и отправился за непоседливым Пило. И он его нашел, но не сразу узнал. Вместо веселого пацана он увидел избитого паренька, валяющегося в загоне для будущих личных слуг. Сперва Старший решил, что брат дрался с товарищами по несчастью, но, как выяснилось позже, Младший ни дня не провел без попытки побега. Да, братья были такими: они никогда не сдавались и всегда были готовы отобрать и отдать жизнь. Именно в такой последовательности.

Старший потратил два дня на подготовку. Вырезать целый караван – непростая задача, но он справился. Пленных отпустил и, прихватив небольшую добычу, скрылся с братом за лиги от того места. Через сезон их настигли. Братья лежали около костра. Усталость и бесконечная нервозность сломили их дух, и всего одну ночь, лишь одну, они провели без караула. Пропела стрела и вонзилась прямо в сердце Младшему. Старший не помнил, что произошло потом, но он очнулся весь перебинтованный, с заплывшим глазом. Рядом сидели Младший и какой-то мужик. Увидев очнувшегося брата, Пило в первый и в последний раз в жизни заплакал и бросился на шею тому, кого считал ушедшим на круг перерождений. В руку Старшему упала золотая монета, через маленькую дырочку в которой был продет кожаный ремешок. Стрела угодила в нее, и Пило отделался поломанными ребрами и шрамом.

«Везучий, мерзавец», – подумалось тогда будущему командующему.

Минули годы, даже десятилетия, и теперь Старший смотрел на сходящую вдалеке лавину. Где-то там – группа Пило, его непоседливого, но демонически везучего брата.

– Лэр! – в который раз окликнул адъютант. – Лэр, что прикажете?

– Ах да, – опомнился Старший. – Отправь вестника служивым, сообщи, что идем в обход через Малый перевал!

Адъютант выполнил воинское приветствие, ударив кулаком по сердцу, и рванул прочь. Старший же, послав вперед другую разведгруппу, еще раз взглянул на горизонт.

«Пило слишком везучий мерзавец», – подумал он и, убрав монету обратно, дернул поводья своего коня.

Тим

Бесконечная тишина – вот все, что меня окружало. Наконец в этой тишине раздался звон колокольчика, а потом на мир обрушился свет. Вернее, это была тьма. Да, иногда тьму можно спутать со светом, особенно если вокруг тебя – лишь ничто. На мгновение мир окрасился всевозможными красками, такого изобилия не увидишь даже на палитре профессионального художника. Когда вихрь утих, пришло спокойствие. Такое ощущаешь, когда, слегка подвыпив, сидишь у костра. Рядом с тобой обязательно соберутся друзья, у одного из которых найдется старенькая, местами пошедшая трещинами, гитара... И все, больше ничего не надо.

– Смотрите-ка, очнулся! – И тут меня начали, откровенно говоря, бить. Точнее, меня хлопали по плечам и лицу, обнимали и все такое, но все же это скорее походило на избиение.

– А ну-ка! – запротестовал я и рывком встал на ноги, чтобы тут же свалиться на задницу. – Какого демона я ничего не вижу? Я что... ослеп?!

- Да тут никто ничего не видит. - Судя по голосу, это Руст.
- И где же мы? - Этот вопрос волновал меня больше всего.
- Вероятнее всего, в ж...
- Без понятия, - перебил Щуплого наш командир. - Возможно, в проталине, может, в пещере какой, ну и худший вариант - это расщелина.

М-да. Ситуация не из приятных. Любой из трех предложенных вариантов не радует. Если это проталина, ограниченное пространство под снегом, то путь на поверхность займет недели, лавина-то нехилая была. О том, что мы в расщелине, даже думать не хочу, проще сразу вены подрезать. Самый оптимистичный вариант - пещера, в этом случае еще сохраняется надежда выкарабкаться.

- Наши планы? - спросил я.
- Да никаких, - ответил Ушастый.
- И именно поэтому принимаются любые варианты.

Если мне память не изменяет, у Пило впервые нет никаких набросков.

- Можно...
- Нет, - снова перебил Щуплого Младший. - Пить не будем.
- Но...
- Да я просто уверен, что ты прихватил флягу-другую с вином или чем покрепче.

Что верно, то верно - некоторые люди не меняются. А уж если эти люди носят прозвище Щуплый...

- Что скажешь, Зануда? - обратился ко мне командир.
- Демоны его знают. У нас с едой как?
- Потеряли мешок, осталась половина запасов. Хватит дня на три, если не будем налегать.
- Тогда предлагаю на горшок и в люльку.
- Что? - не понял Ушастый.
- Спать, говорю, давайте.
- А греться как? - Пило явно озадачился этой проблемой. - Или ты предлагаешь...
- Да чтоб тебя демоны задрали! - отмахнулся я, и, судя по всему, задел чью-то физиономию. - Сейчас папа Зануда подарит деткам свет.

Молясь всем богам (даже если я в них не верю, это не мешает мне тешить себя надеждой), кое-как я отыскал свой мешок, который все же не посеял даже в минуту смертельной опасности, не то что некоторые... Порывшись, вытащил на свет склянку и камень, и положил их себе под

ноги.

- Трах-тибидох и абракадабра. - Я разбил склянку о камень.

Тут же нашу... все-таки пещеру озарил мерный красноватый свет.

- Нейла вроде говорила, что из тебя маг - как из воска стрела, - почесал подбородок стоявший рядом Руст.

- А это и не магия.

- И что же это такое? - Пило нагнулся к камню, который теперь светился, и протянул к нему руку, но тут же отдернул и засунул в снег. - Заграф гос! Что это за отрыжка бездны?!

- Наука, друг, наука, - вздернул я палец к небу, то бишь своду. - Наставник когда-то научил.

- Занятный у тебя наставник, - протянул эльф, пристально вглядываясь в наш самопальный обогреватель. - А почему он снег не прожигает?

- А демоны его знают, - отмахнулся я. - Короче, вы как хотите, а я спать.

Стоило мне только завернуться в плащ, как Пило вспомнил, что он вроде как начальник.

- Так! - гаркнул он. - Не расслабляться. Действуем, как если бы находились на территории противника!

- Мы и так на ней, - заметил Руст и тут же схватился за скулу.

А что я говорил? Колдуньи и Молчуна нет, подзатыльники сменились тычками.

- Смена дозора - каждые два часа. Первый я, потом Ушастый, третьим Руст, замыкает Ройс.

- А почему я третьим? - возмутился Щуплый.

И я его прекрасно понимаю. Стоять в дозоре третьим, когда в отряде всего четверо разумных, означает лишь одно: хрен ты выплывешь.

- Потому что я так сказал. Все, всем спать!

Руст еще немного повозмущался, но в итоге последовал моему примеру. Так мы и сгрудились вокруг красного камня. Младший заступил на вахту, а я решил проверить внезапно возникшую теорию. Легкое усилие - и вот я погружаюсь в тянущую и манящую глубину. Но вместо пустоты и клубка энергии вижу тысячи... миллионы... нет, мириады нитей. Все они куда-то тянутся, бесчисленное количество раз переплетаясь друг с другом. И долго смотреть на них невозможно, начинает кружиться голова, хотя как она вообще может сейчас кружиться? Чуть полюбовавшись открывшимся великолепием, я полетел, поплыл, пошел... в общем, не знаю, как описать чувство, когда перемещаешься внутри подсознания и через некоторое время достиг центра, так мне показалось. И вместо стены или чего-то такого обнаружил пламя или что-то в этом роде. Нейла говорила, каждый видит свой дар по-своему, ведь у каждого свой внутренний мир. Что ж, видать, у меня небогатое воображение, если вижу только энергоканалы и огонек, являющийся их источником. К сожалению, не могу определить, к какой области искусства я тяготею. Хотелось бы, конечно, стать заклинателем, но посмотрим. Как карты лягут, так и будет, жаловаться не стану в любом случае. Так и заснул.

Поутру, вернее, через шесть часов меня разбудил раздраженный Руст и тут же плюхнулся спать. Особо делать было нечего. Мы оказались заперты в ловушке, причем я слабо понимаю, как мы здесь оказались. За спиной – сплошная стена из снега, впереди – непроглядная тьма, еле разгоняемая светом камешка, сверху – каменный свод. Выход один – идти вперед. И для такого предприятия у нас есть все, кроме самого важного, – факелов. Так что придется использовать красный булыжник. Но что мне о нем известно? Смесь, которой он обработан, – куча трав и несколько порошков из костей разных тварей. Никакой магии, лишь основы алхимии. Камень, кстати, самый обычный, подобрал перед походом. Ладно, придется использовать самое дорогое.

Из мешка на свет появилась потрепанная куртка с многочисленными заплатками. Обнажив младший кинжал, я распотрошил некогда дорогую мне броню. Еще бы она не была дорогой – почти полсотни золотом отвалил за нее, а она пережила лишь один бой и несколько разведрейдов. На снег шлепнулись железные пластины. То, что мне и нужно. Станут основой будущего светильника. Расположив кожу на полосы, я стал переплетать их между пластинами. В итоге получился своеобразный корпус, в который можно положить наш камень. А через многочисленные прорезы пробьется достаточно света, чтобы нам не приходилось играть в кротов.

Покончив с нехитрым изобретением, я сверился со временем. Как это сделать, когда под рукой нет часов, звезд или солнца? Каждый воин объяснит вам это так – как решишь, так и будет. Так что два часа вахты – это очень субъективный отрезок времени, который зависит напрямую от совести. И что-то мне подсказывает, что Руст отсидел несколько меньше положенного. От нечего делать я стал тренироваться. Разгоняя сердце до предела, усилием воли заставлял его остановиться, а потом снова запускал на полную катушку. Не советую повторять это дома. Не имея под рукой нужных зелий, через сезон таких истязаний любой разумный загнетса от инфаркта или чего-нибудь в этом роде. Сварить нужную микстуру не так и сложно, единственный минус – это ужасный, до омерзения отвратный вкус. Возможно, именно такие ощущения вызывает протухшая крыса. Сам не знаю, не пробовал – Добряк как-то делился приобретенным жизненным опытом. Его в Рагосе сильно прижали, и он две декады провел в канализациях, где пищевой рацион не отличается особым изобилием.

Помучив мышечный моторчик, я принялся тупо пялиться в стену и предаваться рефлексии. Уже через две минуты я перебрал все воспоминания, даже задел память Ройса, но так и не нашел ничего интересного. Откуда только герои фильмов и книг берут многочисленные поводы для самокопания? Могу разве что припомнить, как в девятом классе опрокинул на волосы химичке очень ядреную смесь. Что бы она там ни говорила, я точно знаю: она потом побрилась наголо и некоторое время носила парик. Спросите, зачем я это сделал? А вот нефиг было отсаживать ученика от нравившейся ему девочки. Я воспринял это как личную обиду и целую декаду, тьфу, неделю, вынашивал план мести. Надо признать, мною гордился бы даже требовательный наставник. Все прошло как по маслу и на некоего Тимура указывали лишь косвенные улики. Правда, Том что-то заподозрил, пришлось все ему рассказать. Сначала он восхищался, а потом начал причитать по поводу того, что я не свистнул его на помощь. Вот такой вот у меня друг... был.

- Не спишь?

Как все же отвлекают воспоминания! Вот и сейчас не заметил эльфа, а должен был.

- На посту спать не положено, – буркнул я в ответ и невольно зевнул.

- Но хочется. – Ушастый скорее утверждал, чем спрашивал.

- По себе знаешь?

- Ага, - кивнул он. - Иди командование буди, шутник ты наш занудный.

И не поспоришь. Совсем я заплутал в лабиринтах мыслей, так и в трепача в скором времени можно превратиться, не приведи темные боги. Встав и потянувшись, я скомкал два здоровенных снежка и решил попробовать метание с обеих рук.

- Думаешь, стоящая идея? - Ушастый чуть изогнул бровь, но я-то вижу, что он всецело поддерживает.

- Надо ломать стереотипы, - сказал я и метнул снаряды. - В конце концов, и будильник и душ - да такое патентовать надо.

- Что за ...?! - Кажется, Пило со мной не согласен.

- Зарежу! - И Щуплый тоже.

Глава 9

Во тьме

Младший и Щуплый вдоволь наругались, а последний даже швырнул в меня что-то явно металлическое и острое. Через некоторое время все успокоились. Собрав лагерь, если это можно так назвать, мы кое-как запихали камень в ловушку и, перевязавшись веревкой, отправились в неизвестность. Честь быть первооткрывателем выпала мне. Пило, явно обиженный на снежок, ставший ему будильником, заявил, что я как автор этого изобретения и должен его нести. Не найдя достойного ответа и не решившись на затяжной спор с командованием, я приладил к светильнику рукоятку и нес его на вытянутой руке. Ладонь пришлось обмотать тряпками, жар был просто нестерпимый.

Пещера оказалась довольно просторной: свод под метра два и в ширину достаточно, чтобы могла проехать небольшая повозка. Но тем не менее связанные друг с другом, мы шли спиной к стене. Снег - коварный враг, под ним могут скрываться пустоты и прочие неприятности. Лишний раз рисковать не хотелось. Шли мы молча, никто не нарушал вековую тишину. Точнее, каждый страшился вязкой тьмы. Иногда мне чудились тени, оскалившие пасть, или красные глаза вдалеке, сверкавшие жаждой крови и плоти. В этой обстановке шум стучащего сердца казался звоном колокола на пустынной площади. Через два часа я начал понимать, что схожу с ума. По спине стекал холодный противный пот. Сжимая зубы и до крови прикусывая язык, чтобы не вырвались слова, которых потом буду стыдиться, я продолжал переставлять ноги. Бездумно: правая вперед, потом подтянуть левую, поставить - и все снова.

Так было до тех пор, пока на нашем пути не возникло первое препятствие.

- И куда дальше? - спросил Руст, с подозрением поглядывая на разветвляющийся тоннель.

- Давайте направо, - предложил Пило.

- А я думаю, нужно налево, - встрял Ушастый.

- Может, привал? - жалобно пропищал Щуплый.

- С какого льда налево? - сквозь зубы процедил Младший, не обращая внимания на Руста. Он

придвинулся к эльфу, но у того на лице вместо обычной безмятежной улыбки была застывшая маска абсолютного безразличия. – Или ты хочешь обсудить мой приказ?

– А ты можешь с меня спросить? – Ушастый прищурился, и маска треснула. За ней оказалась ранее тщательно скрываемая сущность дикого зверя.

Пило потянулся к клинку, то же сделал и эльф. Я прыгнул между ними и нанес два стремительных удара.

– Вы совсем ополоумели?! Еще драки нам тут не хватало!

– Полюби тебя темные, – прохрипел Пило, хватая ртом воздух.

– Сиритэ оскам тле, – вторил ему древолюб.

Разглядывая этих идиотов, я достал монету.

– Будем решать по-честному. – Я подкинул серебрушку. Она упала лицом императора. – Идем налево. Да и вообще зачем спорить было? В отряде четыре мужика, а значит, выбор у нас один.

Лица друзей тронула легкая улыбка. Пило и Ушастый разогнулись и вперились друг в друга взглядом. Первым сдался Младший, он в принципе парень отходчивый.

– Ты меня извини, – протянул он руку. – Не хотел.

– Да и я был неправ. – Ушастый вновь беззаботно присвистнул и сжал руку нашего командира.

– Мне кажется, – протянул Руст, – будто я окружен одними психами.

Мы все засмеялись, а потом, выстроившись в линию, двинулись в путь. Иногда мне кажется, что старушка-судьба меня, мягко говоря, не любит. Пожалуй, стоит задуматься и больше никогда не полагаться на монетку. Уже через сотню метров тоннель начал сужаться. Снега совсем не было, и шли мы по ровному камню. Время сточило его, и наши сапоги (если так можно назвать металлическую основу, обмотанную шкурами и тканевыми прокладками) безбожно скользили при каждом неудачно сделанном шаге.

Когда Щуплый упал в третий раз и потащил за собой всех нас, мы подумали было обрезать веревку, но вовремя отказались от этой затеи. В какой-то момент проход сузился настолько, что нам пришлось скинуть мешки и, взяв их в зубы, переместиться в горизонтальное положение. И йети меня задери, если я солгу: ползти, когда в миллиметре над тобой каменный свод, – то еще удовольствие. Никогда не думал, что у меня клаустрофобия. Каждую секунду мне чудилось, будто еще мгновение – и вся тяжесть горы обрушится на меня. Спасал только «скрыт». Правда, в этот раз мне пришлось приложить изрядные усилия, чтобы отсечь ненужные мысли. Так прошел еще один час. В итоге было решено устроить привал. Прямо так, лежа, без возможности даже рукой нормально пошевелить.

– Вы не находите наше положение весьма ироничным? – заметил Руст.

– Поясни, – с опаской попросил Пило.

Еще бы, если Щуплого понесет... то это еще хлеще, чем философствования эльфа.

– Помните, как Молчун отвесил подзатыльник служивому, когда тот обозвал нас червями?

Да как такое забудешь. Тогда у легионера шлем помялся и чуть шея не переломилась.

- Ну а кто мы сейчас? Самые черви и есть.

- И верно, - согласился Ушастый. - Только мы скорее глисты - все равно что в заднице ползаем.

Мы засмеялись, весело и беззаботно, словно и нет опасности быть заживо погребенными.

- Да-а-а, хорошо им, наверное, - сквозь смех обронил Щуплый.

- Глистам-то? - поддел я.

- Полюби тебя темные боги! - выдохнул кинжальщик. - Молчуну с Колдуньей. Да и вообще повезло нашему здоровяку. Глаз потерял, а счастье нашел, - ладная сделка.

- Что верно, то верно, - как-то по-юношески поддакнул Пило. А потом задумался и добавил: - Всем бы так.

- Я смотрю, наш разговор плавно переместился в совсем уж крайнее русло, - отметил я и перевернулся на спину. - Балаболим, как девки на выданье.

- Молодой ты еще, не понимаешь ничего, - усмехнулся Ушастый.

Ну да, они-то полагают, мне лет двадцать. А по сути, я ровесник того же Младшего. Кстати, я уже давно убедился в том, что застрял в своем психологическом развитии на отметке двадцать один год. Выход имелся лишь один: дожидаться, когда сознание Ройса придет в гармонию с моим, то бишь - когда у нас окажется один возраст. Произойти это должно с сезона на сезон.

Мы немного помолчали. Не знаю, о чем думали остальные, а я разглядывал жука, ползущего по своду, и думал, что если закончится еда, то придется питаться ими. Хотя это всяко лучше, чем крысы...

- Эй, Младший! - окликнул Руст.

- Чего тебе?

- Как у тебя там с Профьей?

Оба-на! Я не особо уважаю сплетни, но это имя слышу впервые, а мы знакомы уже почти год.

- Тебе-то какое дело, - недовольно буркнул командир.

- Хорош ломаться. - Ушастый явно наслаждался этой ситуацией в целом и разговором в частности. - Раз уж пошла такая тема, то настало время раскрыть наши сердца, очистить души от тяжелого груза...

- Все, баста, - перебил его Пило, за что я ему безмерно благодарен. В последнее время становится все труднее выносить монологи эльфа. - Все у меня нормально. Ждет она.

- Так уж и ждет? - недоверчиво поинтересовался я.

- Да, - твердо, почти зло ответил Пило. - Так и ждет. И что это вы на меня набросились? Руст, колись, не зря же ты в Рагосе каждый вечер в караул замковый просился.

- Д-д-да я что... - Щуплый, когда начинал волноваться, всегда заикался. - Д-д-да я н-ничего.
- Ага! - Эльф уже откровенно веселился. - И бочку с вином у барона тоже не ты спер?
- Да мы ее вместе тащили!
- Во-во, - засмеялся Пило. - Так что колись, неужто на баронскую дочку запал?
- А ежели и запал? - вдруг ошетинился наш неунывающий друг. - Что с того? Или мне нельзя?
- Да боги с тобой, - вздохнул я. - Можно, конечно. Отчего же нельзя, если хочется.
- Отвали, Зануда. И не нужна мне никакая баронская дочка, служанка там была. Лилия...
- Понятно. - Ушастый как-то посерьезнел. Повисла неловкая тишина. Видать, чего-то я не знаю. - Это та, с косичками, что ли?
- Ага.
- Так она ж пропала, - со свистящими нотками в голосе сказал Пило.
- Ну-у...
- Вот же зараза! - восхитился эльф. - Значит, выкрал слугу? А печать-то, печать как сорвал?
- Так вот, значит, в чем дело. Уважаю, безмерно уважаю Щуплого, спасшего человека, пусть это и любимая девушка, от участи рабыни.
- Да был алхимик один. Три шкуры с меня содрал, но дело сделал. - Тут Руст замолчал, а потом выдал: - Ушастый, ну-ка колись, от какой принцессы сбежал?
- От самой прекрасной и замечательной. Волосы ее - как зелень молодого луга, глаза - как неба синева, кожа - чистый бархат...
- Стоп-стоп-стоп, - запротестовал я. - Я, конечно, понимаю, что мои вопросы ни к селу ни к городу, когда боевые товарищи начинают вспоминать свое бурное прошлое и яркую личную жизнь. Но я что-то не догоняю - какая, к демонам, принцесса?
- Самая...
- Самая обычная, - перебил его Пило. - А-а-а, ты ж не знаешь! Ушастый у нас эльфийский аристократ, сбежавший прямо из-под венца.
- Ну замечательно, - пробухтел я и даже как-то обиделся. - А мне, получается, рассказать не надо, такое мы не доверяем. Друзья, темные боги вас полюбят, называются!
- Да брось ты. - За что еще уважаю Руста, так это за его бесконечный оптимизм. Хотя, наверное, все мы здесь оптимисты. - Забыли просто... Ну как-то мелочью оно стало. А потом ты с нами так плотно породнился - мы и не помним уже, что ты новенький.
- Ага, конечно.
- Ладно, - усмехнулся Ушастый. - Если молодым хочется послушать сказочку, то я не прочь рассказать. Так и так делать нечего, кроме как языками чесать.

- Только давай без своих заморочек, - взмолился Пило.

- Заметано. В общем, дорогой наш Зануда, ничего интересного в этой сказочке не будет. Жил-был младший сын дома Лунной Стрелы. Не было у него ни прав, ни власти, ни положения, ни наследства. Жил он как хотел: гулял, пил, снова гулял, в основном по бабам... прошу простить - по благородным эльфийкам, конечно. Но так оказалось, что все его старшие братья уже были женаты, а глава дома рвался к большей власти. И обручили гулену с младшей дочерью главы правящего дома. Молодой эльф подумал, что ему такое к демонам не надо, и сбежал из Предвечного леса.

- С чего вдруг? - не понял я.

- Так я шлюх не терплю. А кто принцессы, ежели не шлюхи? Их продают и их покупают, а мне брезгливо от такого.

М-да... Я же говорю, эльф непрост, да и правильные вещи говорит. На протяжении всех веков принцессы, как, впрочем, и младшие принцы, были разменной монетой, поводом для выгодной сделки, и этого не изменишь.

- Знаете, что меня беспокоит? - таинственно прошептал Пило.

- Ну? - чуть ли не хором спросили мы.

- Зануда меня беспокоит!

- Извини, друг, ты не в моем вкусе.

- Да к демонам тебя! - засмеялся он. - Валяемся мы, значит, вчетвером в кишке какой-то, душу свою изливаем, а ты отмалчиваешься. Давай-ка, брат, дабы не обижать товарищей, и ты расскажи нам слезливую историю.

Как говорится, этого-то я и боялся. С одной стороны, могу отшутиться, а с другой - если так поступлю, то действительно обижу друзей.

- Эх, уговорили. - Я по-старчески покряхтел и устроился поудобнее. - Была одна зазноба: в постели - как волчица, по жизни - мастерица. И был один юнец. Еще совсем безусый, кровь играла, ветер в голове. Ну и попытался он эту девку завалить. Все по науке сделал: напоил, разговорил и на сеновал повел, но так вышло, что батя у нее оказался тот еще огурец. Он меня заломал - и к страже. Юнца уж было на каторгу хотели продать, но тут его заметил странствующий воин. То бишь мой наставник. А дальше вы и сами знаете. Пять лет в лесу просидел, а там ощущается явный недостаток прекрасных дам.

Народ явно выпал в осадок. Помолчали.

- А чего-нибудь более ладного придумать не смог? - спросил Руст.

- Не-а, - не стал отпираться я. - Как-то соображалка не работает в такой обстановке. - Тут я буквально почувствовал возросшее напряжение. - Да ладно вам, парни, ну нечего мне рассказывать. Не верю я в любовь, а она не верит в меня и старательно обходит стороной.

- Экий ты у нас особенный, - вставил Пило. - В богов не веришь, в любовь не веришь. А во что веришь-то тогда?

В квантовую физику и теорию струн, мать твою. Вот не люблю такие разговоры.

- Слышал когда-нибудь про Великую долину?

- Это ты про страну Вечной Радуги? - подал голос Ушастый.

- Ну вроде на эльфийском она так называется.

- И что с того? - спросил Пило.

- А вот в нее я и верю, - буркнул я. - Да и что-то расслабились мы. Поползли уже, а то не хочется загнуться от удушья.

Резко перевернувшись на живот, я дернул веревку, давая понять, что начинаю движение, и пополз вперед, прерывая этот не в меру затянувшийся привал.

- Мы еще продолжим этот разговор... - прокряхтел Пило, но тут же заткнулся. Ползти и одновременно разговаривать - не самая простая задача.

Нет, брат, ты неправ. Я на такие темы и так-то не очень, а повторять уж точно не собираюсь. Да и не врал я, когда говорил, что не верю в явление под названием «любовь». Как бы ее ни воспевали, сколько бы книг ни было написано, фильмов - снято, историй - рассказано или постановок - организовано. Я все равно считаю это иллюзией. Что такое любовь? Всего лишь химический процесс в мозгу, сравнимый с приемом героина или эффектом от съеденной плитки молочного шоколада, ну или горького, кому как нравится. А если углубиться, то любовь - это вообще защитный механизм, созданный матушкой-природой. Люди - жесткие и безжалостные существа, готовые убивать себе подобных миллионами. Но при этом у них атрофирован инстинкт сохранения рода. Вернее, он изменен и извращен до неузнаваемости. Разве что юноши и девушки в пубертатном периоде еще хоть как-то схожи со своими четвероногими сородичами. А в принципе, не будь так называемой любви - человечество уже давно бы вымерло.

И что самое смешное - никто не задумывается, почему, скажем, во времена палеолита людское общество напоминало стаю, где все трахались со всеми, пардон за мой французский, и было вообще невозможно сказать, кто отец ребенка. Да и дети были общими - принадлежали стае. Потом в мезолите стали возникать кровавые конфронтации. Вот тогда впервые и появились роды, если их так можно назвать, а также общий закон, гласящий, что с сородичами спариваться нельзя. Но семей, и тем более любви, еще не было. И только в раннем неолите появились первые семьи и возникла любовь. Удивительно, да. Вот нет ее и нет, а тут раз - и на тебе, все счастливы и довольны. Можно, конечно, что-то вякнуть про развитие мозга и тому подобное. Но сути это не меняет: любовь - механизм, призванный заменить инстинкт и сохранить популяцию. И задери меня демоны, если я когда-нибудь приобщусь к компании тех, кто поглощен этой иллюзией, обычной, бесхитростной обманкой.

- Да к демона-а-а-а... - в сердцах выругался было я, но...

Интересно, вдруг боги и впрямь существуют? Тогда богиня любви на меня очень сильно обиделась. Иначе как объяснить тот факт, что мы с воплями и криками скатываемся с сумасшедшей скоростью по какому-то желобу! Зажмурившись, я желал только одного - чтобы на пути не оказался острый камень или выступ. Вдруг веревка натянулась. Живот скрутило так сильно, что из легких вырвался натушный хрип.

- Что там?! - крикнули сверху. По глупости и неосторожности я выронил наш фонарик, и

теперь вокруг царила тьма.

- Зануда решил прогуляться! - ответил Руст.

- Ясно. Держитесь! Мы вас вытащим.

Пару мгновений спустя я снова ощутил, как затягивается веревка, а меня тащат наверх. Я старался не шевелиться, чтобы не мешать Ушастому и Пило. И тут слух уловил протяжный скрип. Движение замедлилось.

- Темные боги! - крикнул эльф. - Что это было?

- Веревка, - после секундного молчания ответил Щуплый. - Тут все в трещинах, волокна перетираются.

- Демоны! - в один поток слились голоса троих.

Если продолжить, то вниз свалимся мы с Щуплым, а от рывка полетят остальные. В таком узком проходе зацепиться особо не за что. Да я вообще не понимаю, как нас тянут.

В каменной кишке повисла тишина, присущая многовековому склепу. Помню, в каком-то из летних лагерей мне довелось посмотреть фильм, само существование которого запомнилось исключительно благодаря девушке, сидевшей в ряду передо мной. Но отдельные кадры припоминаю. На мир обрушился очередной апокалипсис, представший в виде нового ледникового периода. Еще там были градины размером с футбольный мяч...

- Эй, Руст! - обратился я к другу. Голос предательски подрагивал. - Контракт не закрывайте, я живучий!

Молчание.

- Не понял, ты о чем?

- Твою ж мать, - вздохнул я. - Весь момент поломал. Короче, Младшему передашь, он докумекает.

Мой кинжал срезает веревку, и я продолжаю скатываться по желобу. С каждой секундой далекий красноватый свет приближается. В ушах свист, от сопротивления воздуха глаза начинают слезиться, но закрывать их нельзя. Когда до алого мерцания остаются считанные метры, я, расставив руки, пытаюсь затормозить. Но скорость слишком велика, и камни сдирают с рук латные перчатки. Ладони как кипятком обдало, начинает кружиться голова. Наконец раздается хлопок, давление увеличивается, и куда-то пропадает кислород. Падая, я успеваю заметить несколько острых конусовидных булыжников. Сгруппировавшись, взмолился о том, чтобы угодить между ними и желательно на ровную поверхность. Сдохнуть от голода, будучи парализованным и со сломанным позвоночником, как-то не очень хочется.

Мгновение - и по ногам как молотом врезали. Снизив инерцию падения перекатом, я развалился на земле, судорожно хватая ртом воздух и пытаюсь удержать сознание. Через какое-то время мне удалось вдохнуть, но, знаете, иногда друзья бывают слишком самоотверженны: из отверстия под сводом вылетело какое-то черное пятно и шмякнулось мне на голову, отправляя неудачливого наемника в долгий круиз по землям абсолютного беспамятства.

«Слава Харте», - подумал я, очнувшись.

Правда, пробуждение было не самым приятным. Когда у тебя в ушной раковине бродит неведомое насекомое, сразу становится не до чего. Вскочив на ноги, я схватился за ухо и извлек на свет божий, вернее, пещерный, обычную сороконожку. Но легче от этого не стало. Разделавшись со злодейкой самым безжалостным способом - кинув ее в сторону ближайшего валуна, я присел на корточки и заглянул в мешок, так неудачно лишивший меня драгоценного времени.

Итак, что же мы имеем в активе. Два кинжала из прочной стали, и из оружия это все. Увы, но сабли, не раз спасавшие меня от палки наставника или вражеского клинка, не выдержали такого обращения с собой и надломились, причем короткая - сразу в трех местах. Погоревав об утрате, я зарыл их прямо на месте. Нести дополнительную тяжесть не очень-то полезно. Стрелки я растерял и искать их не намерен. Кто знает, сколько времени я провалялся здесь и когда обморок перешел в сон. Есть вероятность, что я застудил внутренние органы и скоро меня догонит хворь, поэтому нужно шевелить ножками в темпе нижнего брейка. Из еды у меня несколько краюшек хлеба, сухарики и солонина, куда ж без нее. Больше в мешке, отправленном мне друзьями, я не нашел ничего. Но и за это спасибо.

С амуницией тоже полный швах. Кое-как стянув с себя гнутую бронь, я опять же пустил ее на ремни, вырезав всю сталь. Выкинув бесполезный металл, я как мог замотался в шкуры, мех и ткань. Часть пришлось пустить на бинты - ладони напоминали добротную отбивную и каждое движение пальцем или кистью отзывалось неслабой болью. Удивительно, но, поплутав по небольшой пещерке, в которую меня угораздило свалиться, я отыскал длинный камень, не помню, как он там называется, сталагмит или сталактит. Потратив немало усилий, я таки выломал его из гнезда и примотал к нему откопанную длинную саблю. Да-да, знаю - двойная работа, но что делать.

В итоге я стал напоминать неандертальца, собравшегося поохотиться. Замотанный в шкуры, чумазый, с самопальным копьем. Единственное, что разрушало созданный антураж, - камень-светильник, ощутимо уменьшившийся в размерах. Видимо, тепло выделялось не столько магией, сколько процессами, проходившими на молекулярном уровне. Иначе как объяснить тот факт, что булыжник размером с голову уменьшился в диаметре сантиметра на три? Только так и объяснить - контролируемая аннигиляция с выделением большого количества энергии. А может, и не так, я в этих вопросах не очень подкован.

Посидев на дорожку, я закинул мешок с провизией, которой хватит дней на пять, за спину и, набрав в удачно подвернувшемся озерце воды, отправился к расщелине. Сперва я, понятное дело, собирался наловить рыбы (или что там водится в подземных озерах), но почему меня никто не предупредил, что температура в таких водоемах близится к нулю?

Расщелина встретила меня доброй сотней различных насекомых и прочих гадов. Продравшись через скопления исконных жителей подгорий, да простят меня господа гномы, я имел счастье оказаться не в глухом тупичке, а в довольно просторном тоннеле, который, слава богам, пока не имел разветвлений. Собственно, так и началось мое первое путешествие. Что ж, пока не жалуюсь.

- Демоны задери Старшего! Темные боги полюби командование служивых! Заграф дир гос! Чтоб у плетельщика той веревки чирей вылез на кончике самого дорогого! - Из горла вырывались еще сотни проклятий, но ситуацию это особо не меняло.

Камень, служивший единственным источником тепла и света, загнулся, кажется, дней пять назад. Впрочем, это не стало большой неожиданностью или неприятностью. Видимо, во времена бурной лесной молодости я выпил немало порций «Ночной кошки» и уже через два дня смог довольно-таки неплохо ориентироваться в темноте. Предметы приобретали более-менее явные очертания, но дальность обзора ограничивалась всего пятью метрами. Спасал слух, невероятно обострившийся за это время. Могу поклясться, что иногда слышу, как по стене ползет сороконожка, как в отдушине еле слышно свистит воздух. Правда, когда невдалеке рычит костяная пантера, я нахожу эту особенность не самой приятной.

С местными обитателями я встретился в первый же день. Идя по тоннелю, я утомился и присел на небольшой валун. Каково же было мое удивление, когда эта каменюга попыталась мною перекусить! Увы, обедом я становиться не собирался, и поэтому заколол это нечто. Как выяснилось позже, мне крупно повезло. Копье угодило прямо в глаз хищнику – единственное уязвимое место на всем теле. Выглядели эти монстры не очень презентабельно. Тело – как у молодой пантеры, вот только вместо четырех лап – шесть, две передние и четыре задние, на голове один рог, глаз тоже один, клыки длиной с ладонь, а вместо шерсти – костяной панцирь. Я так и назвал эту тварь – костяная пантера. Встречались они не очень часто. Какое-то время я ломал голову над вопросом, чем же они питаются, но потом увидел, как эта зверюга приятно перекусывает своим собратом или сестрой. Каннибалы демонов! Когда закончились припасы и вода, мне пришлось приобщиться к местному рациону. Правда, меню оказалось не очень-то богатым.

Питательный завтрак из насекомых, забравшихся под небольшой камень. Вместо компота, чая или кофе – слизь, которую приходилось выдавливать из толстеньких жуков. Обед примерно такой же, да и ужин, впрочем, тоже. Раз в несколько дней у меня пир – костяная пантера. Полчаса мучений, пара царапин, которые тут же обрабатываются смесью из грибов-зеленок (благо тут они росли в изобилии, а как из них готовить лекарство, я знал лучше многих врачей) – и вот я уже разделяю тушку. Причем разделял я ее очень любопытным образом. Разрезать этот панцирь можно двумя способами. Либо клыками самой пантеры, которые резали даже камень, либо с помощью весьма экстравагантного маневра – это в том случае, если лень тратить четыре часа на то, чтобы вытащить клык.

В общем, раскрывается пасть и старшим кинжалом в ней разрезается все что можно, а потом начинается утомительный процесс, затягивающийся часа на два. Но это все равно быстрее, чем выдергивать клык, служивший всего один раз, а после этого почему-то приходивший в негодность. Видать, тварюжки были магические. Так вот, потом приходилось залезать жертве в рот и вырезать из тела мясо, – описывать процесс не стану. Сейчас мои шкуры хрустят при каждом шаге от запекшейся крови, а все тело чешется из-за земляных блох, свивших себе уютное гнездо в растительности по всему телу, и опять же из-за запекшейся крови. Иногда зуд был до безумия невыносим. Чтобы хоть как-то притупить его, я делал зарубки... у себя на плече. Начни я расчесывать – и пиши пропало: инфекция в крови, гной, смерть.

И вот в данный момент мои мучения могут подойти к концу. Нет-нет, я вовсе не заблудился в бесконечном подземном лабиринте, хотя уже давно бездумно сворачивал на перекрестках, полагаясь лишь на удачу. Я не нашел выход, меня не придавил обвал, случившийся на моей памяти раза три, я не подвернул ногу, чего боялся больше клыков, и не задохнулся от газа, хотя однажды был близок к этому. Просто, завалившись отдохнуть, я поленился потратить двадцать минут на «взгляд», и вот к чему это привело: меня окружили неизвестные враги.

Пять существ, похожие на кротов, только размером раз в семь побольше. Вместо усиков у них какие-то отростки, причем у этих отростков есть собственные зубастые пасти. Когти размером с предплечье также не внушали особого оптимизма. Грязно выругавшись, я сжал в подживших

ладонях копьё и прижался спиной к стене, готовясь завалить этих тварюжек, а если выдастся возможность, вжать тапки в пол. Никаких мыслей из разряда «продать свою жизнь подороже» или «как мне не повезло» не было, как не было и отчаяния. Наоборот, я испытывал некое возбуждение. Опасность, как терпкое вино, бодрила тело и, как тяжелый рок, била по нервам, зажигая внутренний огонь. Возможно, попав на Ангатор, я стал адреналиновым маньяком, но... пусть так, сейчас это неважно.

Ядерные кроты, так я решил их назвать (ну, вы поняли, фантазия у меня хромает на обе ноги), закончили примериваться, и один из них ринулся в безумную атаку. Я был начеку. Присев, упер тупой конец каменного копьё в землю и приготовился к столкновению. Так и произошло. На полной скорости животное налетело на саблю. Лезвие, пронзив пасть, ощеренную сотней мелких острых зубок, пробило череп и мозг. По рукам заструилась теплая жидкость, скорее всего кровь, смешанная со слюной.

С усилием отбросив от себя труп, я вернулся на позицию. Вновь прижался к стене и, взвинтив восприятие, стал дожидаться очередного рывка. Кроты оказались тупы и неповоротливы. Единственное, что они могли, – это поодиночке бросаться на добычу. Смерть сородичей не волновала стаю, а атаковать вдвоем им не позволяла тучность и острые камни по бокам от меня. Еще двоих я прикончил тем же способом. С оставшимися стало посложнее. Копьё от бесконечных толчков подломилось у основания, его длины больше не хватало для безопасной обороны. Перехватив оружие поудобнее, я разогнал ритм сердца. В последнее время ускорение стало даваться мне так же легко, как «скрыт». Ступив на шаг вперед и влево, я задвигался по кругу. В итоге получилась цепочка: два крота стояли друг за другом, а перед ними я. Ядерный рванул, но я только этого и ждал. Толчок – и я взмыл в воздух на полметра. Это был тот максимум, который можно выжать без разбега и с больными ногами. Совсем по-киношному врезал вытянутой ногой в рыло кроту. По залу пробежалось эхо яростного визжания. Секунда – и копьё пронзило глаз твари, еще секунда – и я, перехватив оружие, раздробил ему черепушку. Остался последний крот. Самый большой и с кучей шрамов. Видимо, вожак.

Вновь я закружил, выдерживая дистанцию и не отрывая взгляда от глаз, пылающих холодной яростью. Эта сцена была неотличима от той, что можно увидеть в музее, когда восковой человечек, присев и держа копьё горизонтально, обходит стороной саблезубого тигра, готовящегося к прыжку. И крот прыгнул, черной дымкой размазавшись в полете. На атаку времени не было, и я ушел в перекат, но по неопытности недооценил противника. Изогнувшись в полете, тот зацепил когтями спину, и я рухнул на землю. Плохо, очень плохо. Кости не задеты – крот не смог пробиться через каркас мышц, доведенных бесконечными тренировками до статуса «стальные», – но падение на землю с такими ранами... Боюсь, я все же подцепил инфекцию. Прикусив кончик языка, чтобы на некоторое время приглушить боль, я снова выполнил перекат. Раз уж подцепил сонм болячек, что уж теперь выбирать стратегию. Крот, не совладав с инерцией, с громким «шлеп» впечатался в стену. Но через секунду он, оттолкнувшись от стены, рванул в мою сторону. Что-то мне это напомнило. Примерно год назад я оказался в той же ситуации, когда бастард Младшего чуть не попробовал на вкус мои кишки. Я разогнал сердце до предела, сделал глубокий вдох, и кровь понесла кислород. Мышцы как огнем ожгло. Еще один вдох – и в суставных сумках появляются пузырьки кислорода, дарящие боль и невероятную гибкость. Первую ступень своей техники я назвал «факир». Да, я в курсе, что эти ребята занимаются совсем другим, но кто мне прикажет назвать по-другому? Мой рывок оказался много стремительнее, чем движение противника. Оказавшись у него под брюхом, я взмахнул руками – они стали будто веревочными, со стороны могло показаться, что в них вовсе нет костей. Копьё зашло причудливым зигзагом, и позади меня рухнул ядерный крот с распоротым нутром, из которого уже вываливались внутренности. По полу расплывалась лужа крови.

- Аргх! - Я не сдержал крик, рвущийся из груди.

Спина горела огнем, мышцы ныли, кости болели. Развернув мешок, я вытащил оттуда два свертка ткани - один крупный и другой совсем мелкий. Последний я положил в рот так, чтобы язык оказался под ним. Крепко вцепившись в ткань зубами, я снова залез в сумку. Теперь я достал маленький кошелечек. Вместо серебрушек я когда-то напихал туда тех самых грибов-зеленок, истолченных до состояния порошка. Также достал огниво. Расстелив на земле ткань, высыпал на нее грибы. Чиркнуло огниво, и тоннель озарился зеленым пламенем. По глазам как ножом провели, от рези полились слезы. Крепче сжав валик во рту и скинув шкуры, я рухнул в пламя.

- Мм! - Выдержать эту боль было просто невозможно.

Тело будто бы тысячи игл пронзили. Потом мне показалось, что меня окунули в кипяток: внутри все горело и пылало. Такой боли я не испытывал, даже когда меня «лечили» после Борса. Через две минуты все было кончено. Дрожащими руками я обмотал вокруг торса ткань, на которой некоторое время назад пылало лечебное пламя. Часть ее пригорела к моей спине. Помощника под рукой не было, и я не решился отодрать ее самостоятельно. Из-за этого на спине останется страшный ожог. Надеюсь, после оплаты обучения в Академии мне хватит денег на посещение целителя.

Кривясь от боли, я натянул шкуры и убрал почти разгрызенный валик и огниво обратно в сумку. И тут меня осенило.

- Кроты! - Иногда я начинал разговаривать сам с собой. Впрочем, это была нормальная практика для таких ситуаций. - Если я дрался с кротами, пусть и явно ненормальными, то поблизости должны быть их ходы, ведущие, как известно, на поверхность. А значит... значит, скоро я окажусь хрен знает где, но уж точно под синим небом, а не в окружении скал и прочего. И-и-и... Что-то я заболтался, ты не находишь?

Хм... Порой мне кажется, что такое испытание не под силу неподготовленному человеку и я потихоньку начинаю сходить с ума. Впрочем, мысль о том, что свобода близка, привела меня в чувство, подействовав не хуже, чем когда-то ванна, наполненная льдом и холодной водой, подействовала на Ника, серьезно перебравшего на вечеринке в честь Нового года. В голове тут же созрел отличный - возможно, гениальный - план. Покидать пещеру без утешительного приза или без хотя бы компенсации за раны, ожоги, голодовку и сломанные сабли я не собирался. Оттащив тушу вожака за поворот и придавив его валунами, я выпотрошил оставшихся кротов и принялся ждать, предварительно скрыв свое присутствие.

Через полчаса с севера появилась костяная пантера. Привлеченная запахом крови, она бесшумно перебирала лапами, держа голову около самой земли. Обмануть животное очень сложно, но прошло уже достаточно времени, и я буквально слился со скалой. Тварь прошла в двух метрах от меня, но даже ноздрями не пошевелила. Спустя еще пять минут зверюга уже вовсю вгрызалась в мертвечину. Осторожно переступая, я придвинулся к ней со спины и одним резким движением вогнал копые в единственный глаз, тут же отпрыгивая в сторону, чтобы меня не задела агонизирующая туша. Когда пантера перестала дергаться и брызгать кровью, я принялся за работу. Сперва приволок вожака и разбросал особые пахучие грибы, дабы не привлекать других особей обоих видов.

День у меня ушел на свежевание костяной твари. Пока срезал клыки, пока ими же вырвал самые удачные, на мой взгляд, пластины, в основном с брюха и основания хвоста. Потом вытянул жилы и достал сердце. Все это я засунул в свой мешок, к другим трофеям. Потом

дошла очередь и до крота. С него брать было особенно нечего, поэтому я поступил просто. Стянул шкуру, пополнил запасы мяса, побросав их в продовольственный мешок. Потом срезал со шкуры мясо, помолотил ее камнями, выбивая всевозможных паразитов, и оставил будущую одежду висеть на стене. Полюбовавшись делами своими праведными и оттащив туши четырех ядерных за поворот, я завалился спать.

Выспавшись, насколько это вообще возможно в такой ситуации, я продолжил работу. Старшим кинжалом, да простит меня Харта за это, располосовал шкуру вожака, сделав из нее дополнительный слой одежды. На поверхности будет явно холоднее, да и казенные шкуры выглядят не ахти. Жилы пантеры смотал в три клубка и вместе с подсушенным сердцем засунул в трофейный мешок. Все это было сделано в надежде поторговаться с алхимиками. Может, заинтересуются. А если нет, жилы втюхаю Ушастому, а сердце сам схочмячу. Закинув потяжелевшие мешки и натянув обновку, я скривился от приступа боли, но двинулся вперед.

Остаток пути выдался не самым интересным. То и дело приходилось замирать, пропуская очередную группу кротов. Самое интересное – они все двигались пятерками, под предводительством битого жизнью вожака. Так прошло еще два дня. На третий, взбираясь по почти вертикальной кишке, я почувствовал морозец, а приглядевшись, увидел маленький белый кружок вдалеке. Вот вам и третье рождение, вот вам и свет в конце тоннеля.

Все матерные словечки гномов, пара ушибов, искусанные губы – и вот я уже цепляюсь за стены, а после, жмурясь от света, бреду по пещере навстречу свободе. Под ногами хрустнул снег, и я приоткрыл гляделки. Вокруг был лес, а за спиной остался Харпудов гребень. Любопытно, а Харпудов – это такое ругательство или просто назвали неудачно? Вдохнув полной грудью свежий воздух, я скинул мешки и обернулся. Согнув руку в локте, я ударил другой по сгибу и проорал:

- Выкуси! - Не знаю, кому именно я адресовал этот крик души. Наверное, самим горам.

- Куси-и-и-и, куси-и-и-и-и, - вторило мне эхо.

Еще немного полюбовавшись пиками, уходящими под самое небо, я подхватил мешки и задорно зашагал на юго-запад, в сторону предположительной стоянки «Пробитых».

Сильвия Сильверстоун, командир

диверсионного отряда «Слепые кошки»

- Представляешь, - причитала младший лейтенант по имени Таша, пышная девушка с вечным румянцем на щеках, - ни приветов ни ответов! Взял да сбежал!

- А ты чего хотела? - поддела подругу лейтенант Свата. Ее кудрявые русые волосы качнулись в порыве поднявшегося ветра. - Думать надо было, когда с солдатом в постель ложилась.

- Сама-то пару сезонов назад с кем развлекалась? Да стены в таверне чуть не рухнули, бесстыдница!

- Завидно, что ли?

- Да чему там завидовать. Видела я его поутру, с мизинец размером...

- Отставить! - гаркнула Сильвия, приближаясь к подругам. - Развели тут базар. Не в столице

находимся, а на вражеской территории. Совесть имейте.

- Так точно! - Девушки вытянулись по струнке и скрестили руки на груди. Впрочем, подружки тотчас захихикали и начали перешептываться.

Сильвия махнула рукой и пришпорила коня. Три года назад они закончили Академию и буквально перед войной смогли выкупить свои контракты у учителя, заплатившего за обучение. И вот незадача, первое задание от гильдии стало боевым. Наспех сформированную группу отправили в самое пекло, и одни только светлые знают, как три девушки выжили под Борсом, где погибли многие опытные волшебники.

Всего в их отряде было семь человек: четыре воина-легионера и три девушки-магини. Так уж вышло, что с парнями они не ладили с самого начала. Когда служивые полегли в очередном рейде, подружки отказались от очередного «прицепа» и задания выполняли исключительно втроем. Да и какие там задания - перехватить разведгруппу или вестника, отравить колодец или поджог устроить... Для целительницы и двух боевых магинь это сущий пустяк. Бывало, конечно, и жарко, но всего пару раз.

И сейчас Сильвия блаженствовала. Середина зимы в Империи - это страшно, но в Нимии... Здесь не дули лютые ветра, вместо них лишь легкий бриз приносил бодрящую прохладу. Нет сугробов по колено, лишь тонкий слой снега, приятно хрустевший под ногами. А деревья напоминают причудливые скульптуры, порой так весело стряхивать друг на дружку снег с их веток.

- Сильви, - протянула лейтенант. - Давай крюк сделаем?

Капитан только изящно дернула бровью.

- У нас вода закончилась, да и коней помыть надо, - пояснила Свата.

Сильвия кивнула и дернула своего Ксаму за поводья. Молодой жеребец свернул с широкой дороги и двинул через заросли. Спустя десять минут, когда уже был виден незамерзающий ручеек, волшебница почувствовала чье-то присутствие. Она не могла сказать, человек это или зверь. Слишком неясно. Стоит лишь сконцентрироваться, как в голове все размывается. Сильверстоун вскинула руку, показывая знак готовности, и спешила, попутно напивая плетение силой.

Троица, сокрыв себя пологом невидимости, неспешно двигалась к ручью. И тут Сильвия увидела *это*. Когда-то давно она крутила шашни с историком. Он был очень нерешительный паренек, но обладал своеобразным чувством юмора и симпатичной мордашкой, к тому же водил ее по изумительным местам. Одним из таких мест оказался старый музей, и там она видела неких предков - страшных человекообразных существ, завернутых в шкуры. И вот сейчас она вновь увидела это животное. В его грязных волосах даже с расстояния десяти метров можно было разглядеть какую-то живность. От шкур, в которые был замотан некто, шло такое амбре, что Ташу чуть не вырвало. Да и цвет кожи у него странный, красный какой-то.

Вдруг это существо обернулось и кинуло в их сторону камень. Булыжник не достиг цели, отлетев от «щита», вовремя выставленного Сильвией. Тут же в полет сорвалось плетение «каменных цепей», и причудливое создание упало.

Девушки облегченно выдохнули. Подойдя поближе, Сильвия перевернула носком сапога тело и посмотрела на лицо этого... явно человека. Не наблюдалось той угловатости и обильной растительности, что у музейного экспоната, а глаза и вовсе были какими-то добрыми и

умными. И на его устах сияла незаметная ухмылка. Но смеялся он не над противником, а над собой.

- Ты кто такой? - Сильвия говорила на нимийском без акцента, так как учила его еще с детских лет.

- Нимия? - Речь давалась чужаку с трудом. Слова он выплевывал, проглатывая окончания. К началу разговора подоспели и подруги, которые теперь рассматривали оружие незнакомца и его мешки. - Нимия - плохо. Лучше другой. Знать восточный, гномий или Империя?

- Имперец? - взвизгнула Свата и выронила каменное копьё. Вместе с ним она уронила и свой военный жетон.

- О, - многозначительно протянул чужак. - Значит, союзниками будем. В общем, милые леди, буду глубоко признателен, если вы завяжете тесемки моего мешка, положите на место копьё... да-да, именно вон в тот сугроб... а потом уберете булжники. Признаться, меня от них уже тошнит. И да, я уже теряю сознание, так что будьте добры, позаботьтесь о моей брэнной тушке.

- Ч-ч-чего? - Сильвия откровенно не понимала, что происходит.

Но ответа не последовало. Станный имперец вырубился и, кажется, дрых. По его лицу разлилось безмятежное спокойствие.

«Слишком уж у него физиономия добренькая», - подумала Сильверстоун, внимательно разглядывая незнакомца.

Глава 10

Красный снег

Проснулся я от того, что меня наглым образом облизывали. Понятное дело, я помню, кто именно вчера сперва сковал меня неизвестным заклятием, а потом чуть не ограбил. И, как все нормальные разумные, не лишённые дара логики, предположил, что облизывают меня те же люди. Но, очнувшись в маленькой походной палатке, я заметил лишь лошадиную морду, протиснувшуюся сквозь створки и теперь пытающуюся меня сожрать.

- Пошел! - Я дернул за ноздрю, и конь, вместо того чтобы сморщиться и попятиться, встал на дыбы и свернул всю палаточную конструкцию.

Что тут началось! Во-первых, я тут же завернулся в шкуры. Нет, я не стеснительный, но ведь холодно. Я увидел трех девушек, которых можно назвать симпатичными, только если находишься в такой же ситуации, как Ройс, - то есть любая женщина, если она не носит прозвище Колдунья, вызывает легкое помутнение. А что поделать, времени избавиться от этого упущения деревенского паренька у меня не было. Мои спасительницы вскочили и принялись махать руками перед мордой явно обиженного скакуна. В итоге тот сдался и, презрительно фыркнув в мою сторону, отошел к своим сородичам.

- И что это мы делаем? - Ко мне подошла девушка с довольно изящной фигуркой, мозолистыми пальцами, но приятным лицом. Хотя, возможно, последнее мне, то есть Ройсу, показалось.

- М-м-ерзнем, - ответил я, стуча зубами.

- А Ксамика зачем калечил? - откликнулась румяная пышка, типичная деревенская барышня. Может, на каком хуторе ее и посчитали бы первой красавицей, я же с такими предпочитал дружить - они, как правило, веселые и беззаботные.

- В-ваш К-ксамик м-м-ною з-закусить х-хотел.

- Это он так здоровается, - хихикнула кудряха.

Ничего так в принципе, вот только смышленная больно: заметила, как я вожу взглядом по всем изгибам ее тела. А нефиг было доспех снимать. Хочу и пялюсь, мне можно, я пещерный.

- Отставить! - гаркнула обладательница светлых волос и металлических глаз.

Тоже мне, командирша в юбке. Рядом с Нейлой и не стояла. Та одним шепотом вековые деревья пригибает, даже Старший не рисковал с ней спорить.

Когда я уже собирался вставить очередную реплику, эта дамочка обнажила свой короткий, истинно женский клинок и приставила мне к горлу:

- Кто такой?

- Смерть твоя.

Я уже не стучал зубами. Ускорение можно применять по-разному - например, согреться с его помощью. Зарвался, понимаю, но мне уже обрыдло, что каждый пятый считает своим долгом взять меня на «слабо» и попробовать на зуб. Пора уже самому зубы натачивать. Все, баста, засиделся я в белых и пушистых.

- И с чего мы такие резвые? - Девушка прищурилась и надавила на клинок. По горлу побежала кровавая змейка.

Дальнейшее для зрителей слилось в один поток. Сперва я припомнил лекцию Добряка про магов и магинь. Увы, но даже если ты можешь щелчком пальцев уничтожить целый замок, а такое не под силу даже темным богам, тебе все равно никуда не деться от своего тела. Игнорируя жгучую боль в спине, я отпрыгнул назад, еще в воздухе выпрямил ноги и оттолкнулся от снежного покрова. Благодаря технике «шага» я мог бегать по песку, грязи и снегу как по свежему асфальту. Секунда - и, заломив руки волшебнице, я нанес один точный удар по одному из позвонков. Глаза леди закатились, а изо рта потекла пена.

- Одно движение - и она труп, - прорычал я. - Второе движение - и трупами станете вы.

Вопреки моим ожиданиям девушки не впали в ступор, не стали метать в меня смертельные плетения, они лишь загнулись в истеричном приступе хохота. А у пышки, как и следовало ожидать, смех звонкий и задорный. За спиной слышались хлопки.

- А солдатик наш непрост. - Перед моим взором появилась та самая стервочка, которой я только что, по идее, пережал нерв. Ничего смертельного, но боль от этого такая, что ни о какой концентрации, необходимой для магии, и речи быть не может.

Мгновение спустя моя пленница рассыпалась мелкой пылью, тут же развеянной поднявшимся ветром.

- Провела, да? - скривился я одновременно от боли и от унижения. Видать, рано зубы стал

показывать, но ничего, Академия уже не за горами.

- Как видишь. - Дамочка развела руками, а затем запустила в меня чем-то светящимся. Не успев дернуться, я повалился на землю и, держась руками за ребра, пытался восстановить дыхание. - Продолжим разговор в таком же духе или, может, поболтаем как культурные люди?

Очухавшись, я сел в позу глубоко оскорбленного человека. То есть скрестил ноги, положил руки на колени и прикрыл глаза.

- К демонам тебя, - прокряхтел я. Ребра все еще болели. - Сама виновата.

Девушка хмыкнула и снова обнажила клинок.

- Да хоть армию сюда приволоки, - сплюнул я. - Все равно, пока не накормите, говорить не буду.

- Это еще почему?

- Вот ты мне скажи, - приоткрыв левый глаз, я уставился на эту нахальную мордочку, - кто в здравом уме будет лечить человека, пару дней его выхаживать, а потом убивать?

- А может, мы тебя к пыткам готовили.

- Да нет проблем, - пожал я плечами. - Тогда прошу не откладывать - можете приступать хоть сейчас.

Разумеется, я рисковал. Темные знают, что у женщин на уме, а что на уме у конкретно этих дамочек, не знает даже мать-природа. Но с лечением я угадал. Ожога на спине как не бывало, да и остальных болячек тоже не наблюдаю. Да и волосы мне подстригли. Основательно, под ноль, зато повывели всех непрошенных жителей. Почему я уверен, что прошло несколько дней? Иногда я просыпался. Хоть и бредил, но память не подводит: я помню две ночи и один день.

За спиной слышались шаги и хруст снега.

- Держи.

По голосу это была пышка.

Обернувшись, я заметил миску, наполненную аппетитным рагу, и деревянную ложку.

- Спасибо тебе, красавица. - Это, конечно, явная лесть, но тем не менее улыбку я заслужил. - Не то что некоторые.

Магиня - а в том, что эти три дамочки волшебницы, я не сомневался ни секунды, - как бы невзначай коснулась своими теплыми пальчиками моего плеча и отошла в сторону.

«Полегче там, - подумал я. - А то не ровен час Ройс голодным волком набросится».

Командирша тоже не упустила этот момент. Она укоризненно взглянула куда-то мне за спину, и снова что-то произошло. Прямо под ней вздыбился сугроб, а потом появился миниатюрный каменный трон.

- Теперь поговорим? - спросила она, усаживаясь.

- С мохожно шлефь.

- Чего?

Сглотнув, я недовольно посмотрел на человека, посмевшего меня отвлекать от первой нормальной трапезы за прошедшую декаду.

- С холодного слезь, - повторил я.

- Заботишься?

- Долг возвращаю, - пожал плечами я.

- Ты нам без малого жизнь должен, - заметила девушка. А я ведь даже не знаю, как ее зовут. Впрочем, имена остальных тоже неизвестны.

- Так я и вернул тебе жизнь, - сказал я, проглатывая очередную порцию. - При такой погодке да на холодном камне еще минут десять посидишь - и загнешься уже дней через пять.

Магиня растянула губки в усмешке и приложила скомканный снежок к камню. Тот зашипел и уже через пару секунд растекся водой.

- Сильно. Но я вам уже все равно ничего не должен.

Ухмылка пропала так же стремительно, как и появилась. Рука дамочки потянулась к эфесу.

- Неблагодарный червь, - выплюнула она.

Ну и где, спрашивается, Молчун, когда он так нужен? Сейчас бы один подзатыльник - и нас окружали бы три радушные девчонки, а не эти гарпии.

- Грязные инсинуации. - Я посмотрел в опустевшую миску и отвел ее за спину. Через две минуты я уже заглатывал вторую порцию. - Когда я тебя предупреждал о камне, то понятия не имел, что он у тебя с подогревом. Я считал, что спасаю тебе жизнь, выдавая столь важную информацию. Так что долг выплачен, мы квиты.

- Да об этом каждая деревенская хлопотушка знает! - Эдак она, глядишь, на визг перейдет.

- Уже неважно, - отмахнулся я.

Повисла тишина, нарушаемая лишь стуком ложки. Затем леди кивнула, и у моего горла скрестились два меча.

- Опять? - простонал я и одернул самого себя. Я чувствовал нешуточную жажду крови, причем моей крови. Надо как-то выходить из ситуации. Желательно живым, в идеале - без долга. - Послушайте, вы сами виноваты. Спасибо, что помогли и залатали, но я ведь не дворовый бродяжка - с какой стати вы мне железками своими тычете, угрожаете, пытками страшите, еще допрос какой-то учиняете? И что я после этого должен делать? Кланяться вам в ножки и объявлять себя обязанным по гроб жизни?

Снова тишина. Только теперь убивать меня никто не собирается.

- Я, конечно, слышала, что «Пробитые» - те еще маньяки, - задумчиво проговорила командирша, - но до сих пор считала это слухами.

Дернувшись, как от удара кнутом (спасибо Ози за бесценный опыт), я взглянул на плечо. Там красовалась татуировка и цифра «тридцать семь» под ней.

- Гадгазаг гунда! - зло прошипел я и замотал «украшение» первой попавшейся тряпкой. - Какого демона вы тогда устроили это представление?

- Мало ли кто ты, - развела руками командирша.

Вот честное слово, готов голыми руками придушить.

- Да и больно уж странная татушка у тебя, вроде наемническая, но и отличия есть. Что за рожица такая?

Спасибо тебе, Младший, темные боги тебя полюби, приеду - поболтаем.

- Знак подразделения.

- Какого?

- Особого. - Кряхтя и кривясь, я поднялся на ноги. Правда, тут же пришлось нагнуться и подтянуть шкуры. М-да, с координацией движений явно что-то не то. Кстати, радуется, что ни одна из волшебниц не покраснела. Нейла как-то рассказывала, что среди магинь огромный процент девственниц.

- Ты куда собрался? - спросила пышка. Скорее всего именно она лекарь, слишком много заботы и внимания уделяет чужаку. - А ну-ка ляг, тебе еще дня три нельзя двигаться. Ожог-то я убрала, но в раны какая-то гадость попала, так что шрамы останутся.

И кто здесь самый умный?

- Не беда, - отмахнулся я. Какая мне разница, сколько на теле шрамов? Главное, чтобы на лице и на ладонях не было, а то всех студенток распугаю. - Пойду-ка по магазинам прошвырнусь.

- Таша, приструни больного. - Командирша встала, и трон втянулся в землю. Что ж, теперь я знаю, как зовут целительницу. - Он явно не в себе.

- Отставить! - рявкнул я, и девушка застыла на месте. - Все со мной нормально, просто прибахлится нужно.

- И где же ты здесь лавки видишь?

Симпатьяжка с некоторым беспокойством в глазах поглядывала то на меня, то на мои кинжалы, которые отыскились неподалеку от лежанки.

- А вон в соседней роще, - махнул я в указанном направлении. - Там три человека лагерь разбивают. Думаю, они не откажут мне в небольшой услуге.

Волшебницы напряглись, а командирша уже в третий раз обнажила клинок.

- наших здесь быть не может, - сказала она. - Значит, нимийская разведка.

- Может, накроем их отсюда?

На моей памяти это был первый раз, когда заговорила третья девушка.

- Плохая идея, - покачала головой старшая. - Прицельно не получится, а внимание привлекать не стоит.

- Во-во, - кивнул я. - Поэтому вы сидите здесь, а я иду на дело.

С этими словами я выдвинул кинжалы и не спеша зашагал к лагерю противника. Ха, тоже мне разведка - лентяи это, а не солдаты. Разбивать лагерь, не проверив, что делается на ближайшей территории... Да Пило бы им все зубы пересчитал, а я бы еще и добавил. Если бы, конечно, Ушастый и Руст мне что-нибудь оставили, все-таки я самый младший в отряде, и очередь веселиться у меня последняя. Удивительно, но магини не стали спорить, они действительно отпустили меня. А я-то думал, придется еще поспорить. Видимо, нужно различать обычных девушек и девушек-военных.

«Сын мой, разве мало тебе войны?»

Ой как некстати проснулись эти два засранца! Интересно, это мое воображение или реальная шиза на почве поглощения одной личностью другой? Впрочем, ангела это не волновало, и он продолжал заливаться соловьем:

«Зачем ты идешь убивать людей, не сделавших тебе ничего плохого? Разве мало тебе шкур?»

«Отвали, Белоснежка! - Демон, как всегда, поражал меня своим словарным запасом, вроде еще ни разу не повторился. - Тим, делаем так. Трех пацанов валим, трех девок валяем, ну... ты понял, а потом ноги в руки - и в графский замок».

Вот ведь максималисты. И никак не пойму, кто из них отражение Ройса. А вообще хорошо, что они вернулись, за эти полгода я успел порядком соскучиться по неугомонной парочке. Шиза исчезла, а я нырнул в «скрыт». Иногда удача все же поворачивается ко мне кошерной частью. Вроде все было плохо - пещера, потом эти скитания, кроты с пантерами, пламя, но вон оно как обернулось. Остаток пути проделаю в компании трех дам, да и трофеев набрал. А под конец - вообще сплошная малина, прямо по курсу - трое дятлов, не представляющих особой угрозы даже для желторотых новобранцев.

Господа нимийцы обнаружили именно там, куда и указывал «взор». Три обычных паренька, лет по двадцать пять, ютились вокруг хитро сложенного костра. Такой прием позволяет скрыть дым от посторонних глаз благодаря специальному навесу и простенькому амулету, поглощающему продукты горения. Эх, был бы у меня такой, когда я проходил обучение у Добряка, не было бы тех страданий.

Разведчики не выказывали особого напряжения. Один завалился на тюфяк и чуть ли не храпел. Двое других дули на кружки с травяным настоем и о чем-то беседовали. Увы, язык южных соседей я понимаю просто архиплохо. Читать могу, но на слух - тут полный провал.

Стоя в двадцати метрах от этих филантропов, жертвующих свою одежду нуждающимся, я уже собирался рвануть в атаку, как вовремя опомнился. Шкуры мешались. Все-таки во мне еще не все погибло от студента: нет бы дошагать без них, авось не замерз бы, так нет, застеснялся и прикрыл причинные места. Позор, какой позор. Но делать нечего. Встав на изготовку, я сбросил с себя тряпки, чем привлек внимание отдохавших. Еще бы, сидят себе, чуть ли не примус починяют, а тут из воздуха какое-то барахло сыплется, а потом голый мужик с ножами в руках появляется.

В глазах у парней застыло удивление, смешанное со страхом. Тем не менее после того, как у спящего на горле возникла красная нить, а снег окрасился кровью, разведчики очухались.

Вскочив, они вытянули свои мечи и ринулись в атаку. Довольно глупое решение. Пропустив первого пацана мимо корпуса, я выставил подножку. Нимиец, разбрасывая хлопья снега, кубарем покатился куда-то под откос. Туда ему и дорога. Пока взберется обратно, уже успею расправиться с этим.

Второй, вернее третий, парнишка тоже не видел во мне серьезного противника. Оно и понятно. Когда ты стоишь в полном доспехе и с тяжелым клинком в руках, а против тебя выходит голый мужик с парой кинжалов, довольно сложно настроиться на серьезную битву. Ну и демоны с ним. Не церемонясь, я поднырнул под ведущую руку, нанес удар в голень, потом отскочил и вмазал пяткой в лицо, не прикрытое забралом. Парень завалился, а я уже вбивал ему младший кинжал в глазницу, но тут случилось непредвиденное.

Когда в фильмах персонажам попадает стрела в задницу, это выглядит смешно. Когда тебе на холоде кидают в задницу стрелку, это больно и неприятно, а еще унизительно. В общем, третий молодчик умирал долго. Сперва я выполнил свой любимый прием и срезал ему руку, но заканчивать не стал. Вместо этого отступил на шаг и, подняв выроненный меч, кинул ему. Тот, сжимая зубы, с некой обреченностью в глазах поднял оружие и дрожащей рукой направил на меня. Я не жестокий человек, но в последнее время нервы ни к черту. Да еще и та деревня перед глазами всплывает всякий раз, когда я вижу нимийского ублюдка.

В итоге на снег упала и вторая хваталка, но добивать я не стал. Вместо этого схватил меч за основание и протянул разведчику. Тот, заливаясь слезами и стона, что-то кричал. Я, может, и хотел понять, но просто не разобрал даже отдельные слова. Парень схватил клинок залитыми кровью зубами, и в тот же миг я рассек ему горло. Солдат дернулся, попытался схватиться за шею руками, но их не было, лишь жалко подрагивали обрубки. В застекленевших, подернутых смертной пленкой глазах все еще стояли слезы.

- Все-таки плохо на меня Пило влияет, - протянул я, рассматривая залитый кровью холмик. - Это вроде его прерогатива - горячиться.

Еще немного покорив себя, скорее для виду, чем из чувства глубокого раскаяния, я принялся за работу, присущую каждому наемнику, - стал обирать трупы. Хорошо, что нимийцы более высокого роста, чем имперцы, и вопрос подбора размера стоял не так остро. Подштанники я себе сварганил из собственных тряпок: увы, но когда человек умирает, эта часть гардероба «слегка» пачкается. Штаны стянул со спящего, сапоги - с несчастного безрукого, пояс - с него же. Все остальное забрал у второго убиенного. Когда на руках защелкнулись замки щитков, а кольчужку окутывал теплый зимний плащ, я наконец почувствовал себя человеком. Также я прихватил одно серебряное колечко, лежавшее в кармане у все того же обрубленного, и взял меч с ножнами. Обычный бастард, лезвие - сто десять сантиметров и эфес - пятнадцать. Вместо гарды - крестовина, но и это сойдет, сабель-то все равно нет.

В целом процесс занял не больше получаса, и к девушкам я возвращался уже в полном обмундировании. Магини сидели вокруг костра, оборудованного аналогичными прибабасами, и о чем-то болтали.

«Не верю, - подумал я. - Наверняка следили. Как? Да они же волшебницы, кто их знает. Может, что-то вроде «жучка» подвесили».

- О, ты уже вернулся! - В глазах обернувшейся командирши я увидел толику презрения и омерзения. Ну-ну, значит, подглядывали, значит, дружить не хотим. - А мы тебя к вечеру ждали.

- Да делов-то, - отмахнулся я и достал колечко. Тиша еле заметно дернулась. Интересно, они что, войны совсем не видели? - Лови, подарком будет.

Я кинул украшение целительнице. Та рефлекторно его схватила, но потом выронила, будто в руках у нее не холодное серебро, а раскаленный уголек.

- Какая я безрукая! - вскинулась она и стала рыскать в снегу руками, тем самым только еще глубже загоняя колечко куда-то вниз.

- Эх ты, - укорил я ее. - Не дело это - подарки разбазаривать.

Чувствуя на себе прожигающие взгляды, я развернулся, чтобы уйти.

- Не советую вам здесь задерживаться, - бросил я, закидывая мешки за плечи. - Разведчики без лошадей были. Так что нимийская армия меньше чем в декаде пешим отсюда.

Не оборачиваясь, я пошел в сторону «своей» армии. Старший, когда давал нам карту, показывал, где должен находиться стоялый лагерь. Вот только одно «но» - переход через гребень у армии должен занять дней пять. Потом в лагере они дожидаются хвоста и обозов, которые идут еще дней семь. В общей сумме - чуть больше декады. Я же уже отсутствую дней пятнадцать, не меньше. И хорошо, если бы я знал дальнейшие планы северного фронта, но кто их там, штабных, разберет. Может, нас против партизан отправят, может, на тракты выставят, чтобы кислород стране перекрывали. Маловероятно, что нас снова отправят в рубку, - слишком устали солдаты, слишком сильно пострадали маги и личный состав. Ну и последний вариант: оставят в осаде какого-нибудь приграничного города. Лично я от такого поворота событий не откажусь. Осада продлится минимум два-три сезона, как раз контракт выйдет, а денег на Академию худо-бедно наскребу. Сейчас с финансами туго - за мной приписано двести пятьдесят восемь золотых, около полусотни ушло на вычеты. За еду, за снаряжение, лекарские услуги и так далее.

Оказалось, наемничество не так уж прибыльно, как думалось поначалу.

- Так и будешь хромать до самого фронта?

Неудивительно, что девушки меня уже догнали: у них лошадки, а мне стрелка в задницу угодила.

- А есть другие предложения?

Командирша подъехала поближе и протянула руку. Это она серьезно? Ехать на лошади позади дамы?

- Либо так, либо хромай дальше, - уточнила девушка, заметив мое выражение лица.

- Туше, - смирился я, признавая поражение.

Волшебницы, понятное дело, этого выражения не знали, но общий смысл уловили.

- Может, познакомимся уже? - спросил я, усаживаясь поудобнее и оббивая руками талию леди.

- Руки, - прошипела симпатяжка.

- Простите, - усмехнулся я. - Сами видели - у меня боевое ранение. Боюсь, свалюсь ненароком. Меня, кстати, Ройсом зовут.

Сидеть действительно неудобно, а каждый рывок лошади отзывался ноющей болью.

- Ничего мы не видели, - буркнула Таша, пристроившаяся к нам с правого борта. - Просто в самом конце по округе прокатил всплеск смерти, но он какой-то мерзкий был. Ты что там, пытал кого-то?

Вы что-нибудь поняли? Я - нет. Что за всплеск такой и как они его почувствовали? Или здесь некромант присутствует?

- Нормальные люди на приветствие отвечают приветствием, - напомнил я, - а не устраивают допрос. И нет, я никого не пытал, просто один солдатик решил бить в спину, промахнулся, угодил мне в правое полушопие. Пришлось убивать его с особой жесткостью. И если вы смогли почувствовать этот всплеск, то, может, найдутся и другие такие?

- Конечно, найдутся, - «обрадовала» меня командирша. - Только мы вовремя все прикрыли. Разберется разве что некромаг, да и то лишь тот, что посильнее. Да, раз уж ты так настаиваешь... Капитан Сильвия Сильверстоун, командир отряда «Слепые кошки». Подразделение приписано к северному фронту, третий батальон магов. Являюсь старшим адептом земли, боевой маг. Мои подчиненные - лейтенант Свата Гэмбел, адепт огня, боевой маг, младший лейтенант Таисия Холинэл, младший адепт света, целительница.

- Ну вот и познакомились, - кивнул я. - Кстати, тебе очень идет.

- Что идет? - изумилась Сильвия и, кажется, немного зарделась.

- Фамилия идет. «Серебряный камень», очень красиво.

- Вообще-то она другое означает.

Все время забываю, что внешнее созвучие имперского и английского - лишь видимость, созданная моим подсознанием, которое инстинктивно ищет какое-нибудь сходство между мирами, дабы я не сошел с ума.

- Неважно, главное - красиво.

- А сам не собираешься представиться? - спросила Свата.

- Уже. И добавить нечего. Зовут Ройсом, не маг, не воин, титулов не имею, фамилии тоже. А о том, что наемник, вы уже сами знаете.

Девушки ощутимо напряглись. Некоторое время мы скакали лишь под аккомпанемент треска деревьев и пения птиц. А вообще лихо я попал. Не так просты эти дамы, как может показаться. Градация магов, если основываться на лекциях Нейлы, не так уж сложна. Сначала идет подмастерье (читай: студиозус), закончил универ - получи титул обучившегося (видимо, недостатком фантазии страдаю не только я), сразу с этим титулом получаешь право проходить экзамены на повышение квалификации. Зачем это нужно? Ну так чем выше у тебя приписка, тем больше тебе заплатят, да и авторитет прибавит весу. После обучившегося идет младший адепт. Это базовая ступень, которую не получает разве что ленивый. Дальше сложнее. Будущий адепт должен продемонстрировать особые умения. В основном соискатели легкого пути не ищут и начинают придумывать свои заклинания, плетения и прочее, флаг им в руки. Нейла говорила, что это неэффективно. Она, например, на экзамене просто прокляла одного из принимающих, тот потом с неделю ходил, сверкая очень занимательной татуировкой на лбу, и почему-то всем говорил, что это гриб. Адепт уже сильнее, и для этой ступени существуют

определенные требования по уровню силы. Каждый пятый отсеивается уже по этому критерию. Те, кому посчастливилось получить в дар от природы большее количество силы, выполняют программу, похожую на испытание предыдущего уровня. Замыкает путь адептства старший адепт. Опять же – ценз на уровень силы и куча всяких тестов в основном на знание материала, пройденного в академии. Сдал тесты, прошел проверку на уровень дара – и получиай значок.

И вот потом начинается самая запарка. Если до старшего адепта рано или поздно добирается половина закончивших обучение, то дальше двигаются немногие. Степень мастера можно получить за выдающиеся достижения – сюда входит написание труда и практическое применение объекта исследования. Немного похоже на кандидатскую диссертацию, но лишь отчасти. Те, кто получает железную цепь мастера, идут в преподаватели, чтобы там увеличивать свой багаж знаний перед следующим рывком.

Бронзовую цепь и титул старшего мастера имеют маги, которым уже хорошо за сорок. Есть и уникамы, достигшие этих высот к тридцати пяти, но на памяти Колдуньи таких были единицы. Кстати, сама она – мастер. Нейла всегда говорила, что это ее потолок, так как тратить свое время на зеленых юнцов она не собирается. Продвижение в мастерате также связано с цензом по уровню силы, и цепь из драгметалла получит лишь тот, кто отличился по своему направлению и имеет минимум один год преподавательской практики. Думаю, последнее обусловлено экономическими тонкостями, но не суть.

Серебряную цепь и титул магистра заслужить невероятно сложно. Обычно для получения необходимой базы магам приходится проводить пару лет на границе Диких Земель и уже потом представлять перед самим Советом магов, который и определит участь соискателя. Золотая цепь и уровень архмагистра – это почти высший уровень, в самых крупных гильдиях не насчитается и десяти подобных монстров. А по всей стране хорошо если сотня выйдет.

Ну и последний уровень – разумный, обладающий поистине невероятным количеством силы, опыта и умений для того, чтобы удержать в руках посох повелителя. Колдунья часто упоминала этих самых повелителей. По ее словам, их ровно столько, сколько искусств в магическом ремесле. Мало кто знает, где эти ребята находятся, так как все они «немного» не здоровы на голову и избегают людского общества. Про них рассказывают легенды, байки и тому подобное, но никто не в курсе, что нужно сделать, дабы преодолеть пропасть, лежащую между архмагистром и повелителем, и кто именно вручит тебе посох, символ власти. Короче, все считают это старинной былью, которая служит мотивацией для сильнейших волшебников, дабы те не костенели и продолжали развиваться.

Таким образом, Добряк бы на меня сейчас чан кипящей воды вылил и был бы прав. Нападать на старшего адепта – это все равно что пытаться ножом вскрыть броню танка. Сам наставник лишь пару раз выполнял магов, но все они недалеко ушли от неопытных выпускников. С другой стороны, за свое дальнейшее путешествие можно не беспокоиться – в такой компании и армии демонов не страшны.

– Что, ожидали от меня чего-то большего? – подначил я девушек. – Уж простите, не принц, не дворянин, магом тоже не являюсь, да и вообще безотцовщина.

Ройс безотцовщиной не был, но фамилию я себе так и не придумал. Как-то времени не было, да и особой нужды тоже.

– Послушай, ты можешь нас не благодарить, но хоть какое-то уважение должно присутствовать! – крикнула раскрасневшаяся Свата. От такого резкого перехода я чуть не

свалился в снег. – Тебе жизнь спасают, а ты издеваешься!

– Да не издеваюсь я.

– Ну-ну, – хмыкнула Сильверстоун. – В следующий раз не забудь снизойти со своих высот и все-таки скрыть каналы, чтобы хоть как-то сойти за обычного человека.

Я долго доходил до нужной кондиции. Сперва попытался понять, какие это такие «мои высоты». Нет, я, конечно, высокий, но смысл тут явно в другом. А потом, когда мозг пережевал первую часть предложения, начался штурм второй. И здесь меня проперло. В итоге я все же свалился с лошади, увлекая за собой Сильвию, и долго смеялся.

– Может, он чертильщик? – почти испуганно предположила Таисия.

Когда меня отпустило, а командирша перестала бить одного попаданца по ребрам, я ответил:

– Да не маг я никакой! Только полсезона назад инициацию прошел.

Девушки переглянулись, а командирша бесцеремонно устроилась у меня на животе.

– Кажется, мы стали жертвами одного большого недоразумения, – сказала она.

– Не то чтобы большого, – прыснула целительница, – но точно недоразумения.

И смех накрыл теперь уже девчонок, а я попытался выбраться из-под заливающейся магии. Когда все успокоилось, было принято решение продолжать движение. Как истинный джентльмен я помог Сильвии забраться на лошадь, хоть это и выглядело довольно глупо. Девушка кивнула и, в свою очередь, вновь протянула мне руку. Жест я оценил и забрался на круп одним прыжком. Девушки хмыкнули, но смолчали.

Все-таки нравится мне здешняя природа. Прямо как дома. Те же деревья, припорошенные снегом, тот же воздух, морозный, но не особо. Легкая качка, освежающий ветер и девушка в объятиях... Если бы я не так устал и тело болело хоть немного меньше, мысли ушли бы в другое русло. Но сейчас меня безжалостно клонило в сон. Пять минут я честно боролся с этой напастью. Увы, победить мне было не суждено. Подвернув капюшон плаща под щеку, я устроил что-то вроде подушки прямо на плече Сильверстоун.

– Ты чего удумал? – взвилась она.

– Совращать тебя буду, – зевая, ответил я. – Как проснусь, так сразу и совращу...

К вечеру мы, вернее, девушки и спящий я, добрались до Пьяных холмов. Любопытное местечко. Когда-то здесь сошлись в схватке все те же войска, наши против нимийцев. Результатом сражения стали холмы, которые, казалось, качались на ветру, до того сильно у них были искривлены очертания. И издали действительно казалось, что они двигаются, словно пьяный рыбак, возвращающийся домой после вечерних посиделок в придорожном трактире.

С побудкой мне, как всегда, не везло. Никакого нежного женского шепота – просто внаглую спихнули с конячки в ближайший сугроб. Я ответил тем же – метнул три снежка, угодивших точно в цель. Оценив физиономию компаньонш, я галантно, насколько позволяли манеры, откланялся и отправился в рощицу за хворостом. Правда, по дороге пришлось увернуться от

булыжника, по форме напоминающего здоровенный кулак вышибалы. Так я и назвал его – каменный кулак. Вообще придумывать названия тому, что видишь впервые в жизни, – довольно интересное занятие. Чувствуешь себя первооткрывателем. Как говорил Добряк, «зарождается дух приключений». И темным понятно, что выражался он иначе и в его речах на пять бранных словечек было всего одно цензурное, но я же воспитан в культурном городе.

Сбор горючего для костра не занял много времени, и если бы не барс, захотевший мною перекусить, все было бы просто сказочно. Но этот пушистый котяра, ощерившись острыми, как бритва, зубками, прыгнул мне на спину в самый неподходящий момент. Выхватить кинжалы я не успел, поэтому просто дубасил его латными перчатками. Он же, в свою очередь, пытался прокусить доспех. В итоге пришлось идти на мировую: кошка утопал, прихрамывая на две ноги, а я прикладывал снег к пострадавшему лицу и сворачивал драный плащ. Эх, не держится на мне одежда, горит нещадно. Так и разориться можно. Сначала куртка пострадала, потом казенная снаряга, теперь вот штотки с чужого плеча гибнут. Что мне, в нудисты теперь записываться? В лагерь я возвращался раздраженный, израненный (в очередной раз, кстати), но все же держа в руках охапку хвороста. Девушки мой героизм не оценили. Они вообще сидели спиной к роще и грели руки над мерно потрескивающим пламенем.

- Магия, – сплюнул я и скинул хворост.

Поворчав еще немного, сел напротив волшебниц и уставился в костер. Мысли текли вяло. Иногда я морщился от боли. Спина еще не до конца зажила и порой напоминала о себе, да и ребра ныли нещадно. Ну и не стоит забывать про пятую точку, на которую я все-таки нашел приключения.

- Это кто тебя так? – спросила подсевшая Таша.

- Кошки подрали, – буркнул я.

Целительница тут же закрутилась вокруг пострадавшего, выудила какие-то скляночки с дурно пахнущим и жгущим содержимым.

- Не дергайся, – тоном заправского костолома приказала волшебница, нанося на раненую щеку очередной мазок.

Через пять минут все было закончено, и единственным напоминанием о схватке с барсом служил аккуратно свернутый плащ. Если что, пушу его на бинты.

- И что же ты в наемниках делаешь? – спросила Свата, помешивая кашу в котелке.

- Всего помаленьку, – пожал плечам я. – Собственно, как и все. Что нам служивые укажут, то и сделаем.

- Да я не о том, – отмахнулась лейтенант и попробовала варево. Судя по сморщенной мордашке и по тому, как резво в котелок полетели травы и специи, вкус явно не отличался изысканностью. – Если ты одаренным был, что же в Академию не пошел?

Я внимательно посмотрел на волшебниц, но так и не понял, издеваются они или все и впрямь так запущено.

- А где бы я взял пять сотен золотом?

Теперь на меня точно таким же взглядом смотрели девушки.

- Подался бы к какому-нибудь старшему мастеру, он бы оплатил твоё обучение, - сказала Сильвия. - А потом выкупил бы контракт. Так большинство простолюдинов и поступают.

- Но в чём польза от такого самому мастеру?

- Да много в чём. Главное - для продвижения на следующую ступень. Ну и по мелочи тоже - половину заработка, пока не выкупишься, уплачиваешь мастеру, да и чем больше таких учеников, тем больше уважения самому магу. В своём кругу его будут считать опытнее, сильнее и богаче.

- И как же определяют, кто чей ученик?

- Печать на ауру ставят - и все дела.

От одного слова «печатать» я дернулся как от разъяренной костяной пантеры.

- Что, гордость не позволяет? - насмешливо прищурилась Сильверстоун.

Пока я обдумывал ответ, заметил, что Таша, до крови прикусив губу, во все глаза смотрит как будто сквозь меня. Так же смотрели граф и парень на воротах Академии.

- Ага, - кивнул я и стал стелить себе постель. На снег покидал хворост, все это дело накрыл изрезанным плащом и поверх конструкции водрузил спальник. - Именно она и не позволяет.

Всем своим видом показывая, что на дальнейший разговор не настроен, я залез в постель и моментально заснул, забывшись в мире снов.

Сильвия Сильверстоун, командир

диверсионного отряда «Слепые кошки»

Сильвия смотрела на спящего парня и не понимала, что ей думать о нём. При первой встрече волшебница приняла странного разумного за дикаря, но вскоре выяснилось, что это довольно образованный и достаточно симпатичный молодой человек. Когда же Таша принялась за лечение чужака, капитан стала сильно сомневаться в своих выкладках. Тело изрезано тонкой сеточкой старых шрамов, поверх которых лежали совсем свежие рубцы. Когда её взгляд упал на плечо раненого, все, казалось бы, встало на свои места. Обычный наемник, каких много. Но все с ног на голову перевернула та же Таша, когда заявила, что найденыш - маг. Что тут началось! Были воздвигнуты «щиты», подвешены смертельные плетения и много чего другого.

И вот спустя несколько дней странный человек очнулся. Сильвия была готова ко всему, но не к тому, что этот безумец решится напасть на неё с голыми руками. Большой опасности это не представляло, и без особых усилий Сильверстоун применила одно из защитных заклятий земли. Но скорость и четкость движений выдавали в юноше бывалого вояку. Скорее даже не так. Воином он не был, но при этом точно знал, как обычному человеку нейтрализовать мага, что является очень специфичным знанием.

На этом причуды не закончились. Этот, как выяснилось, все же наемник решил на безбашенную авантюру. В одиночку, без доспехов, опоясавшись лишь шкурами, двинулся резать нимийскую разведку. И что самое удивительное - ему это удалось, хотя он понес потери и даже не дал Таисии обследовать себя. Именно после этого девушки уверились в том, что незнакомец - опытный маг, ни в грош не ставящий их услуги. В груди закипела обида. Но Ройс

не перестал удивлять. Уже через полчаса выяснилось, что он всего лишь инициированный. То есть не очень-то сильно отличается от обычного одаренного.

И сюрпризы продолжались. Вот скажите, кто может найти на свою... голову приключения, всего лишь сходя за хворостом в соседнюю рощицу? Ответ будет – Ройс. Он вернулся в таком виде, будто сражался с очередным разведотрядом. Оказалось, на наемника напала кошка. Скорее всего барс. Во всяком случае именно эти животные в изобилии водятся в окрестностях Пьяных холмов.

Мнение Сильвии менялось, подобно бушующему Зеленому океану в сезон дождей. В ее душе многометровыми волнами поднималось недоверие, затем оно сменялось штилем равнодушия, но лишь за тем, чтобы через мгновение закрутиться водоворотами уважения. И лишь сейчас, после коротенького равнодушия, капитан стала испытывать откровенное презрение. Она и ее подруги проливали кровь и пот, чтобы поступить в Академию. А сколько пришлось пережить потом ради выкупа контракта! А ему, видите ли, гордость не позволяет! Да кто он такой? Не дворянин, не сын зажиточных крестьян, да он вообще безотцовщина! И тут на тебе – гордость. Да откуда она у него может взяться? Обычный пес войны, как называют наемников, режет, когда ему платят, пьет, когда ничего нет.

Сильвия до белых костяшек сжала кулаки. Ее всегда бесили такие спесивцы. В Академии подавляющее количество студюзовусов имеют дворянский титул и относятся к простолюдинам даже хуже, чем их немагические сородичи – к своим подданным. Они считают, что если имеют родовитых папенок и маменок, то все должны им в ножки кланяться. Ну-ну. Сильверстоун не раз сходилась на полигоне с этими ублюдками. Частенько ей приходилось отлеживаться в лазарете, где целители пришивали оторванные конечности, восстанавливали поврежденные органы и кожный покров, пару раз чуть ли не с того света вытягивали, но она была упорна, и к четвертому курсу никто не смел оскорбить или еще как-то задеть ее саму и ее подруг. Они собственными силами отстаивали свое право на место под солнцем. А он...

Вдруг на сжатый кулак легла теплая пухлая ладошка. Сильвия обернулась и увидела побледневшее лицо Таши. По ее подбородку струилась тонкая ниточка крови.

- Что... - хотела спросить магиня, но целительница покачала головой и прошептала:

- Всмотрись внимательнее в ауру. - Ее голос дрожал.

Капитан переглянулась со Сватой, и они вдвоем погрузились в легкий транс. Немногие могут видеть ауру, используя одно лишь истинное зрение, таких единицы. Большинству приходится погружать себя в медитацию и напрягать силы, но, если Таша говорит, что надо всмотреться, значит надо. Целители видят тонкие пласты лучше всех на Ангадоре, и пренебрегать их советами – просто дикая глупость.

Когда нужное состояние было достигнуто, Сильвия подала энергию на глаза. Мир расцвел красками. Она видела потоки сил, видела, как вокруг подруг вихрем кружатся защитные плетения, видела, как на окраине поляны протянулась нить сигналки. Чуть погодя Сильверстоун стала вглядываться в ауру Ройса. Навскидку ничего особенного там не наблюдалось. Черная дымка перемешивалась с красной, иногда в этом ореоле появлялись фиолетовые сполохи. Черный и красный цвета отражают двоякую суть существа, где черный – маска, которую носит разумный, красный же – сама суть. Но что именно они определяют, может сказать лишь магистр аур, а таких в Империи – всего двое. Фиолетовые сполохи – и вовсе обычное явление, свидетельствующее о том, что Ройс видит приятные сны.

«Что же разглядела Таша?» - подумала Сильвия и напрягла зрение.

Второй круг ауры. Здесь рассеивалась дымка, и можно было увидеть развернутые энергетические каналы. Опять пусто.

Сильверстоун накрутила источник и, прикусив губу, пробилась до третьего круга. Изображение стало объемнее, и она увидела источник наемника. Вероятнее всего заклинатель, но не очень сильный, скорее даже слабенький. Вздохнув, Сильвия уже отчаялась что-либо отыскать и смирилась с тем, что придется расписываться в собственном бессилии. Для любого мага это хуже пытки. Но тут где-то в глубине замаячил тусклый рваный свет. Магией завладела лихорадка любопытства, и она рискнула - подала на глаза прямой поток силы. При неумелом обращении это чревато серьезными проблемами со зрением, но ведь рядом сидит целительница, так что можно попробовать.

Четвертый слой показывает многое и столько же скрывает. Здесь в лабиринтах нитей немудрено заблудиться, но девушка имела четкий ориентир. С каждой секундой она будто погружалась в самую суть Ройса, ее стали охватывать отголоски эмоций молодого человека. В основном там преобладали кураж, азарт и какая-то особая смесь из радости и предвкушения. Такое испытывает человек, стоя перед пропастью. Ему кажется, всего шаг - и он взлетит, но сознание утверждает обратное. И эта борьба мечты с реальностью вызывает просто бурю эмоций, рвущих грудь и туманящих сознание.

«Что за сны он видит?»

И тут Сильвию скрутил приступ тошноты. Буря радостных горячих эмоций сменилась вязким болотом. Магиня оказалась где-то в глубине, в самых потаенных уголках сознания, о которых стал забывать и сам субъект. Здесь вместо радости царила тянущая печаль, кураж сменился тоской, а вместо предвкушения стояла дикая злоба, неумолимая жажда мести, готовая сжечь все, включая самого наемника. Наконец она увидела то, что десять минут назад отыскала Таша. Рваные черно-синие нити формировали древние руны, переплетаясь в некогда изящный, но мерзкий узор.

«Печати никогда не рассеиваются полностью, - вспомнила Сильвия одну из лекций по теории общего искусства. - Печати въедаются в самую жизненную суть разумного, если хотите - душу. Их можно снять, можно развеять, можно взломать и уничтожить, но следы остаются. И они будут вечно преследовать разумного, потихоньку подтачивая его изнутри, подобно тому, как термиты точат вековые дубы. Именно поэтому многие ратуют за возвращение рабства и упразднение процедуры нанесения печати личного слуги, считающейся одной из самых пагубных меток, что когда-либо создавали чертильщики».

Сильвия прервала медитацию и тяжело задышала. По лбу градинами скатывался пот. В последний раз она погружалась до четвертого уровня лишь на экзамене в Академии и после этого зареклась от подобных изысканий. Если ты не аурный маг, оставь эти испытания кому-то другому.

В этот раз капитан смотрела на спящего Ройса, у которого на добром лице застыла мечтательная улыбка, совсем по-другому. Без презрения, но с уважением, без жалости, но с гордостью. Да, она была горда тем, что среди самых простых людей существуют такие, кто готов идти до конца, кто не сдастся, кто не прогибается под гнетом властвующих дворян. А еще ей стало очень стыдно за ту насмешку.

- Только извиняться не вздумай, - прошептала Таша. Целительница уже пришла в себя,

подживила губу, а на лицо вернулся извечный румянец.

- Не вчера родилась, - буркнула Сильвия. - И что-то засиделись мы. Всем спать!

- А как же каша? - возмутилась Свата.

- Оставишь на утро.

- Да она промерзнет!

- Ничего, - отмахнулась капитан, раскладывая спальник. - Разогреем.

Лейтенант еще некоторое время поворчала, но не стала оспаривать приказ и также занялась обустройством ночлега. Когда девушки заснули, Таша все еще смотрела на звезды. Она так и не сказала подругам, что увидела на седьмом, последнем уровне. Она вообще никому не говорила о том, что способна видеть слои, доступные одним лишь архмагистрам аурной магии. В мире много загадок, и пусть это останется одной из них. Таша обернулась и взглянула на разумного, который в этот момент, позевывая, что-то бормотал себе под нос. Целительница улыбнулась и свернулась клубочком. Пусть останется загадкой и то, что она увидела там, в самой глубине, где раскрываются все секреты и где рождаются все тайны. Там, где действительность, сплетаясь с воображаемым, порождает явь.

Сильвии в этот раз снились не бальные залы, освещенные золотыми люстрами и тысячами магических свечей, не пыльная библиотека Академии, где она проводила долгие часы, не родной дом и теплые улыбки родителей, давно сгинувших в пламени войны между баронами. Не снился и домик на берегу озера, что всегда был ее мечтой. Вместо этого она видела перед собой бескрайнее море, но вместо воды там была высокая зеленая трава, а волны сменились холмами. А под гул и свист на небе из облаков, покрывая землю тенью, выплывали огромные острова. И где-то вдаль, у самого горизонта, шли два путника. Один был повыше, а другой чуть ниже, но шире. Оба они были завернуты в черные плащи, а за плечами мерно покачивались кожаные мешки. Но даже отсюда было видно, что тот, который пониже, увлеченно рассказывает, а его спутник увлеченно слушает.

Тим

Сегодня произошло чудо. Возможно, богиня Таос, повелительница мира снов и по совместительству владыка облаков (вот серьезно, я не понимаю, как это между собой связано), решила, что хватит уже мучить меня не самыми приятными побудками. Именно поэтому я проснулся не от визгливого крика Ози, меня не пинал Добряк, не кусал клоп. В меня не тыкал палочкой Пило, проверяя глубину чаши терпения друга. В меня не прилетело какое-нибудь колдовство, потому что Нейла промазала своим проклятием. И Руст с дикой похмелухи не вылил на меня отвар. В ухе не ползала гусеница, не кричала за углом пантера. Меня даже не сбросили с лошади. Я просто проснулся, потому что проснулся. Свежий морозный воздух наполнил легкие. Улыбнувшись, я с наслаждением потянулся. Интересно, а почему Колдунья никогда не раскидывала сигналку или как там эта фиговина называется? Ни тебе дозоров, ни раздраженного бормотания сослуживцев. Лепота.

Встав и оглядев полянку, я оценил картину. Таша, свернувшаяся клубочком, напоминала котенка. Свата, как всегда, сохраняла суровое выражение лица - небось во сне строит какого-нибудь поклонника. Ну а Сильвия просто безмятежно дрыхла. И упустить такой момент я просто не смог. Служба в отряде, где каждый считает своим святым долгом подколоть ближнего, приучила меня к мести за любое проявление... ладно, приучила меня к мелким

пакостям. И себя не изменишь, ведь так?

Взяв кружку, я набил ее снегом, сверху положил уголек. Кстати, костер горел всю ночь – все-таки хорошо быть магом. Закрепив кружку на хитро поставленной растяжке, я оглядел дело рук своих. Теперь, когда Сильвия проснется и захочет принять сидячее положение, ее будет ждать освежающий душ. Почему я такой злой? А нефиг скидывать раненого наемника в снег, а потом еще и сидеть на нем, как на ивовой лавке.

Осторожно двигаясь, чтобы никого не разбудить, я скрылся с места преступления. Хорошо хоть охранный плетение свободно пропускало всех, кто собирался выйти из охранного круга, оставляя на нем соответствующую метку, и когда разумный возвращался, оно тоже не визжало. Умное заклинание, иначе уморишься вскакивать каждый раз, когда кому-нибудь приспичит до ветру.

Путь до ручейка, весело бегущего по узкому коридору во льду, ничем меня не удивил. Ни тебе нимийцев, ни барсов, да что там говорить – я даже в сугроб ни разу не провалился, просто поразительное везение. Скинув мешок, вытащил оттуда несколько склянок и залпом осушил. Ощущение было сродни тому, когда на холоде сто граммов выпьешь: сперва по горлу растекается теплая волна, а затем потеплеет и внутри живота. Подождав с пяток минут, я достал кинжалы и встал в первую стойку. Давненько я уже не разминался, так и забронзоветь можно. Глядишь, через месяцок жирком заплыву и бороду отращу. Хотя с последним все еще проблемы. Может, зелья на гормональный баланс влияют? Вроде нет, иначе бы Добряк предупредил. Да и сам он хлестал эти настои, как воду, но брился два раза в день. Короче, непонятная ситуация. Чтобы не терзаться смутными догадками, стоит обратиться к сведущим людям. Но точно не к Таше, я и так ей должен больше, чем могу себе позволить.

Выполнив легкий комплекс и разогревшись, я перешел к более сложным упражнениям. Для начала отработка «змеиного шага», как-никак это мой любимый прием. Представив перед собой противника, вооруженного длинным бастардом, я приступил к бою с тенью. Враг попался опытный, он знал все мои ходы и предугадывал любое движение. Вот его меч скользящим движением бьет в печень, я всегда забываю ставить оборону в этом месте. Кое-как увернувшись, я попытался ударить старшим по запястью противника, но он оттянул руку и тут же перешел в контратаку. Удар наотмашь, от него я ушел в перекат и тут же был вынужден защищаться в нижней стойке. Враг осыпал меня градом ударов. От воображаемой тяжести заныли мышцы. Наконец появился просвет. Нанеся колющий удар в район бедренной артерии, я выполнил киношное сальто и, разорвав дистанцию, вновь оказался на ногах. Кажется, занятия псевдопаркуром оправдывают себя.

Но как бы то ни было, противник оказался явно сильнее. Артерию я не пробил, кинжал соскользнул по мышцам, оставив лишь глубокую, но не смертельную борозду. Враг перешел в оборону, сплетая вокруг себя серебристый кокон. Прорыв через такое сложен по двум причинам. Подойду слишком близко – нарвусь на колющий выпад и последующую серию, а на дальней дистанции мне сложно что-либо сделать. Могу стрелку метнуть или камень кинуть, но толку – чуть.

На миг замерев, я решил использовать «факира». По телу как наждачкой провели, но нужно терпеть. Когда нужное состояние было достигнуто, я метнулся к врагу. В его коконе есть лишь две прорехи, создаваемые обратным движением кисти. Они появляются в разных местах и лишь на доли мгновения. Но мне нужно успеть. Рука изгибается в немыслимом зигзаге и летит в сторону правого плеча противника. Отступив на шаг, он чуть меняет расположение корпуса. Старший кинжал со звоном отлетает от бастарда, но я уже достиг своей цели. На секунду в районе виска появляется брешь, и младший со свистом вонзается в череп противника.

Опустив руки, я осмотрел поле воображаемой битвы. Борозды на снегу, глубокие впадины в том месте, где я вышел из сальто, и никакого трупа. Вздохнув, я присел отдохнуть. Все же битва с воображением – это сложно и легко одновременно. В нужный момент я бессознательно подыгрываю себе, но в ходе самой схватки не могу сделать ни шага, так как «противник» видит все слабости и знает все наперед. Переведя дыхание, я поднялся и, перехватив кинжалы обратным хватом, продолжил тренировку.

Вообще на бое с тенью можно было заканчивать утреннюю разминку, но когда-то давно я загорелся желанием превзойти учителя, а для этого нужно создать свою технику. Именно этим я занимался в течение последних четырех лет. Основа моей идеи была проста, как кирпич. Когда-то я лежал на холме и смотрел в небо. Там в лазурной выси летали птицы. И тогда мне вспомнился любопытный факт. Птицы, как и самолеты, летают по своеобразным воздушным коридорам. А что напоминает бой на высоких скоростях? Все те же коридоры. Не знаю, почему многие называют это танцем, скорее это поиск пути, по которому можно нанести стремительный удар, и пути, по которому можно уйти в оборону.

Так и начался мой поиск. Техника развития тоже не отличалась особой сложностью. Я представлял себе, что вокруг меня тысячи трубочек диаметром несколько сантиметров, и в эти трубки нужно попасть кончиком кинжала, но пространство между трубками смертельно опасно для меня. Первые два года я занимался тем, что пытался не угодить в это воображаемое пространство. Когда у меня стало получаться, усложнил задачу: трубочки стали кружиться, меняя свое местоположение. Сам того не замечая, я превратился в голливудского шпиона, который перекачивается между красными сигнализационными лазерами. Наставник все спрашивал меня: «В чем суть техники?» Какое-то время я и сам не знал. Мне просто нравилось плавно перетекать из одной позиции в другую, при видимой легкости это поистине каторжная работа. Ведь задействуются все мышцы, напрягается каждая связка, изворачиваются суставы, и после пяти минут таких маневров чувствуешь усталость, как после марафона.

Добрjak все кряхтел, мол, опять ерундой страдаю, но не мешал. А через пять сезонов я разобрался с «Бобби». Больше не было проблемой попасть в маленькие отверстия размером с орех. Воображаемые воздушные трубочки-коридорчики были надежными проводниками, и я всегда попадал в цель. По ним же я метал стрелки, выбивая сто из ста. Если в этот коридорчик попадала вражеская стрела, мне не составляло труда, применив ускорение, отбить ее. Если честно, в последнем ничего особенного нет, Добрjak и вовсе арбалетный болт мог отбить. Он еще хвастался, что по молодости мог его словить, но я не верил, это уже что-то из области «байка у костра».

И вот эти узкие воздушные коридорчики стали для меня идеей фикс. Я верил, что с их помощью смогу обойти любую защиту и нанести точный удар в самые короткие сроки. Идеальное умение для того, кто орудует короткими кинжалами и изогнутыми саблями. Именно для этого был изобретен «факир», позволяющий моему телу изгибаться по-змеиному.

Сильвия Сильверстоун, командир

диверсионного отряда «Слепые кошки»

Проснувшись, Сильвия потянулась и села...

- А-а-а! - закричала она.

Вскочив на ноги, командир стряхивала с себя капли ледяной воды.

- Что случилось? - крикнула подбежавшая Свата.

- Ты не ранена? - вторила ей Таша.

Но через секунду девушки загнулись в приступе хохота. Выглядела Сильвия и впрямь очень потешно. Мокрая, взъерошенная, она напоминала обиженную кошку, которая свалилась в речку с талой водой. На мгновение капитан просто зависла, пытаясь собрать мысли в кучу, а потом стала шарить глазами по поляне, но так и не нашла нужный объект.

- Убью, - зашипела она и рванула в пролесок.

Без магии, без каких-либо других способностей - ее вели одни лишь инстинкты. И через пару минут она увидела этого смертника. Сильвия уже хотела применить весь доступный ей арсенал заклятий, но что-то остановило ее. И это «что-то» было извечной проблемой большинства представительниц прекрасного пола - любопытство.

Ройс стоял по пояс обнаженный, и от его тела валил пар.

«Может, он все же сумасшедший?» - подумала Сильверстоун.

Волшебница снова оглядела фигуру попутчика. Тугие жилы, шрамы, ни грамма лишней массы, да и лицо довольно симпатичное, хотя красавцем его не назовет даже самая непривередливая крестьянка. Возможно, он вообще не очень гож собой и просто Сильвия уже давно не была с мужчиной. Все же она была поразборчивее, чем подруги, и не находила в солдатне ничего привлекательного. А разовые отношения успели приесться еще в бытность студенткой.

И тут Ройс начал вытворять что-то невообразимое. Прикрыв глаза, он принял классическую низкую стойку, но затем словно потек. Казалось, он слился с водой. Тихим потоком он переливался из одного положения в другое, огибая одному лишь ему ведомые препятствия. Потом рывок - и сжатый в руке кинжал летит куда-то в пространство, но спустя удар сердца возвращается в прежнее русло и снова вместе с телом куда-то течет. Мгновение, новый рывок - и наемник прокрутил весь корпус, поднимая вокруг себя снежную пыль. Но снег не осел, он закрутился вместе со странным юношей. Ройс пронзал неведомые цели, плавно двигаясь по поляне, а снег обвивал его руки. В тот миг, когда кинжал вытягивался в смертельном броске, снег лентой летел в том же направлении. Все это чем-то напоминало представление балаганщиц, выступающих с лентами, приделанными к небольшим палочкам. Все похоже, но имелось и отличие: в каждом движении, в каждом вздохе юноши была видна смерть. Это не было бессмысленным комплексом растягивающих упражнений и уж точно не являлось ломаным танцем. Сильвия увидела искусство, цель у которого лишь одна - убийство, но при всем при этом зрелище увлекало и потрясало. Да и как можно не удивиться, если волшебница не чувствовала магии. Ройс управлял потоками воздуха, по которым снег двигался, словно по узким тоннелям, без применения дара.

С каждым мгновением снег все ускорялся, кинжал все чаще размывался в змеином выпаде, и наконец вокруг парня закрутилась настоящая вьюга, выстреливающая длинными снежными лентами. А потом все прекратилось. Раскрасневшийся парень застыл, а вокруг него шел снегопад. Сильвия готова была простить нахала, но Ройс повернулся и уставился прямо ей в глаза. Вместо того чтобы кивнуть или как-то извиниться, он подмигнул и рассмеялся.

- Убью! - Сильвия не заметила, как крик сорвался на визг, и она рванула к ошарашенному попутчику.

Видимо, пещерная диета вкупе с магическим лечением повлияла на меня весьма благотворно. Я смог увеличить время выполнения техники с четырех секунд до всех семи. Глупость, конечно, одна показуха, примени я ее в реальном бою – и все, амба. Ведь нужного темпа я достигаю слишком долго, а пока скорость не набрана, меня даже деревенщина дрыном задубасит. Но ничего, через пять-шесть лет, когда я закончу вторую ступень «факира», которой еще не придумал названия, и смогу достигать высокого темпа, не выбиваясь из сил, можно будет подавать заявление в гильдию Мечников. Кстати, мечники имели похожую градацию с магами, и она весьма интересна...

На периферии сознания я ощутил легкий укол – кто-то следил за мной. Вот и еще один минус «вихря»... хм... может, именно так и назвать? Так вот, минус второй ступени – полностью сосредоточившись на цели, я не могу контролировать обстановку. Демоны задери, это смертельный риск!

Открыв глаза, я уставился на источник беспокойства. Им оказалась молодая симпатичная женщина, волосы которой покрылись тонкой сеточкой инея. «Сильвия», – понял я и, подмигнув, не смог сдержать смех. Она просто невероятно сильно напоминала кошку.

- Убью! – раздался крик, переходящий в визг.

«Что? Кого? Где?» – подумал я.

Но тут же понял, в чем дело. Кажется, волшебница догадалась, кто замутил эту подлянку. Оно и понятно: вряд ли бы такое учудили ее подруги. Вообще я предполагал, что она начнет магичить, но девушке напрочь снесло крышу. Она рванула в рукопашную, и вот в меня уже летит удар прямой правой. Прямо бокс какой-то. Легко уйдя в сторону, я попытался решить конфликт мирным путем при помощи переговоров, но меня и слушать не стали. Вскоре в дело пошли ножки, весьма изящные, надо признать.

Проведя серию ударов по корпусу, Сильвия вышла из партера и начала размахивать более длинными конечностями. Глупое занятие. Когда я порывался драться именно в таком, красиво-голливудском стиле, наставник просто избивал меня в нашем стиле, то бишь теновом. Если можешь ударить ногой, бей под колено, а лучше вообще не поднимай топалки выше пояса – чревато. Да и слишком долго это. Основной урон наноси руками, они быстрее и точнее. Вот и вся наука. Но девушку не учили матерые киллеры, ее обучали наставники Академии. И обучали хорошо, но однобоко. Поймав точеную голень, я сделал шаг вперед и подножкой повалил Сильвию. Отступив, снова попытался наладить общение, но ей все побоку. Вскочив, она снова ринулась в атаку, правда, изменила стиль. Теперь в ход шли тычки и щипки – честное слово, прямо разборки в стиле кунг-фу. Я схватил ее за руку, что было несложно: движения читались как открытая книга, скорость ниже, чем у пьяной черепахи, да и вообще все это не было направлено на убийство, так – сломать что-нибудь или зашибить. Свободной рукой магиня попыталась залепить мне пощечину, но, поймав ее ручки, я притянул девушку к себе.

- Теперь поговорим? – улыбнулся я. – Или ты кусаться начнешь?

- Отпусти, – шипела она, пытаясь вывернуться из моей хватки.

- Не-а. – Меня захватило странное игривое настроение.

В глазах Сильвии я прочитал нечто такое, что сразу понял – сейчас в ход пойдет магия. Ее

раскрасневшееся лицо было так близко, дыхание – так часто, а по венам все еще текли настойки. Притянув ее к себе еще ближе и отпустив руки, обхватил тонкую талию. Губы Сильвии оказались дурманяще сладки. Сначала она отпиралась, но уже скоро ее руки жадно впивались в мои волосы (я все же уломал Тишу, и она их восстановила) и шарили по спине.

- Почему ты думаешь, что я тебя не убью за такое? – спросила она, когда мы оторвались друг от друга.

- Умереть в объятиях красавицы... – протянул я. – У меня есть друг, который просто мечтает об этом.

Сильвия засмеялась, и мы снова слились в жарком поцелуе. Потом на снег полетела одежда, у девушки ее оказалось много больше, чем у меня. Скоро на одежду упали и мы. Видят боги, первый круг закончился слишком быстро только из-за проклятого Ройса, который не озаботился проблемой и в то время, когда все его ровесники уже валялись подруг на сеновалах, он сидел на причале с удочкой в руках. Но боги будут свидетелями – дальше все пошло как нужно.

Глава 11

Пятый клинок

- И долго ты еще собираешься так лежать? – спросила Сильвия, но я-то видел, что и она не собирается в ближайшее время выбираться из-под теплого плаща и шкур.

Решив оставить этот вопрос без ответа, я поглаживал шелковые волосы волшебницы и думал. Для начала хотелось понять, как, собственно, я собираюсь отыскать своих друзей. Ну и вторая мысль – где мои штаны. Надо признать, последнее в данный момент меня волновало сильнее всего. Где я еще один загулявший нимийский отряд найду в этой глуши? Здесь только барсы и водятся. Но увольте, в драные вонючие шкуры я больше не залезу, хватит мне пещер.

Сильвия не оценила мое безмолвие и ощутимо тюкнула кулачком под ребра. Оставить такой жест без ответа я не мог и, обхватив ее голову рукой, которую магиня использовала вместо подушки, притянул к себе и часто задышал в нежное ушко. Девушка умильно сморщилась и засмеялась:

- Нахал!

- Виновен, – улыбнулся я. – Кто первый вылезает, ты или я?

Сильвия прищурилась:

- Ты.

Пожав плечами, я аккуратно высвободился из объятий леди и стал собираться. Штаны все-таки нашлись. Оказывается, они улетели в сугроб. Хорошо хоть кожа, покрытая мехом, водонепроницаема, а то пришлось бы сверкать подштанниками до самого лагеря, а там – устраивать просушку. Одевшись, я обернулся, намереваясь полюбоваться действием, обратным стриптизу, но тем не менее столь же захватывающим. Увы, девушка не оправдала моих надежд и предстала перед взором в полном обмундировании.

- Нахалка, – скопировал я интонации подруги.

Сильверстоун горделиво вздернула носик и величественно прошествовала мимо меня. Когда же ее фигурка уже почти скрылась в роще, я услышал:

- Дозволяю отмереть.

Открыв рот, дабы высказать все, что я думаю по поводу такого поведения, я столь же быстро его захлопнул, подобрал кинжалы и заковылял следом. Вообще не стоит слишком уж с ней сближаться, насколько это в принципе возможно после такого финта. И надеюсь, она не питает иллюзий вроде тех, что я по неумению поселил в разуме Лены. Эх, что за мутные создания эти женщины! Общение с ними чем-то схоже с работой сапера. Все время приходится действовать на ощупь, нежно, осторожно, но одно неловкое движение – и взрыв. Увы, но кевларовых доспехов я не имею, и взрыв магии обернется для меня таким квадратненьким надгробием.

Когда я вернулся в лагерь, то застал трех волшебниц за сборами. Целительница умело заметала следы кострища, Свата растирала коней, чтобы те не загнулись от резкого старта. А Сильвия, как и положено командиру, руководила операцией, раздавая точные, но ненужные команды. Я не рискнул мешать этому явно отлаженному процессу и, напялив остаток одежды – рубаху, кольчужку и плохенькие латы, сел на ближайший пенёк, предварительно смахнув с него снег.

Девушки все же заметили мое присутствие, и Свата с Таисией стали перемигиваться, чем вгоняли в краску свое начальство. Мне же до этого особо не было дела. Я в принципе корил себя за такой срыв. Благо теперь организм доволен и подобных критических ситуаций в ближайшем обозримом будущем не предвидится. А в столице, говорят, такие девочки в борделях... Короче, не выставлю себя перед студентками оголодавшим мартовским котом, что уже радует. Да и не особо мне хочется по глупости нарваться на какую-нибудь дворянку или, еще хуже, аристократку, у которой папенька имеет связи. В лучшем случае дуэлями замордуют, в худшем... А, к демонам, про это даже думать вредно.

«Слепые кошки» закончили приготовления, и леди запрыгнули в седла. Сразу стало заметно смущение на лице Сильвии. Ну да, теперь-то ей, с одной стороны, не очень удобно предлагать мне садиться на круп, а с другой – статус не позволяет вести себя как простой горожанке.

- Если ты так настаиваешь, – протянула Таша, – могу попросить Ройса покатать меня.

Вот ведь егоза, так издеваться над подругой. Капитан окончательно растерялась, а девушки начали хихикать. Пришлось брать ситуацию в свои руки.

- Леди, не стоит, – покачал я головой и отыскал в мешке нужные склянки. Эх, если сожгу организм, Старший не отделается заштатными лекарями. У нас вроде два целителя есть, посильнее той же Таисии, вот пусть они меня и выхаживают. Опрокинув содержимое склянок, я вздрогнул. И почему у всех зелий вкус, как у прокисшего теплого пива? Или Добряк специально обучал меня только таким? – Сегодня я пешком.

На лицах попутчиц читалась крайняя степень недоверия и удивления, последнее – исключительно у Сильвии. Кстати, это не может не радовать. Прикрыв глаза, я оценил состояние организма. Зелья уже почти усвоились, мышцы, связки и кости наливались энергией, она ощущалась подобно бурлящей лаве в закупоренном вулкане. Стоит сделать легкий укол – и будет «бум». Что ж, не стоит мучить казенное тело.

Задышав чаще, я активировал ускорение и одновременно с этим настроился на «змеиный шаг». Устраивать бег с препятствиями, когда ноги будут по колено проваливаться в снежный покров, – это явный перерасход сил. Один рывок – и я оказался на метр впереди.

- Догоняйте, - помахал я рукой девушкам и вжал тапки в пол.

Поднимая клубы снежной пыли, девушки приняли правила игры. Теперь мы играли в догонялки. Понятное дело, с конячками мне не посоперничать на равных, но девушки решили играть честно и в галоп, а тем более в карьер не уходили, давая мне возможность изредка оказываться впереди. Кстати, я обещал рассказать о рангах мечников.

Начнем, пожалуй, с того, почему так повелось, что у тех, кто владеет клинком, есть гильдии и ранги, а у тех же копейщиков нет. Здесь все просто. Меч - оружие особое и подход к нему также нужен особый. Когда-то давно на Ангадоре мечи были в ходу лишь у рыцарей, дворян да у парочки мастеров. Солдаты же вооружались длинными боевыми ножами, копьями, ну и кто чем мог. Сейчас же, когда наладились отношения с гномами, увеличилась выработка железной руды и стало возможным всеобщее вооружение. Но традиции сохранились, да и менять их никто не собирался.

Так вот, первый ранг у начинающего мечника - ученик. Просто и сердито. В возрасте пяти лет родители, если у них есть достаточное количество средств, отдают свое чадо в гильдию. Если же средств нет, но у дитятка явный талант, такого индивида выкупают за три золотых, что для тех же крестьян непомерно много. И именно поэтому каждая семья считает своим долгом привести сына на экзамен. Отбор строгий, из двух тысяч абитуриентов гильдия принимает лишь двадцать. И тем, кому «посчастливилось» оказаться в числе выдержавших испытание и получить статус ученика, жизнь медом уже не кажется.

Первые десять лет их будут гонять, как демоны гоняют грешные души, да и того, наверное, хуже. Никогда не видел тренировочные базы мечников, но, по рассказам Добряка, наш полигон - это жалкое подражание. Не знаю, что забыл Тень у мечников, но оснований не верить не было. После десяти лет - второй экзамен. Именно второй, потому что почти все, кто поступал за деньги, отсеиваются, оно и понятно. Испытание не такое уж и сложное, всего-то требуется пройти полосу препятствий. И никого не волнует, что в ямах вместо грязи - острые, как бритва, лезвия, что вместо мешочков с песком в ученика летят камни... Да и много чего еще, сразу не припомнишь. Те, кто выдержал экзамен, получают ранг подмастерья, и в их уши вставляется какая-то хрень. Добряк пытался объяснить мне на пальцах, что это, даже на песке рисовал, но в итоге я уловил лишь общий смысл. Подмастерье получает железную серьгу. Аналогия понятна - что у магов, что у воинов градация соответствует ценности металла.

Далее обладатель серьги получает волшебный пинок под зад и отправляется на вольные хлеба. На этом официальная часть заканчивается. Если хочешь двигаться дальше - милости просим, дуй на очередные экзамены и выполняй указанные требования. Не знаю только, какие именно. Добряк лишь упоминал, что для одного дельца ему нужна была бронзовая загогулина в ухе и ему пришлось продемонстрировать комиссии две ступени личной техники. Как водится, загогулину наставник потерял или продал (скорее всего продал в карты или проспорил), но правда оказалась надежно скрыта. И как я ни пытался его разговорить, но итог один: «Тютелька того-этого - тю-тю».

Плюс от получения сережек - уважение и деньги. И, что самое смешное, многие мечники идут работать Тенями. Правда, вступив в гильдию Ночников, снимают все украшения, дабы их, ежели что, не опознали. Ну и, понятное дело, сами о своих достижениях вне команды не особо треплются. Вернее, молчат в тряпочку: сами целее будут и возможный противник - мертвее. Единственное, что мне доподлинно известно, - обладатель бронзовой серьги имеет звание Разящий. Очень высокопарно, но я загорелся идеей носить имя Ройс Разящий. Согласитесь, звучит. Да и в той же Академии, если у меня будет соответствующая приписка, дворянчики хотя бы раз подумают, перед тем как издеваться над престолюдином.

Когда я уже начал откровенно сдавать (все же бежал без малого часа два с половиной), Сильвия подняла руку, приказывая остановиться. Я хотел ее поблагодарить, но она сжала ладонь в кулак. Пришлось обнажать кинжалы. Поднятый кулак – сигнал готовности. А если его показывает магиня, вариант только один – сейчас на нас будут нападать. И как это водится, не повезло именно мне. Логично предположить, что, стоя в арьергарде, без лошади, с кинжалами в руках, я представлял собой легкую мишень, но нападения в спину все же не ожидал.

Уворачиваясь от умелого выпада, я развернулся и наотмашь ударил кинжалом. Противник не обратил на этот жест ни малейшего внимания. Поднырнув, он сделал шаг вперед и заехал мне коленкой в грудь. Отскочив назад, я получил возможность оглядеть нападавшего. Парень лет двадцати, среднего роста, на смазливой мордашке – хищный оскал, а оружие – брат-близнец бастарда Пило. В другой ситуации я, может, и отделал бы этого щегла, но сейчас... Пришлось жульничать. Сорвав с пояса очередную склянку, я опрокинул в себя содержимое и рванул в бездумную атаку. Все, что мне сейчас нужно, – выиграть чуть-чуть времени, пока организм не усвоит полученный допинг.

Удерживая противника и не давая ему перейти в контратаку, я отсчитывал секунды. Когда минула десятая, разорвал дистанцию. Кинжальный бой – это не особо честный поединок. Чтобы победить умелого врага, нужно позволить ему атаковать, потому как только в атаке умелого мечника можно заставить ошибиться. Но, как ни странно, щегол не повелся и не ломанулся в атаку. Он вообще сменил стойку и, что самое удивительное, сам стиль боя! Его движения стали какими-то ломаными и резкими. Меч перестал виться, подобно змее, он запрыгал разъяренным кабаном. Колющие удары сменились рубящими. Пришлось меняться и мне. Я больше не отражал выпады плоскостью клинка. Мне приходилось вертеться как лисе, уворачиваясь от каждого удара. Когда уже был виден свет в конце туннеля и намечен угол атаки, противник вновь все испоганил.

Он разорвал дистанцию. Было видно, как меняется центр тяжести, и вот на меня в атаку пошел человек, текучий, как вода. Тут я уже взбесился. Понимаю, что моя техника и техника корсаров с южных морей внешне очень схожи, но так поганить мои начинания непозволительно никому. Это понимал даже Добряк и особо меня не гонял, а всегда помогал дельным советом. Глубоко вздохнув, я во второй раз в жизни опробовал первую ступень на разумном. Противник был хорош. Хотя я атаковал на полной скорости, он смог отбить первый выпад, но я не прекращал движение.

Младший кинжал, лежащий в обратном хвате, со свистом рассек врагу ногу, заставив его перейти в глухую оборону, чего я и ждал. Перед глазами как наяву появились сотни коридоров. Некоторые, загибаясь, уходили куда-то в воздух, другие вели к цели, но лишь один показывал направление верного удара. Чтобы выбрать, у меня есть всего одно мгновение. В итоге я, изогнув правую руку в немыслимом зигзаге, почти загнал старший кинжал в глотку противника. Его бастард не успевал, переместиться он не мог – мешала рана на ноге, но в бой неожиданно вмешался третий разумный.

Этот некто, впечатавшись в щегла двумя прямыми ногами, отправил его в свободный полет. Кувырок, и вот он стоит передо мной в классической нижней стойке и похлопывает бастардом по ботинку. Намек понят. Задышав чаще, я как мог разогнал мышцы и рванул, чуть ли не касаясь земли брюхом. Противник проделал то же самое. Его меч, оставляя за собой явный след в воздухе, несся прямо на меня. Мои кинжалы, так же рассекая пространство, метнулись к противнику. Секунда, и мы оказались друг у друга за спиной.

- Что-то как-то не оно, – послышалось позади.

- Я того же мнения. Руст опять всю кашу съел?

- Не поверишь, но нет. Всю кашу схомячил вон тот засранец.

Обернувшись, я увидел улыбающегося Младшего. По его щеке текла тонкая струйка крови.

- Два-ноль, - сказал я.

- Один-один. - Пило указал мне на живот.

Осмотревшись, я заметил на латах царапину.

- Позер, - фыркнул я.

- То есть надо было тебе кишки выпустить? - усмехнулся друг.

- Пф. Да если бы не волшебство Нейлы, ты бы уже почти год перерождения ждал.

- Жалкие отмазки. Сейчас все по-честному было.

- По-честному? Да у меня тут такое приключилось...

- Стоп! - гаркнула Сильвия, и мы как-то сами собой заткнулись. - Мне уже кто-нибудь что-нибудь объяснит?

- Ну... это... как его... - замялся Младший.

Я тоже не блистал красноречием и пытался подобрать нужные слова. Но нашим чаяниям не суждено было сбыться - поляну накрыла черная тень.

- Зануда вернулся! - На меня грохнулась многокилограммовая туша. Сам Руст весил не очень много, но его доспех плюс мешок... Ну и Щуплый редко когда ходил без заначки.

В общем, приложило неслабо.

- Ро-о-ойс! - раздался второй вопль, и весу ощутимо прибавилось. Эльф, как и все представители его племени, страдал хомячеством, и если вес поклажи не превышал его собственный, значит, к походу он еще не готов и просто обязан захватить дополнительную пайку.

- Куча-мала!

И я спиной коснулся земли, а снег лежал двадцатисантиметровым слоем.

- Слезьте с меня, душегубы проклятые!

- Ройс, бродяга, где ты был?

- А то ты не знаешь, где он был.

- Хорош мне по плечам стучать!

- Похудел как-то...

- Руст, там вина не осталось, а то отметим.

- Да слезьте вы уже!

- Один момент, вроде была фляга.

Потратив еще полминуты на бесполезные попытки выбраться из-под завала, созданного обрадованными друзьями, я перешел к тяжелой артиллерии. Засветил Русту в глаз, отчего тот завыл и сам стал выбираться. Когда появился просвет, я согнул ногу в колене. Запищал эльф и, кажется, потерял сознание. М-да, удар в пах – это сильная штука. Остался один Пило. Но когда наши взгляды встретились, он вскочил и, в примирительном жесте подняв руки, стал пятиться назад.

- За что? За что? – причитал Ушастый. На снег падали его серебряные слезы.

- Вот тебе и возвращение Ройса! – Руст прижимал к глазу ледышку и с сочувствием поглядывал на корчащегося эльфа.

- И вам того же, и вас туда же, – отмахнулся я от этих оболтусов и стал высматривать Сильвию. Но ни ее, ни остальных «Кошек» на поляне видно не было. – А где...

- Я взял на себя смелость объяснить достопочтенным волшебницам текущую ситуацию. – Голос у незнакомого щегла оказался довольно низкий и чуть-чуть гнусавый. – Леди Сильверстоун передала вам привет и отправилась с докладом в штаб. Кстати, приношу свои извинения. Я по незнанию спутал вас с нимийским разведчиком. Надеюсь, вы не таите обиду. Если же это так, то я готов принести сатисфакцию в любое удобное для вас время.

Я вопросительно посмотрел на Пило, и тот незаметно для юноши подал недвусмысленную распальцовку.

- Что за леди и почему мы о ней не знаем? – подорвался пришедший в себя древолюб.

- Ага, – подмигнул Щуплый. – Колись.

- Вот ведь удивительно, – протянул я. – Вроде окружен тремя мужиками, но с ушей сплетни свешиваются как после столичного салона.

Господа наемники переглянулись, и мы все вместе рассмеялись. Потом пошли дружеские крепкие рукопожатия, а Ушастый, растрогавшись, расщедрился на объятия и похлопывания по спине. Щегол старался не отсвечивать. Впрочем, о нем чуть позже. Потом Пило приказал выдвигаться в лагерь, и через час с лишним мы ютились около костра. На душе воцарилось удивительное спокойствие, как будто домой вернулся. Хотя, возможно, «Пробитые» за это время успели стать для меня чем-то большим, чем просто друзьями. Когда проливаешь вместе кровь, делишь пищу и постоянно прикрываешь друг другу спину, связь между разумными крепнет, образуя почти семейные узы.

- Ты рассказывай давай, – сказал Младший, раскладывая по тарелкам ароматную кашу.

- Да чего там рассказывать-то...

Как бы то ни было, но рассказ затянулся. Закончил я, лишь когда солнце уже потихоньку пряталось за верхушками деревьев, воздух зазвенел от наступающего мороза, а небо окрасилось в золотистые закатные тона. Я успел вспомнить и то, как удачно прилетел мне на голову мешок, лишивший драгоценного времени, потом помянул свой ежедневный рацион. При упоминании о жуках Щуплого скрутило – кинжальщик на дух не переносил всяких хитиновых

тварей. Упоминание о пантерах и кротах заинтересовало Ушастого. Он долгое время копался у меня в мешке и под конец выдал вердикт: «Загнать можно», самому же лучнику жилы оказались не нужны.

Но, как можно понять, интересовало друзей лишь одно – мои отношения с магинями. В принципе ничего удивительного, в тесном дружеском кругу разговоры рано или поздно переползают на извечные темы – «машины, байки и бабы». Увы, машин здесь не наблюдалось, байки кончились, осталось только последнее.

- Истинный лэр не обсуждает дела свои сердечные, – вставил щегол.

Мы переглянулись, но Пило снова отпальцевал, и я убрал руку с пояса. Рано.

- Так Ройса никто и не просит болтать о том, что было в постели. Хотя мы не против. – Как ни странно, Руст смог увернуться от тычка Младшего. Видать, наострился.

- Да что там обсуждать, – вздохнул я. – Мою ситуацию вы знаете, пять лет в лесу. Ну и у Сильвии, скорее всего, тоже давно парня не было.

- Ну-ну, – усмехнулся Ушастый. – То-то она на тебя так смотрела.

- Как смотрела? И когда ты вообще успел заметить, как на меня кто смотрит?

- Было время, – продолжал ухмыляться эльф. – А смотрела она на тебя, аки пчелка на мед. И если бы не наш новый знакомый, точно бы увела.

- Тебе показалось, – пожал плечами я. Да и не могло быть ничего такого. Просто встретились два человека, отдохнули и разошлись. Ничего особенного. – Кстати, нас же еще не представили.

Пило еле заметно кивнул, а щегол уже заливался соловьем:

- И то верно. Прошу низжайше простить за такое вопиющее пренебрежение этикетом. – Парнишка разве что в пояс не поклонился. – Меня зовут...

- Эка, – перебил его наш командир и тоном барда, вспоминающего легенду, продолжил: – Эту историю так рассказывать нельзя. Собираемся в круг и слушаем батьку Пило. Начнем с того, что, когда ты, Ройс, отправился в свободное плавание, мы оказались в смертельной ловушке...

- Пило жутко боится темноты и ограниченного пространства, – прошептал Руст.

- ...но, несмотря на это, нам удалось вернуться к развилке и через два дня блужданий мы вышли аккуратно к голове армии, где нас встретил Старший. Радости его не было предела, ведь он так боялся, что нас накрыло той лавиной!..

- Командующий чуть ли не до смерти отпинал своего брательника, – прокомментировал Ушастый.

- ...спустя пару дней наша армия устроила перевалочный лагерь у подножия гор. Каждый день я вставал с рассветом и вглядывался в неприступные гребни, ища пропавшего друга и брата...

- Кто-то ему втравил, что там орлы спариваются, ну и Пило чуть ли не с подозрной трубой их караулил, – посмеивался эльф.

- ...увы, меня подстерегала неудача. Многие отчаялись увидеть отважного Ройса живым, но только не я. Я продолжал ждать и верить, что наступит день, когда мы снова соберемся все вместе. И видят боги, я не прогадал...

- Ага, в лагере уже ставки стали делать. Мы, конечно, ставили на тебя. - Только демоны знают, каких усилий стоило Русту сохранять серьезное выражение лица.

- ...и вот томительное ожидание закончилось. Мой брат приставил к нам новенького. - Пило, казалось, не замечал едких комментариев друзей. Он продолжал разглагольствовать и активно жестикулировать. - Сперва мы испытывали недоверие к этому юнцу, но теперь...

Младший кивнул, и у горла щегла скрестились клинки. Я же, обнажив кинжал, приставил его к кадыку незнакомца.

- Но теперь мы твердо знаем: что-то здесь не так, - закончил Пило.

- Слушай, а обязательно было комедию ломать? - спросил я, вглядываясь в глаза мечника. Там почти не было страха, только изумление.

- Ты хоть понимаешь, как скучно таскаться в рейды по Нимии, когда все нормальные разумные разбивают зимовье? - вздохнул Пило и тоже обнажил свой бастард. За это время мы уже успели обезоружить щегла, тот даже не сопротивлялся. - А так хоть какое-то развлечение.

- Опасное развлечение, - покачал я головой. - Может, объяснишь, что к чему? А то я не до конца в теме.

- Да нет проблем. Старший действительно приставил к нам новенького, для полного комплекта, так сказать. Вот только знаешь, почему парнишку перевели? Да он весь двадцатый десяток на койки к костоправам отправил! И за что? За то, что те скверно выражались о приписных.

- Лэр не имеет права словом или делом порочить деву, - отчеканил юноша.

- Ой да заткнись ты, - прошипел Руст. - Сил уже нет, даже наставления Ушастого не так донимают.

- Во-во, - поддакнул Пило и присел на пень. - Короче, почувяли мы что-то неладное, но виду не казали. А непонятки все продолжались. Представь себе, это тело представилось Лином. Якобы безотцовщина, что не очень-то и удивительно. Мы, понятное дело, не поверили, но опять же виду не подали. Первая нестыковка возникла, когда этот щегол прочитал перехваченное донесение нимийцев. Ха, читающая безотцовщина! Да я скорее демонам душу продам, к тебе, Ройс, это не относится, чем поверю в такую глупость. Буквально через день мы наткнулись на группу разведчиков, и Лин завалил троих, причем тремя разными стилями боя! Да я такого отродясь не видел! Решили спросить, как подобное может быть.

- И что?

- И то! Наш сирота заявил, что якобы странствующий мудрец, забредя в их деревню, обучил сорванца всем известным ему премудростям.

- Так и сказал? - поразился я.

- Так и сказал.

Я даже слов не находил, чтобы описать всю степень моего офигевания, по-другому это состояние и не назовешь. Использовать столь избитую «легенду», которая уже стала притчей во языцех... Нужно быть либо отчаянным храбрецом, либо таким же отчаянным глупцом, а может, все вместе взятое.

- И что ты думаешь? - спросил я у скучающего Пило.

Тот обнажил кинжал и стал им чистить зубы. Дурная привычка, которой страдали почти все разведчики. Солонина имеет ужасную особенность - она постоянно застревает в зубах, и уже через несколько приемов пищи тебя начинает преследовать эфемерное чувство, терзающее десны.

- Есть несколько предположений, - сказал Младший. Надо отдать должное щеглу, он не мешал нашей беседе. - Но хотелось бы послушать, что скажешь ты. Как-никак свежий взгляд и все такое.

Логично. Оглядев паренька, я применил все доступные мне знания. Итак, что мы имеем? Для начала объект нужно рассматривать как потенциальную «бутылку», так расширятся рамки обозримой картины. Наша первая встреча показала, что юноша весьма неплохо владеет клинком, да и его рефлекс, скорость реакции и подготовленность оставляют позади большинство знакомых мне воинов. Значит, учили с детства, и скорее всего учил не один наставник, а поработала целая когорта. Далее - безукоризненный говор. Ни западающих гласных, как, например, у меня, ни рычащих ноток, как у того же Щуплого. Соответственно преподавали риторику и пение. Движения плавные, но уверенные, руки грубые, но мозолей нет. Следовательно, тяжелой рутинной работой не занимался, а тренировки с мечом чередовались с танцами.

Знает этикет и уверен, что каждый «уважающий себя лэр обязан ему следовать». Это говорит об отсутствии жизненного опыта и дефиците общения. Ну и напоследок - он не боится даже сейчас. Это не уверенность в своих силах, а скорее уверенность в том, что смерть его будет не напрасна.

- Аристократ, - выдал я свой окончательный вердикт. Пило покивал, показывая, что пришел к тем же выводам. - Скорее всего из самого рода - представитель семьи не обладал бы частью подобных навыков. И тем более не дворянин. Эти бы ни за что не сунулись в подобную авантюру. Им подавай чины, посты и прочее.

- Ты еще не знаешь, что он на нескольких языках болтает, - сообщил Руст. Одной рукой он придерживал парня, а другой играл со своим кинжалом.

- Что только подтверждает наши опасения, - сказал Ушастый. - Остается лишь один вопрос: что делать-то будем?

- Если бы вы... - хотел вставить щегол, но его перебил Пило, давший очередную распальцовку:

- Предлагаю продать.

- Принимается, - кивнул я. - Только тащить больно далеко, да и тяжелый он. Видать, отъелся на казенных харчах.

- Дык это не проблема, - подхватил эльф. - По горлышку чик - и одну репку сдадим.

- Не, - протянул Руст. - Задохлого меньше дадут. Предлагаю срезать все лишнее, ноги, руки.

Все в расход.

- Послушайте...

- Да он у нас кровью изойдет, - заметил я. - Может, носилки соорудим? Гуманнее как-то.

- Может...

- Еще потеть из-за него, - скривился Младший. - Щеглина нас, значит, подставляет, а мы носилки сооружать.

- Я не...

- Тогда выступаю за расчлененку, - кровожадно улыбнулся я. - Кстати, можно проголосовать.

- Да послушайте же вы меня! - на всю округу завопил парень. Мы, олицетворяя собой апогей разбойничества, в ожидании уставились на юношу. - Не аристократ я.

- А кто же? - изогнул бровь Пило и с характерным звуком убрал кинжал в ножны.

- Ну-у-у...

- Молодой человек, - вздохнул я. - У меня рука уже затекла, так что не тяните кота за... хвост.

- Принц я, - понурился парень и как-то погрузтел. - Обычный принц.

Мы переглянулись. У каждого на лице читались недоверие и тень страха. Не перед возможным титулом, а перед возможными последствиями нахождения в обществе подобной особы. За принцами и принцессами охотятся не хуже, чем за драконами, коих осталось несколько сотен на весь Ангадор. Как раз по штуке на кровника. Почему у нас проблемы? Да все очень просто. Сбежавший принц - это в первую очередь удар по правящей династии, тут же начнутся волнения в простом народе, а дворяне и некоторые аристократы с радостью используют этот шанс для извлечения выгоды. Но умный правитель и его безопасники просто слегка повернут ситуацию - и вот уже принц не сбежал, а его, например, украли страшные наемники, чтобы под шумок продать нимийцам. Тут уже можно пришить и измену родине - имеющим гражданство наемникам, и нарушение присяги - всей армии. Так что засада еще та.

- Режем? - предложил Ушастый.

- Режем! - хором ответили мы.

- Да постоит вы, - вздохнул щегол. - Я действительно принц, и зовут меня Константин дель Самбер. Да не простят меня светлые боги, если я соврал, не видать мне перерождения, если есть хоть капля лжи в моих словах, да примут меня к себе темные боги, если я пытаюсь вас обмануть.

Мы сели. Вернее, Пило и так сидел, как и я, а вот эльфа и Щуплому не повезло, они шлепнулись на снег и синхронно возвели глаза к небу.

- Сириэй са'ам лун! - матюгнулся Ушастый.

- В чем я провинился, что боги меня так наказывают? - причитал Руст.

- Отставить ныть! - рявкнул Младший. - Думать надо, что делать, и как из этого дерьма

выбираться. Какие будут предложения?

Все задумались, даже принц. Ему сейчас самое то – извилины поднапрячь и найти выход из ситуации, в которую он нас окунул по самую макушку. А если честно, я уже начинаю скучать по уюту безмолвных пещер.

- Может, Старшему доложим? – предложил Щуплый. – Пусть он и кумекает, что да как.

Мы посмотрели на него как на больного.

- А что? – пожал плечами Руст.

- А ничего, – передразнил я. – Он-то, понятное дело, разберется, вот только ты давно нагоняй от него не получал? Ему будет все равно, кого виноватым выставлять, а уж когда об этом прознают штабные, а они прознают, то придется нам сквозь строй проходить. И это в лучшем случае.

- Можно действительно нимийцам продать, – сказал эльф. – Но потом придется драпать на Закатный архипелаг.

- Короче, дело ясное, что дело темное, – вздохнул Пило.

Мы все тоже вздохнули.

- Эй, принц доморощенный! – окликнул я императорского отпрыска. – Сам что по этому поводу думаешь?

- Я понимаю, что подставил вас, и прошу прощения за это. Но поймите меня, нет сил сидеть в золотой клетке, когда вокруг столько всего происходит. И вы бы знали, как надоело видеть нахальные рожи дворян и безразличные физиономии аристократов. Как бесит, когда в твоём доме плетутся нескончаемые интриги, а сам ты выступаешь в роли ценной фигуры, не более того. Я просто хотел подышать чистым воздухом, пожить настоящей жизнью!

- Ты в следующий раз выбирай другое место проживания, – усмехнулся я. – А то не ровен час эта самая жизнь очень резко оборвется. Ладно, с этим понятно. А что ж ты так сильно светился?

- Ну... – опять засмутился парень. Суший пацан, что тут скажешь. – Меня обучали многому, но еще в детстве я сорвал несколько мероприятий, и отец дозволил мне не появляться на торжественных приемах и балах. Иногда я, конечно, выходил в свет, но лишь на десять минут, дабы засвидетельствовать свое почтение семье. Так что получается, я, кроме как с братьями, сестрами, родителями да наставниками, ни с кем больше не общался.

Я хлопнул себя ладонью по лицу. Остальные секунду спустя оформили точно такой же жест.

- Ну и что нам делать с этим перцем? – в который раз вздохнул Пило.

- Резать – не вариант, – взгрустнул Руст.

- Продавать тоже, – кивнул Ушастый.

- Придется держать при себе, – подвел я итог.

- Рисуем, – не унимался Пило.

- Не то слово, - согласился я. - Но и выбора особого нет. Так что предлагаю следующее - оставляем все как есть, а то, что произошло сегодня на этой стоянке, останется строго между нами. И если серьезно, то пятый нам реально нужен, а щегол вроде неплохо мечом машет. Во всяком случае нас ненароком не порежет, чего не скажешь про остальных рядовых да и некоторых офицеров. Единственное, что меня беспокоит, - днищем чую, спалит нас принц своими манерами. Пусть в обществе помалкивает, да и вообще не отвечает.

- А если поляжет? - напомнил Младший.

- Не стоит беспокоиться, - огрызнулся щегол. Ого, однако ж внезапно. - Я сумею за себя постоять и вас не подведу.

- Вот видишь, - улыбнулся я. - Ну а случись такое, так с нас взятки гладки, да и тапки в пол прижать успеем.

- Авантюра, - причитал эльф. - Сущая авантюра. Мы рискуем не только жизнями, но и перерождением. У его императорского величества найдутся умельцы. Ох, парни, это не просто дерьмо, это целая выгребная яма.

Помолчали. Подумали. Но лучшего варианта все равно не нашли. Да и как тут что-то придумаешь, когда в голове ветер дует? Шок все-таки, да и неожиданность еще какая. Будь парнишка аристократом, отвели бы в штаб, нам бы устроили нагоняй - и все дела. А тут принц крови. Да нас сгноят в застенках и будут в своем праве.

- Принц, ты хоть понимаешь, как сильно нас подставил? - статью в голосе звенел Пило. Если надо, он и не такое может. Да и все мы просто носим маски раздолбаев и лентяев, так жить проще.

- Да, - кивнул щегол. - И прошу меня простить за это.

- Простить! - рассмеялся Пило. - Никогда бы не подумал, что у меня будет просить прощения сын императора. Ладно, демоны с тобой, выбора у нас нет, остаешься в отряде. Попытаемся сохранить в тайне твое происхождение. Но учти, рисковать ради тебя никто не станет, нет доверия к тебе. В общем, твои обязанности такие: в дозор уходишь третьим, вся готовка на тебе, авангард тоже твой. Если видишь кого-то не из нашего отряда, затыкаешь говорилку и, как сказал Ройс, не отвечаешь. Боги пожелают - пронесет.

- Я понимаю, - посерьезнел Константин. - И обещаю, что не подведу.

- Видно будет, - вставил я. - Ты нас уже подвел, а что будет дальше...

- Ладно, хорош языки полоскать. - Пило, хлопнув по коленям, поднялся и зашагал к лошадям. - Надо в лагерь возвращаться. Проблемы проблемами, а обмыть живучесть Ройса просто необходимо.

- Так бы сразу, - заулыбался Щуплый.

- Вот это по-нашему, - согласился эльф.

- Вы, надеюсь, мою кружку не потеряли? - Это меня действительно сильно волновало. Я за нее свои кровно заработанные заплатил.

Так, перешучиваясь, пытаюсь хоть как-то отвлечься от не самых радужных перспектив, мы

дошли до кустов, к которым были привязаны лошади.

- Шурка! - крикнул я и засмеялся, не от того, что старый друг принялся меня облизывать (совсем как пес) и ржать, а потому что его кличка очень сильно играла на фоне имени принца.

- Спасибо вам, - еле слышно прозвучало за спиной, но мы услышали и обернулись. - Спасибо, - повторил Самбер. - За то, что не стали вести себя как остальные.

Мы вновь переглянулись. Где-то в глубине души я зауважал этого паренька. Все-таки нужно обладать немалой твердостью, чтобы решиться на подобный отчаянный шаг, а может, он просто дурак...

- Авось и выйдет толк, - усмехнулся эльф, запрыгивая в седло.

- Кстати, народ! - вскрикнул Руст и хитро прищурился. - Надо же кличку придумать нашему новобранцу, а то не дело это.

- Пусть будет Принцем, - улыбнулся я. - Спрячем, так сказать, на самом светлом месте.

- А пускай, - в отчаянии махнул рукой Младший и прищипорил животинку. - Чему быть, от того и демоны не уберегут.

Таким образом, наш отряд, увеличившись числом на одного разумного, стал воистину самым странным отрядом за всю историю наемников Империи. Цокнув языком, подавая сигнал Шурке, я взглянул на приветливо мерцающие звезды. Иногда мне кажется, будто небесные огни действительно живые, они чувствуют и понимают, но в основном глумятся. Так и сейчас полная луна заигрывала, высываясь из-за облаков и пуская серебряные лучики света.

Сегодня был один из самых насыщенных дней. Утреннее приключение с Сильвией, которое оставило странный осадок, сменилось на неожиданную, но долгожданную встречу с друзьями. Потом уход Сильверстоун - и вновь осадок, такое чуть ноющее чувство, которое обычно испытываешь, когда теряешь дорогую тебе вещь. Нет, я не сравниваю волшебницу с вещью, просто провожу параллель. Никогда еще не было такого, чтобы я жалел о расставании с девушкой. Жизнь - она такая, ты кого-то встречаешь, но потом рано или поздно наступает момент, когда нужно отпустить либо тебе, либо тебя, и я не вижу смысла каждый раз горевать. Но тем не менее что-то стало подтачивать меня изнутри.

Может, так откликается поглощение сознания четырнадцатилетнего паренька? Или год рабства? А может, я просто устал, по-человечески устал? Когда безусые юнцы мечтают о приключениях, они не думают о крови и грязи, им неведома боль от разорванной раны. Их не заедал гнус, им не приходилось жевать каменный хлеб, запивать его тухлой водой и спать под проливным дождем. Они не теряли сознание на многокилометровом марше и не заливали память о погибших товарищах. У юнца в мечтах всегда есть верный друг и любимая женщина, причем если не принцесса, так дочь архмагистра, ну или эльфийка. Его меч разит, не зная усталости, и сотни врагов омоют кровью путь к славе и богатству.

В очередной раз показавшись из-за туч, лунный лучик скользнул по глазам, как бы говоря: «Ты совсем ополоумел или тебя после утреннего марафона глючит?» И, демоны меня задери, этот лучик прав! Нет мне дела до мечтающих юнцов, к коим относится этот принц, собственноручно положивший наши головы под острое лезвие гильотины. Что мне это тянущее чувство глубоко в груди? Все, что у меня есть, - это два кинжала, счет, на который потихоньку капают деньги, конь да заплечный мешок. Придет время, и я расстанусь с друзьями. И видят боги, наши дороги скорее всего уже больше никогда не пересекутся. А значит, цель проста - я все так же

хочу увидеть весь мир. Нет мне дела до дворцов и балов, не нужны драгоценности и золото, на кой ляд мне власть и влияние? Путь в другой мир подарил мне билет, дающий уникальный шанс посетить земли орков и побывать в царстве гномов. Увидеть величественные строения темных эльфов, посидеть в тени роц их лесных собратьев. Выпить с корсарами южных морей. Заночевать в чайном доме восточных мудрецов, пронзающих своим разумом время и пространство. А еще где-то на Ангадоре есть море, но вместо воды там вечно зеленая трава, холмы заходятся волнами, а на небе под пение птиц и свист ветра из облаков выползают летающие острова. Когда есть возможность увидеть столь прекрасные земли, зачем растрачиваться на секундную суету!

Впервые за все время, что живу в другом мире, я посмотрел на ночное светило, но в этот раз не опустил голову, не прикрыл веки, а с гордостью выдержал насмешливый взор луны. Однажды меня охватит тоска по дому, сердце обольется кровью, когда я вспомню друзей из обоих миров. Старые кости затрещат на ветру, а в кармане не будет денег даже на ночлег. Это будет однажды, но не сейчас. И пока этого не произошло, я буду жить так, будто бы завтра уже не наступит. А учитывая, что это действительно может произойти, и напрягаться особо не надо.

- Ну что, разобрался в себе? - подмигнул подъехавший эльф.

- Еще бы. - Я подмигнул в ответ. - И в этот раз даже без твоих намеков.

- Хо! - протянул Ушастый. - Блуждания во тьме приносят свои плоды?

Ох уж этот лучник и его двусмысленные фразочки.

- Без нее я бы не вышел на свет.

- Ну, - прищурился друг. - Не все то свет, что сменяет мглу, но движешься ты в верном направлении.

- Хей! - крикнул Пило. - Поднажмите, не на прогулке ведь.

- Что прогулкой ты зовешь? - вновь подмигнул Ушастый и затянул старую песню: - Жизни пути неведомы нам, где есть развилка, там есть и обход, прогулкой звать...

- Понеслась! - хором вскрикнули четыре (!) наемника.

Глава 12

Тиха нимийская ночь

Дзинг! Кинжал соскользнул с клинка Принца, и я чуть не пропустил удар в бок от Пило.

Дзанг! Изогнувшись, я пропустил по плоскости младшего кинжала бастард капитана и разорвал дистанцию.

Поняв, что я вне зоны досягаемости, Принц развернулся и надел на второго фехтовальщика. Пило уклонился от прямого выпада и, крутанувшись на одних пятках, ударил наотмашь и также разорвал дистанцию. В итоге мы сформировали подобие треугольника. Переглянувшись с Младшим, мы вдвоем ринулись на Принца. Первым атаковал капитан, его бастард вновь изломанными зигзагами рванулся к ключице противника. Самбер отклонил выпад и, сделал широкий шаг вперед, пропустил капитана себе за спину. Тот по инерции сделал еще два шаркающих шажка и оказался вне зоны досягаемости. Тут же, пока Константин не

восстановил равновесие, я рванул в низком выпаде, длинный кинжал устремился в бедренную артерию, а короткий, лежащий в обратном хвате, был готов отразить любую атаку.

Принц поставил жесткий блок, зазвенела сталь, и я отскочил на полшага назад. Через мгновение засвистел воздух, и сбоку вынырнул Пило. Он согнул ведущую руку в локте и выполнил три прямых выпада, один из которых задел мое плечо, другие я успешно отклонил. И меньше чем через удар сердца мне пришлось уходить перекатом от вероломного нападения Принца, решившего ударить со спины. Но последний не особо огорчился пропаданием цели и стал атаковать капитана.

Зазвенели два бастарда. Пило был быстрее и опытнее, Константин – искуснее и талантливее. Самбер сменил стиль боя, и на секунду его движения стали столь же изломаны, как и у наемника. Но все-таки такой бой был стихией Младшего. Он сделал шаг вперед, пропустил рубящий удар всего в миллиметре от плеча и ударил Принца коленом в живот. Самбер согнулся и тут же получил апперкот левой. Когда Константин по широкой дуге отлетал куда-то в кусты, в воздухе еще висел кровавый мостик – все, конец носу.

Пило обернулся ко мне, но не тут-то было. Мне дали целых полторы секунды на приготовления. Гигантский срок. Нырнув в «скрыт», я использовал ускорение на полную катушку. В висках колоколом била бурлящая кровь. «Серфер» в первый раз получился у меня с сезон назад, и теперь я использовал его не только как маневр отступления, но и как возможность молниеносного нападения.

Оказавшись за спиной у наемника, я по закону жанра ударил ногой с разворота, целя в голову. Пило присел, уклоняясь от удара, и сразу же ушел в перекат, а всего через миг ринулся в стелющемся выпаде. Его меч снова зашелся зигзагами и полетел прямо мне в горло. Приняв удар на скрещенные кинжалы, я сделал шаг назад и влево, увлекая противника за собой и используя инерцию удара против него самого. Пило упал, а я приставил клинок к его горлу.

- Общий счет побед. Принц – пять, Младший – девять и абсолютный чемпион специального отряда наемной армии «Пробитый золотой» – Зануда, тринадцать побед! – вдохновенно произнес я.

- Фаф не фефно, – возмутился Костя, выползая из кустов и держа у носа тряпку, уже почти полностью пропитанную кровью. – Фы офяф фулнифал.

- Кажется, щегла надо подлатать, – задумчиво протянул Пило, все еще лежащий на земле. – И не мог бы ты убрать колено с моей спины?

- Ах да, прости, – опомнился я и, встав с капитана, зашагал к раненому. – Руки убери.

Самбер выполнил приказ-просьбу – все же я старше его по рангу, он у нас вообще вроде как дух. Из носа тут же веселыми ручейками побежали две струйки крови.

- М-да. Беда. Ну терпи, что ли.

Пока Принц не успел опомниться, я схватил его лицо, зажал большими пальцами свороченный хрящ и одним резким движением вернул на место. По поляне пронесся столь оглушительный хруст, что мне на миг показалось, будто неподалеку рухнул вековой дуб. Но парень даже не зашипел, только глаза предательски покраснели.

- Спасибо, – поблагодарил новобранец и вернул тряпку на место.

- Да не за что, - отмахнулся я и, пошарив на поясе, отыскал нужную травку. Скептически взглянув на повреждения и на лекарство, я все же протянул пучок пострадавшему. - Разжуй, потом выплюни и в ноздри забей.

Принц, не споря, схватил пучок забой-травы, кинул в рот и активно заработал челюстями.

- Ты уверен? - прошептал мне на ухо подошедший Пило. Он уже отряхнулся, и напоминаний о нашей разминке практически не осталось.

- Другого столь же сильнодействующего лекарства у меня нет, - пожал я плечами.

- Дело твое. - Младший зевнул и потянулся. - Давайте-ка в лагерь возвращаться, а то на работы опоздаем.

- Работы-ы-ы-ы, - вздохнул я и понуро поплелся за капитаном.

Ну, теперь стоит рассказать все по порядку, начиная с нашей попойки в честь моего возвращения и заканчивая забой-травой.

Скажу вам по секрету: пить гномовскую настойку на холоде, пусть и не сильном, - то еще удовольствие. И я не удивлен тому, что потом мы нашли почти окоченевшего, сыплющего проклятиями Руста в сугробе. И почему-то Ушастый убеждал нас в том, что некий Ройс пытался сварганить снеговика. Избавившись от похмелья, наш отряд выдвинулся к перевалочной стоянке северного фронта. Старший принял известие о моем возвращении практически без энтузиазма, правда, отметил, что те трое нимийцев в общий зачет не идут. Я особо не спорил. Вечером у костра случилось продолжение банкета, но с бо?льшим количеством действующих лиц. Кто-то из наемников праздновал свой выигрыш на ставках, другие выпытывали у меня историю походов в пещерах, третьи заливали проигрыш.

Наутро у меня так сильно болела голова, что я послал всех очень далеко, и до самого следующего рассвета меня никто не тревожил. Чтобы хоть как-то утихомирить штормящее сознание, я погрузился в себя. Меня приветливо встретили энергоканалы, и весь день я провел, укрепляя связь с источником. Проще говоря, предавался медитациям. В принципе на этом небольшой отпуск закончился.

Вскоре подошли обозы, и армия снялась с места. Куда мы шли, знали лишь высшие офицеры, а сам Старший молчал как партизан. Стоило начать расспросы, как в ту же секунду тебя отправляли в дальний рейд. За полтора сезона наш спецотряд провел в строю всего декаду. Все остальное время мы как угорелые носились по всему северу Нимии. Иногда сталкивались с настоящими партизанами, их приходилось резать. Не особо-то это приятно. Убивать неприятно в принципе, а когда против тебя выходит желторотый пацан с дреколем, так и вовсе гнусно. Но делать нечего, повернешься к нему спиной - и в тот же час у тебя в теле появится лишняя дырка.

С приходом середины зимы и сильных морозов партизаны исчезли, вернее, затаились, а им на смены пришли «белые воротнички». Ну, это я их так назвал, памятуя о своем хобби псевдопервооткрывателя. Вражеские диверсанты кутались в белые плащи и измазывали лицо каким-то белым веществом, отдаленно напоминающим известняк. Встречали мы их редко, в основном потому, что ими занимались похожие подразделения служивых. Но пару раз схлестнулись. В итоге Руста постигла участь Молчуна - он лишился глаза, а у меня теперь по всему левому предплечью тянется широкий шрам с рваными краями. Трав и тем более грибов не было, и лечили по старинке огнем и нитками. Боль была еще та, а учитывая, что в качестве антисептика мне сливали на рану весь алкогольный запас отряда... Потом дня четыре в бреду

валялся – можно сказать, личный рекорд. В дальнейшем мы издалека из арбалетов напшиговывали сталью практически каждый сугроб, и нам было не в лом слезть с коней и подобрать болты. Жизнь-то всяко дороже будет.

Но прошли заморозки, холодный северный ветер сменился на теплый южно-восточный, в лесу зазвучала капель, и «белые воротнички» сменились летучими отрядами. До этого я наивно полагал, что конные стрелки существуют только в степях. Увы и ах, но это не так. И в этом я смог воочию убедиться, когда наемников, шедших в авангарде армии, серьезно подранили такие вот налетчики. Вскоре на них объявили охоту, а за каждый скальп (в прямом смысле слова) выдавали по одному серебряному. Пило, которому нужны были деньги на свадьбу и прочее, гонял нас за этими молодчиками с остервенелостью демонов-охотников. Он даже присоединил к отряду на некоторое время еще человек десять, чтобы повысить эффективность действий.

В итоге мы неслабо разжились серебром и загнали служивым несколько добротных лошадок – нам они ни к чему, а обозники легионеров чуть ли не аукцион объявили. В целом за всю предвесеннюю охоту мы получили по чуть больше двух золотых на брата, весьма недурственная халтурка.

Когда же сошли снега, мы таки узнали цель похода северной армии. На горизонте замаячил древний город-крепость Мальгром. Некогда он был крепостью святых паладинов тогда еще Великой Империи. Но пала Великая, заменившись на просто Империю, да и какая там империя, когда страна не больше Ленобласти. Вокруг крепости стали появляться дома, вскоре проложили улицы и дороги, ну и возвели высокую, как положено в приграничье, стену. Так и получился город-крепость. Непреступный и пугающий. Вообще как-то странно выходило: глядя на многометровую неприступную стену, страх испытывал только я, другие – лишь беспокойство. В итоге в отряде стало традицией подшучивать надо мной, когда я просыпался от кошмаров. В них мне чудились кровожадные монстры, по недоразумению называемые паладинами. В алых от пролитой крови доспехах они голодным пламенем шествовали по высоким одиноким башням, топили в крови маленькие городки, где отсутствовал даже земляной вал. А уж сколько деревень они сожгли... Я не знал, что со мной происходит и почему меня так страшит этот великан, но выход нашел. Пришлось покопаться в памяти и на несколько дней взять отгул. Их у меня уже порядочно накопилось: когда народ гулял по приписным, я занимался с Нейлой, и вот теперь появился повод свалить.

В оживающем весеннем лесу я пополнил запасы трав. Собрал немало ингредиентов для парочки ядов, которые по привычке всегда носил с собой. Также собрал и лекарственные травы, но самое главное – растения для особого чайного настоя. Что-то вроде релаксанта: выпьешь – и спишь себе без снов. Один минус: когда заканчиваешь прием чайка, то с декаду спать нормально не можешь. Но это того стоит. Жертвуя волчьим сном сейчас и здоровьем в будущем, я избавлялся от сущей пытки.

Стоит взять отступление. Обозник, проигравшийся на известных ставках, не решился расстаться с кровными и пошел на бартер. Не знаю как, но Пило, когда увидел то, что отдает обозник, решил сделать подарок другу. В итоге я стал обладателем коричневого пояса с кучей отделений для колб и двумя кармашками. Честно скажу, обрадовался вещичке, как пацан, тут же нацепил и стал забивать отсеки. Вместо колб заправил склянки с полезными зельями, потом присобачил ножны для кинжалов, в один из кармашков положил лечебную траву, а другой оставил пустым на всякий случай. И совсем недавно такой случай подвернулся.

Мы искали место для ночлега, возвращаясь из ближней разведки, и так получилось, что я выбрал в качестве стула трухлявый пенёк, на котором, о боги, росла желтоватая трава в черную

крапинку. Вопреки закону природы, согласно которому то, что яркое, – смертельное, она была не ядовитой, а совсем наоборот... Ну, может, я чуть лукавлю. Не зря же ее называют забойной. Лечит она действительно прекрасно – сок, выделяемый травой, увеличивает скорость регенерации клеток. Впрочем, побочный эффект тоже имеется. Я никогда не ел печенье с марихуаной, но в принципе последствия того и другого очень схожи. Разве что трава бьет сильнее, но и отпускает быстрее.

С приближением погожих дней я решил, что нужно увеличить объем нагрузок, и стал тренироваться еще усерднее. Вскоре ко мне подключился Младший, и мы часами пропадали на своеобразных спаррингах. Обычно когда тренируешься с боевой сталью, действует правило «меч в меч», то есть атакуешь не противника, а его клинок, это позволяет снизить риск ненужных ранений. Но поскольку мы оба были уверены в своих силах, то напрочь игнорировали все сложившиеся устои и махались в полную мощь. В какой-то день к нам присоединился Принц. Так и получилось, что мы сражались втроем. Было единственное правило – каждый сам за себя. Зачастую получалось, что двое объединяются и насаждают на оставшегося, потом пара меняется, и так по кругу. Побеждает тот, кто останется на ногах. Поскольку я был самым беспринципным, самым хитрым и жестоким (это все слова Самбера), то и победы чаще всего доставались мне. Хотя здесь играло роль другое. Будучи немного необычным воином в привычном понимании этого слова, я старался отработать науку Добряка. Нет, становиться Тенью я не надумал, но бросать дело на полпути не хотелось. Так что я принялся отрабатывать «серфер». Меня коробил тот факт, что такой прием приходится оставлять только для отступления. Я просто не мог понять, почему с его помощью нельзя атаковать, ведь это так очевидно. Но очевидно или нет, а на меня наложили не один шов, пока я научился правильно выполнять эту технику. Приходилось выжидать момент, когда Пило разберется с Принцем, и действовать точно так же, как сегодня. В общем, получалось не всегда, поэтому Пило и имел в своей копилке немалое количество побед.

Но вернемся к нашим работам. Как я надеялся, что осада замка будет отличаться от земной! Как мечтал, что в бой пойдут маги и осыплют неприятеля градом заклинаний и прочей магической шелухи! Но демоны и ныне там. Маги действительно обрабатывали Мальгром, вот только толку от этого... Короче, все равно придется осаждать по всем правилам, и по этим самым правилам мы уже полсезона сидим под стенами города. Понятное дело, никого не выпускаем, кроме парламентаров, и никого не впускаем. Чем же занимались маги? О, у них весьма ответственная задача – называется «сделай вид, что ты работаешь». А если серьезно, то они пытались взломать защитный купол города, и вот в чем вся фишка. Этот купол не пропускал вражеские плетения, как и собственные (то есть со стороны города в нас ничего волшебного не летело), но вот физические объекты пропускал свободно. А как известно, физический объект – это не только человек, так что требушеты и катапульты здесь были в ходу. Иногда здоровенные булжники металы и сами маги. Встав группкой из десяти человек вокруг снаряда, отправляли его в полет. Плюсы такого маневра в том, что волшебники били прицельно. Но и в городе ведь не каменные статуи живут. Я уже привык к тому, что со стороны Мальгрорма время от времени появляется стремительно растущий черный круг и неподалеку падает здоровенный валун, унося с собой жизни пары десятков разумных и разрушая постройки. Кстати, именно эти постройки и стали нашей работой.

Штабные, заплатив наемникам, отправили тех в леса за стройматериалом, а потом, заплатив еще немного, поручили все тем же наемникам и сами строительные работы. Так что теперь мы, взяв в руки топоры, пилы и прочую снаряду, шли в леса и рубили, рубили, пилили и снова рубили. Потом таскали в лагерь, где под руководством служивых инженеров строили, строили, лечили ушибы, вытаскивали занозы, протыкали мозоли и снова строили. Так мы на безопасном расстоянии уже успели воздвигнуть несколько осадных башен, два требушета и сотню длинных

приставных лестниц. Катапульти, если верить начальству, подвезут со дня на день, и тогда мы рванем в атаку. Вернее, пойдём первой волной.

Самое обидное, что у меня через две с половиной декады истекает договор, а денег я скопил всего двести восемьдесят золотых, не считая итоговой зарплаты. Единственной возможностью «догнать» сумму я видел в разграблении Мальгрёма. Но служивые не торопились, да и куда им. По донесениям, южный фронт, так же как и мы, уперся в город-замок, не позволяющий пройти в глубь страны. Сражался один лишь центральный, но и он только-только снялся с зимовья, так что повсеместно наступило затишье, что меня не радовало. Время-то поджидает. И к работам, хотя я их уже ненавижу всеми фибрами души, а особенно терпеть не мог протыкать раскаленной иглой бесконечные мозоли, я приступал с непоколебимым усердием и редко когда выполнял меньше чем двойную норму.

- Миледи, у меня не очень много опыта, но я решусь предложить вам свою руку на этот танец.

Обернувшись на слащавый голосок, я заметил, как Принц, подойдя к березе, отвечает ей галантный поклон, затем левой рукой обхватывает ствол, а правую кладет на ветку:

- Моя дорогая, не стоит смущаться, давайте уже танцевать.

Я посмотрел на Пило, но тот сидел на корточках и, держась за живот, пытался протолкнуть в легкие хоть немного воздуха.

- О несравненная, вы просто великолепны. - Кажется, Принц видел просто потрясные глюки, не зря же он юлой вертится вокруг дерева.

В итоге я оказался в весьма незавидном положении. С одной стороны - Младший, судорожно дергающийся на земле от хохота, с другой - Самбер, самозабвенно совращающий молоденькую березку. А что делать мне? Обмозговав эту ситуацию, я подошел к щеглу и рывком отдернул его от многотрадной флоры.

- Ройс, мой добрый друг, я рад видеть тебя на этом празднике жизни. - На лице новобранца сияла медовая улыбка, а в пустых глазах сияли мечтательные огоньки. - Так что же мы стоим? Смотри, как много прекрасных дам вокруг!

Учитывая, с каким вожделием Принц рассматривал рожицу, я сделал самый простой вывод - у парня те же проблемы, что были и у меня три сезона назад. Вот только ему много хуже. У меня хоть сохранились воспоминания о жизни на Земле, а Константину приходится довольствоваться грезами.

- А-а-а-а! - выдал капитан и снова согнулся в очередном приступе хохота. - Сделай уже что-нибудь! - протолкнул он сквозь смех.

- И доблестный Пило здесь! - восторженно крикнул сын императора. - Леди, не стоит так толпиться, нас хватит на всех.

Возведя глаза к небу, будто ища у небесной лазури ответ на вопрос, за что мне такие страдания, я четким отработанным движением ударил припадочного в висок. Глаза Самбера закатились, руки обмякли, и он потерял сознание. Все это время на земле в истерике бился наемник.

- Завязывай уже, - проворчал я и походя пнул его ногой.

Однако Принц оказался весьма тяжелой особой, и тащить его нам пришлось вдвоем. Повиснув у нас на плечах, щегол иногда издавал совсем непонятные звуки, о потаенном смысле которых можно было лишь догадываться.

- Вот так всегда, - утирая свободной рукой выступившую слезу, вздохнул друг. - Накосячите, а мне отдуваться.

- А кто намерен завязал узлом спящему Старшему усы? - как бы невзначай спросил я. - И из-за кого мы до самого вечера проторчали на стройке?

- То был акт благородного возмездия, - возразил товарищ и чуть не запнулся об корешок. Вовремя уклонившись, он чуть не уронил Принца, отчего тот издал уж совсем непотребный возглас. - Демонова трава, у тебя действительно не было чего-то другого?

Взглянув на кармашек, я отвел глаза в сторону.

- Нет, конечно, - пробурчал я.

Пило сощурился и сказал:

- В следующий раз эксперименты ставь в более подходящей обстановке.

- Конечно-конечно, - покивал я. - Кто бы спорил.

Наемник вздохнул, но ничего не ответил. А ведь в кармашке на поясе действительно лежала и другая травка, но ее действие я знал назубок, а вот забой-трава оставалась до недавнего времени пробелом в моих знаниях, и раз уж подвернулся столь удачный повод ею воспользоваться... В конце концов парню ведь помогло, кровь-то уже не идет. А вообще с Принцем не так много проблем, он оказался вполне нормальным парнем - с определенными законами, но нормальным. Несмотря на нехватку опыта в общении, умел поддержать беседу, неплохо дрался как кулаками, так и клинком, что немаловажно, ну и не прочь был подурачиться наравне со всеми, что является самым важным фактором в определении отношений к тому или иному индивиду. Жизнь солдата, легионера или бродяги-наемника сера, скучна и однообразна, и если не устраивать розыгрыши по поводу и без, то впору волком завывать.

Иногда шутки заходили слишком далеко и наш отряд отправлялся отбывать справедливую кару - отработка без положенных медяков. Но такое происходило нечасто, всего пару раз за декаду. Однажды на нас с кулаками бросился третий десяток под руководством старожилы Ферада. Понятное дело, эти «вчерашние» крестьяне ничего не могли противопоставить опытным бойцам, но осадок остался. Да и нагоняй мы получили неслабый, а также, что самое неприятное, вычет из зарплаты. Это раньше я спокойно относился к таким «кнутам», наивно полагая, что соберу нужную сумму, но год заканчивается, а я все еще не дотягиваю до нужной планки. Служить же второй срок у меня просто нет ни желания, ни времени. Ройсу уже стукнул двадцать один год, а возрастной ценз в Академии имеет ограничение - от семнадцати до двадцати двух. Обосновывают сию несправедливость какими-то там псевдонаучными теориями о вибрации энергоканалов. Якобы если начать обучение в двадцать три, то, во-первых, толку чуть, а во-вторых, учащийся может перегореть.

И вот вырисовывается весьма нелицеприятная картинка. Время поджимает, денег по-прежнему не хватает, а команда «на приступ!» никак не поступает. Впрочем, я надеялся, что завтра, в крайнем случае через день, ее отдадут. Как-никак сегодня третий требушет достраиваем. А первые два под конвоем магов, держащих щиты, уже повезли на пристрел.

Кстати, откуда мы берем снаряды в лесистой местности, я не знаю, но говорят, этим заняты все те же волшебники.

Спустя полчаса мы добрались до нашей опушки, скинули Принца лекарям, которым было заявлено, что парнишка переутомился, схватили маленькие молоточки коленно-кустарного производства и отправились на стройку. Там уже всю кипела работа и шла жизнь средневековой стройки. Воздух, буквально пропитанный мельчайшей столярной пылью, резал глаза и легкие, по ушам били бесконечные крики, брань, нескончаемый стук и скрежет пил. Про запахи лучше вообще не вспоминать. Когда на вырубке собираются полтысячи мужиков и посменно работают день и ночь, не очень-то удивляешься, почему здесь птицы не поют, а любой непривычный к такому делу посторонний падает в обморок. Самое обидное, что местные категорически не желали мыться чаще чем раз в сезон, исключение составляли лишь аристократы, дворяне и солдаты. Последние – исключительно потому, что не реже раза в две декады отдавался приказ «водные процедуры», и ближайший водоем за десять часов превращался в болото, там дохли рыбы, гнила земля и так далее.

- Кто? Куда? – поинтересовался насквозь штабной паренек.

Спесивый – просто жуть, нос разве что небо не царапает. Пальчики длинные, почти костлявые, кожа – как у барышни на выданье, а руки не толще высохшей ветки. Но зато на поясе меч с эфесом из слоновой кости, а на форме – лычки старшего офицера. Понятное дело, дворянчик, скорее всего из тех, что побогаче. Вообще с этими дворянами-аристократами очень забавно получается. Аристократы – это те, кто к родам принадлежит, везде им уважение и почет, редко когда незаслуженный, а дворяне – зачастую сущий сброд. Нет, их верхушка мало чем отличается от тех, кто имеет приставку перед фамилией, но вот низы и середнячки – то еще говн... нехорошие люди. Мелочны, завистливы, наглы, алчны и весьма мстительны. Да и как тут будет по-другому, если наследный баронский титул стоит две тысячи золотых? И получить его может любой гражданин, были бы деньги.

- «Пробитый золотой», – вытянулся по струнке Пило. Как бы то ни было, а субординацию соблюдать необходимо.

- Подразделение? Отряд? – спросил офицер, доставая папку с бумагами.

- Разведка. Первый, – все так же чеканил командир. В принципе наш отряд не просто первый, он единственный, но кого интересуют такие мелочи.

Парнишка, сущий юнец, младше того же Самбера будет, порылся в бумагах, выудил оттуда листок, небрежно пробежался по нему глазами и надменно выдал:

- Для вас работы нет.

Мы переглянулись. В глазах Младшего, как, думаю и в моих, отражалась крайняя степень недоумения.

- Что-то еще? – не сказал-выплюнул офицер.

- Никак нет! – хором ответили мы и, вытянувшись, синхронно стукнули кулаком по груди.

Вырубку мы покидали со стремительностью пробки, известно откуда вылетевшей. Постепенно звуки за спиной все стихали и наконец окончательно смолкли. Над вопросом, почему нас вычеркнули из рабочих листов, я не особо задумывался. Обидно, конечно, что денег меньше получу, но такой поворот внушает надежду, что штурм совсем скоро. Правда... я же в осаде

вообще ни хрена не понимаю. Все познания ограничиваются фильмами, книгами и мутными байками бывалых сослуживцев. Мол, если первым по лестнице ползешь, будь готовым в любой момент спрыгивать, на голову может литься смола, жидкий огонь, могут сыпаться камни, да и в принципе, если ты на лестнице, – молись и будь начеку. Если посчастливилось на осадную башню попасть, тут уж ворон не считай, как можно быстрее отвоевывай зону себе на парапете и будь готов отступить, потому как с первого раза стену еще никто не завоевывал. Были, конечно, и такие случаи, но все они остались в легендах и былинах менестрелей. Ну а коли под стены отправили биться, то здесь только на магов уповай, не удержат щиты – защитники наспигут стрелами и будет не разумный, а сущий ежик. Последний вариант и по совместительству самый безнадежный – таран. Говорят, на каждый приступ, а их обычно многие десятки, на пробив отправляют сто человек, не выживает никто. Поэтому к воротам идут лишь легионеры, которые точно не побегут. Предварительно они тянут метку, и те, кому «повезло», получают считай уже посмертную награду десять золотых.

Когда мы вернулись на поляну, то обнаружили мирно сопящего Принца, каким-то чудом наполовину выползшего из палатки. Также у костра сидел Ушастый, что-то самозабвенно втолковывающий Русту. Щуплый, корчась и морщась, слушал, изредка кивая головой.

– ...потому и говорю, что идти надо сегодня, – услышал я окончание монолога.

Не сговариваясь, мы с Пило сели в сформировавшийся круг, и эльф, обведя нас взглядом, продолжил:

– Тем, кто отсутствовал, сообщаю – служивым подвезли бочонки лингорского красного, и птичка напела...

Не став дослушивать окончание, я встал и поплелся в палатку, собираясь предаться одному из четырех дел солдата. Если ты не воюешь, то тренируешься, если не тренируешься – пьешь, если не пьешь – спишь. И вот последнее меня прельщало больше всего. Увы, но частый сон стал одним из побочных действий релаксанта.

Забравшись в палатку, стенки которой уже давно превратились в одну большую разноцветную заплатку, я расстелил лежанку, подпихнул под сверток одежды, служивший подушкой, кинжал и подумал, что слишком многое перенял от наставника. Это Добряк страдал подобной пагубной привычкой – закладывать под голову чуть ли не весь имеющийся арсенал. Хотя, наверное, мне до него еще далеко.

Старший, командующий

наемной армии «Пробитый золотой»

Старший пригладил усы, которые он бережно отращивал в течение трех сезонов, стараясь придать им форму длинного полумесяца, что было последним пискком моды в Рагосе. Но на днях шебутной братишка чуть не погубил все чаяния, и командующему до сих пор казалось, что он был слишком мягок в выборе наказания. Впрочем, сейчас это не так важно.

– ...и все же, я думаю, стоит разделить атаку, – продолжал разглагольствовать один из собравшихся на совете генералов. – Город расположен таким образом, что мы спокойно применим тактику «вилки», сократив сроки и потери.

– И как же вы видите наш первый приступ? – устало поинтересовался Часит эл Рисут, ставший маршалом северного фронта.

В том, что взять крепость нахрапом не получится, он был уверен так же твердо, как и в том, что в шатре собралось двенадцать генералов, среди которых затесались два наемника. Правда, их можно приравнять к тем же маршалам. Уж очень они были любопытные личности. Сильные, гордые и свободные. Когда-то в детстве Часит мечтал о том, как он соберет свою собственную армию и пойдет добывать славу на полях сражений, но мечты мечтами, а род родом.

Бравый генерал, имени которого Старший так и не запомнил, ненадолго задумался, а потом, взяв в руки деревянную указку, начал двигать на карту кубики, обозначающие те или иные войска:

- Как я понимаю, к завтрашнему утру у нас будет три требушета и две башни, что уже весьма немало. Предлагаю два орудия подвести к северной стене и там же сосредоточить пять тысяч легионеров, снабдив их крюками и лестницами. К южной же стене отправим полторы тысячи солдат и наемников. Они под прикрытием магов пойдут по подвезенным башням. Таким образом, мы сможем оптимально распределить свои силы, а противник будет вынужден рассредоточить оборону и действовать сразу по двум фронтам. Классика в ее великолепном исполнении!

Генерал закончил и плюхнулся на стул. Маршал нахмурился. План, конечно, хорош, а учитывая, что в их распоряжении всего две сотни магов и пятьдесят тысяч воинов, так вообще до великолепия соблазнителен. Но классика - это обоюдоострый меч. Применяя ее, ты раскрываешь врагу все свои карты. Разумеется, Часит в любой момент может вывернуться из положения, применив любой из доступных ему маневров, но так открыто признаваться в своей несостоятельности как тактика или стратега... Славы роду это точно не принесет, как и не повысит авторитет самого маршала.

- Классика нам не поможет, - покачал головой Рисут и также взял указку. - В Мальгроме, по донесениям наших агентов, от трех до пяти сотен магов. Да, они и в подметки не годятся нашим, но не в случае осады. Стены крепости уравниют это преимущество. Башни мы, быть может, и подвезем, но за это время их успеют хорошенько обстрелять, если не разрушить. Нет, этот козырь мы попридержим еще как минимум на сезон. К этому времени земля станет тверже, да и ветра поутихнут. Да и не стоит так надрываться в самом первом приступе. Проведем разведку боем. Отправим таран, один требушет и две тысячи воинов с лестницами и крюками. Нужно хотя бы в общих чертах понять, какими силами располагает противник и какие козыри имеет.

Часит всегда подходил к сражению как к игре. И там, и там был лишь один победитель, и маршал собирался выиграть, но выиграть красиво - в самые короткие сроки и с минимальными потерями, а для этого нужно действовать осторожно.

Генералы зашущукались. Потом наступил второй этап обсуждений, где детально разбирались предстоящая операция. Все это время Старший стеклянным взглядом пялился на карту. Наемников сюда пригласили лишь из-за уставной необходимости. Никаких прав они не имели, в разработке плана не участвовали, единственная их обязанность - донести до своих подчиненных детали плана. Нельзя сказать, что Старший был уязвлен таким обращением, - ему было глубоко наплевать. Своих ребят он точно сможет уберечь от напрасной гибели, а влезать в тактические диспуты нет ни малейшего желания, хоть он и видит весьма элегантный способ решения данной задачи. И боги свидетели, если бы у наемника были те же силы, что и у служивых, он бы взял Мальгром за сезон, максимум за полтора. Вовсе не потому, что он столь умелый полководец, хотя и не без этого, просто у служивых, кроме войны, на уме еще и политика, а смешивать их...

Диспут только-только перешел к самой жаркой части, а снаружи уже всюду светили небесные огни. Старший в очередной раз окинул взглядом собравшихся. Некоторые внушали уважение: широкие плечи, уверенные движения, стальные взоры и бесчисленные шрамы. Таких было лишь пятеро, но в них и юродивый признал бы храбрых вояк. Остальные – явно штабные, дослужившиеся до высоких чинов. Нет, они не были бездарями, а обладали изощренным умом и разбирались в военном деле. Просто, по мнению Старшего, убивать может лишь тот, кто готов быть убитым, а эти тыловики никогда и в сече-то не бывали. Уважение к ним есть, но его оттеняет толика презрения, а иногда и омерзения. Они отправляют в бой своих людей, но ни разу сами не отбирали чужую жизнь и не рисковали своей, дуэли не в счет. Однако самой противоречивой личностью здесь был маршал. Один взгляд на него – и ты точно знаешь, что за последние сорок лет он ничего тяжелее гусиного пера в руках не держал, но в юности увлекался фехтованием, причем имел успех. Также Старший знал, что Рисут никогда не выходил на поле боя в отличие от того же Гийома, но при этом аристократ слыл превосходным тактиком и гениальным стратегом. Войска под его началом всегда несли минимально возможные потери и одерживали победу за победой, но основа этих, безусловно, подвигов – не патриотизм, не забота о солдатах, а обычный эгоизм. Вот и думай после такого – уважать или презирать.

Поток сознания Старшего нарушило внезапное появление в шатре юноши-адъютанта.

- Ваше сиятельство! – гаркнул он, приложив руку к сердцу и вытягиваясь так, будто линейку проглотил. – Срочное донесение – в лагере диверсия!

На секунду в шатре повисло тягостное молчание.

- Что?! – взревел Часит, а толстенная указка, сжимаемая в кулаке, хрустнула и надломилась.

Адъютант съежился, как если бы без плаща попал под ливень, но собрался с духом и продолжил:

- Не ранее чем полчаса назад обозники обнаружили пропажу бочонка лингорского, доставленного гильдией Вестников специально по вашему заказу. В партии было пять таких. Как только Вестники передали груз обозникам, была выставлена охрана, семь легионеров, но все они сейчас отлеживаются у лекарей. Каждый описывает происшедшее по-своему, но одно сходство есть – неизвестные налетчики точно знали, где располагается груз, и являлись умелыми воинами. Они за считанные мгновения вырубали легионеров, замели следы и скрылись в неизвестном направлении. Также была обнаружена записка, прибитая к повозке.

- Текст?!

- Ваше сиятельство, послание сильно испачкано грязью и восстановлению не подлежит. Удалось разобрать всего два слова «Нимия» и «крысы».

- Сукины дети! – прорычал Часит и стукнул кулаком по столу так, что у того ножки затрещали.

«Обставили, подонки, – думал маршал. – Это могли быть только Тени, только они. А заказали нимийцы, сделали подлый укол, показывая, что плевать хотели на имперцев, взявших в осаду город. Ну ничего, мы еще посмотрим, мы еще увидим, кто посмеется последним и кто заплачет, когда Часит эл Рисут будет самолично отрезать ему яйца!»

- Лэр Гордокус! – обратился аристократ к генералу. – Так что там с вашей «вилкой»?

Все это время Старший пытался не показывать вида и вообще сохранять спокойствие, но это

ему удавалось с трудом, ведь он точно знал, кто спер бочонок...

Удивительны пути судьбы – если бы не любовь маршала к хорошему алкоголю, в лагере никогда бы не появились эти злосчастные бочки. Если бы у одного эльфа не оказался знакомый среди Вестников, никогда бы наемники не прознали о грузе. Если бы не... Да еще много таких «если бы», но жизнь идет своим чередом, а тысячи случайностей, неувязок и казусов порождают будущее.

Об этом не думал Старший, планировавший, как сначала выпьет с друзьями, а потом срежет с них по десять золотых. Об этом не думали Пило и компания, только-только откупорившие бочонок. Не думал и Принц, недавно проснувшийся и теперь мучившийся кошмарным сушняком. Да и последний из неугомонной пятерки вообще ни о чем не думал, он самозабвенно храпел в своей палатке. И лишь один человек, вернее, разумный, смутно догадывался о хитросплетениях старушки-судьбы, но продолжал улыбаться и подставлять кружку под черпак.

Тим

Поутру я встал посвежевший и отдохнувший. Это неудивительно – четырнадцатичасовой сон я мог себе позволить, только будучи студентом. Эх, были же деньки-денечки: в понедельник – вечеринка, во вторник – экзамен, а в среду ты доступен только для подушки и одеяла. Не то что сейчас – побудка, клинки в зубы, солнце еще еле красит небо, а ты уже машешь сталью в воздухе. Хотя, надо признать, я уже привык и прошлый образ жизни кажется мне слегка тусклым, как будто ненастоящим, неживым.

Засунув в зубы палочку, заменяющую зубную щетку, и вытянув колбочку с белым порошком, я выбрался наружу. Если верить солнцу, а не верить ему у меня нет причин, то сейчас что-то около одиннадцати часов. М-да... прямо-таки царский сон. На поляне уже вовсю... А чем это они занимались?

- А чем это вы занимаетесь? – недоуменно поинтересовался я у своих друзей, которые безвольными кулями лежали в упоре лежа.

- Отбывают наказание, – ответил Старший, ковыряя кинжалом в зубах.

- За что?

- Государственная тайна, но могу рассказать тебе, чего не было. Вчера никто не ползал в тыл, не тырил бочки, и вчера совершенно случайно никто не придвинул начало штурма.

- О как! – выдал я.

Откуда-то с земли раздался стон, полный боли и призыва. Как ни странно, это был Пило, самый стойкий из нас, но и его то ли сломил зеленый змей, то ли доконали истязания брата, от которого тоже неслабо несло перегаром.

- С-сп-паси-и-и-и, – с придыханием прошептал товарищ.

Я только брезгливо сморщился. Сами виноваты. Для начала в том, что в очередной раз попались. Учил я их учил, а толку чуть, не оправдывают ожиданий. И я их действительно учил, преподавал основы «скрыта» и теорию проникновения во вражеский лагерь. Так, ничего конкретного, но это повышало наши шансы на выживание, все же нас зачастую использовали

как диверсантов, а не как разведчиков.

Я уже было собрался проигнорировать мольбу Младшего и отправиться к бочке с водой, как наткнулся на полный надежды взгляд Руста. Эх, да кто я такой, чтобы судить их! Сколько раз меня Добряк чуть ли не за руку ловил.

- А когда на приступ пойдём? - как бы невзначай спросил я у командующего.

- Этой ночью.

Признаюсь, не ожидал такого, и поэтому испытал двойственные эмоции - страх и предвкушение. Все, крыша поехала окончательно, записывайте меня в адреналиновые маньяки, я теперь их крови. Конечно, меня радует перспектива награть и свалить, но, опять же, я еще ни разу не участвовал в осаде и почувствовал себя желторотым духом, у которого руки дрожат перед первым боем. А был я им не так уж давно, чуть меньше года назад, под Борсом.

- Так если ночью пойдём, чего ты ребят мордуешь? Или сегодня без нас справятся?

- Куда там без нас, - отмахнулся Старший и задвинул кинжал за голенище. - Нас же в первую волну и поставят. Будем южную стену брать. А эти... Да демоны с ними, думал жалованье порезать, но тут така-а-ая наглость. Ладно, топайте себе. И чтобы до срока я про вас вообще не вспоминал!

Старший встал и, закинув руки за голову, потопал куда-то по своим делам. Пило и компания тоже попытались встать, но, окончательно уверившись в бесплодности подобных попыток, поползли к палаткам. Хмыкнув и посочувствовав Самберу (ему досталось больше всех: сперва веселая травка, потом попойка, а под конец гнев Старшего - такому ассорти точно не позавидуешь), я зашагал к местному умывальнику.

Без понятия, кто придумал подобную систему, но он был просто гением. Ведь раньше как было: если хочешь сполоснуться, чапай себе до ближайшего водоема. А теперь технологии продвинулись вперед и в лагерях стоят бочки с водой и хитрым артефактом, который охлаждает и очищает жидкость. Артефакт стоил слишком дорого, чтобы использовать его в промышленных масштабах, но для таких вот нужд - спокойно. Так что умыться можно было в любой момент.

Побрившись (да-да, теперь и у Ройса растет щетина) и почистив зубы, я закинул на плечо полотенце (обычную, но чистую тряпку) и вернулся на стоянку. На мгновение мне показалось, что к нам заехала столичная опера, но нет, это друзья устроили концерт по заявкам, и их стоны можно было даже на тональности разложить. Закинув мыльные принадлежности в палатку и одевшись, я прогулялся до обозников, чтобы выторговать у них щит. Выложил семь серебряшек за доску, обитую железом, - воровство, что тут еще можно сказать, но выбирать не приходится. В лагере я с полчаса потренировался, повспоминал тактику сражения, когда в твоей руке короткий клинок и хреновый щит. Вроде все просто: прикрылся, ударил, толкнул, прикрылся, ударил - и так пока не победишь или пока не убьют. Удостоверившись в том, что сумею выдержать хотя бы первые полчаса рубки, я положил свое оружие около палатки и лег на траву. Сегодня глотать релаксант не имеет смысла, а то буду смертельно медлителен во время осады. Пришлось бороться с нервами другим способом - нырком в подсознание, где, кроме энергоканалов и источника, ничего не было. Вот так, предаваясь медитациям, я дождался громкого «гу-у-у-ум». Это зазвучали трубы, знаменуя своим звуком начало штурма.

Вопреки ожиданиям - никакой скрытности. Да и какая может быть скрытность, когда с

треском, под лошадиное ржание и брань магов везут требушеты и башни. Единственный плюс ночного покрыва – это сбитый прицел у защитников, если так можно выражаться в реалиях Ангадора.

Резко вскочив на ноги, я стал лихорадочно собираться. То же самое делали и остальные. Мы как один затягивали ремешки на поножах, поправляли кольчуги под латами и затягивали ремешки на наручах. Помня науку, я заранее взял длинный лоскут ткани и с помощью левой руки и зубов привязал клинок к руке. Теперь не выскользнет. Многие обходились плотными шнурками, но я по указке Пило, а ему в таких вопросах я доверял как себе, использовал только ткань. Последним штрихом стали шлем с решетчатым забралом и щит, давящим грузом легший на левую руку.

- Оттов? – донеслось от соседа.

- Забрало подними.

Принц дугой щита приподнял «воротник» и облегченно вздохнул:

- Так лучше.

Я только хмыкнул, а сзади кто-то засмеялся. Нетрудно догадаться – это подросли остальные.

- Эх, совсем пропал наш Зануда, – трагично произнес эльф. – Где тот птенчик, представший перед нами на неровной дороге? Еще год назад у него коленки дрожали при виде кухонного ножа, а сейчас смотрите – по бабам бегают, пьют что твой гном, Пило под орех разделяет, а теперь еще и новобранцев поучает. Что же будет дальше?

Усмехнувшись, я принял вид победителя турнира. Выпрямился, горделиво вздернул подбородок и отсалютовал мечом.

- Уважать и бояться, – надменно произнес я девиз одного из родов, какого именно, не помню. И тут до меня дошел смысл последней фразы эльфа. – А до «дальше» дожить надо.

- Это правильно, это правильно, – покивал эльф и практически одними губами добавил: – Передавай привет нашим.

Под «нашими» он, естественно, подразумевал Молчуна и Колдунью. А вот почему такая таинственность?.. Все вроде знали, что я уйду, едва выйдет срок контракта, но при этом не теряли надежды, что смогу уломать меня остаться еще на годик. Так и получилось, что эта тема оказалась под своеобразным табу.

- Ну, – вклинулся Пило и эфесом опустил забрало. – Хвиули.

- Чего?

Младший покачал головой, потом постучал себя по щиту и указал мечом в сторону формирующейся колонны.

- Так бы и сказал, – возмутился я и тоже опустил «воротник». – А хо «хвиули», «хвиули», хфо шо расхерет.

Мы засмеялись. Звук, выходящий из-под этих жестяных банок, жутко искажался, и картина получилась весьма сюрреалистичная. Но, так или иначе, пришлось шевелить ногами и вставать

в строй. В этот раз нам повезло больше. В башню входит непрерывный поток, один ряд - пять человек. Мы стояли в шестом ряду.

И вот только представьте себе: стоите вы себе на парапете шириной метра два, а прямо к стене подъезжает эдакая махина высотой с пяти-семиэтажный дом. Вокруг крики, суета, предположительное место высадки обливают водой, чтобы крепления к зубцам сложнее закрепить было. Арбалетчик спускает тетиву, дикий свист бьет по ушам, а мгновение спустя черное облако накрывает деревянного гиганта, но лишь десять болтов пробивают щиты магов и единицы проходят через толщу древесины. Теперь по ушам уже бьют чужие крики, хотя это скорее сладостная музыка, тонкая мелодия стонов умирающих врагов. Мгновение спустя в стене башни открывается специальный люк, и оттуда сбрасывают тела погибших - ни в коем случае нельзя заливать кровью покатуя бревенчатую лестницу и уж тем более оставлять трупы загораживать проход.

Вы крепче сжимаете клинок и проверяете крепления щита, башня уже совсем близко. Арбалетчики, уперев свои смертоносные механизмы в пол, натягивают тетиву, укладывают в желобок длинный цельнометаллический брус, и снова в небо взвизгивает черная туча. В этот раз седой жнец собирает в свой мешок душ много больше жертв. Открываются люки, и вместо двух-трех разумных на землю сыплется град из мертвецов. Арбалетчики лихорадочно взводят дуги, но вместо одной большой тучи на стремительно приближающуюся машину падают лишь единичные выстрелы. И тут драконьей пастью разевается «рот» башни. На зубцы падает мост, который тут же крепится массивными чугунными крюками. Десяток защитников, схватив молоты, пытаются сбить крепления, но у них ничего не выходит и их закалывает первая пятерка имперцев.

Ваш меч дрожит, в ногах легкая слабость, а щит будто гуляет по корпусу, ища самое уязвимое место, которое следует прикрыть в первую очередь. На мгновение вы инстинктивно останавливаете щит в зоне паха, но тут же встаете боком и приподнимаете его на уровень забрала. Стена - это многие метры в высоту и несколько километров в длину, но ширина парапета - лишь два метра, и одновременно стоять там могут лишь два человека. А захватчики сыплются из деревянного чудовища, как осы из роя. Кажется, что им нет конца. Воздух влажен от крови, в ноздри бьет резкий запах аммиака, а со стены в обе стороны падают мертвые и умирающие. Шаг за шагом вы приближаетесь к очагу рубки. Имперцы уже захватили площадь диаметром десять метров, и теперь у зубцов стоят двадцать противников. Но окружить их (да что там - просто подойти!) невозможно, слишком мало места. И тут у башни снова открываются люки, но вместо тел оттуда выглядывают сверкающие во тьме, начищенные до блеска головки арбалетов. В воздухе снова свист - и вот пронзенными падают уже защитники. Вы все ближе к очагу сражения. Из-за спин союзников уже видны алые всполохи, и кожей ощущается близость смерти. Сердце бешено стучит, по лбу катятся градины пота и, падая на глаза, застилают взор.

Вдруг где-то за спиной слышится протяжный скрип. Вы оборачиваетесь посмотреть, что же там, но видите лишь второе чудовище, а из него уже выпрыгивают пятерки солдат. В душе поднимается ярость. Впереди враг, позади враг, по бокам лишь пропасть и ничего более, до ближайшего спуска - метров сто. Время замедляет свой ход, больше нет струек крови, вместо них в воздухе замирают алые капли, больше смахивающие на молодые вишенки. Звуки затихают. Единственное, что вы слышите, - это свое частое дыхание, единственное, что чувствуете, - это как латная перчатка сжимает эфес меча, обмотанный добротной кожей, единственное, о чем думаете, - как погрузить в тело ненавистного врага голодную сталь.

Наконец два товарища, стоящие перед вами, пробивают тонкую брешь в кольце противника, но

тут же падают замертво. Перед вами, как колосс перед портом, поднимается исполинская фигура. Боги, это не человек, а демон или великан вступил на парапет, чтобы забрать вашу душу. Его меч велик, как язык василиска, щит огромен, как Харпудов гребень, в красных глазах застыло предвкушение смерти. Ярость битвы уже давно захватила высокого имперца, и она же поднимается в вашей душе. Меч больше не дрожит, щит застыл, готовый в любой миг отразить смертельную атаку, вы наступаете на противника. Удар – он прикрывается щитом и делает шаг вперед, вам приходится сменить стойку и отступить. И этот шаг решает все. Время восстанавливает свой бег, возвращаются звуки, слышно, как кричат союзники, захлебываясь собственной кровью, – это страшная мелодия. Слышно, как противник вопит, падая со стены, – это сладкая мелодия. Неповторимая и неудержимая симфония смерти захватывает разум, проникает в душу, выжигая все без остатка, оставляя лишь одно – жажду битвы. Просыпаются древние инстинкты, падают хрустальные замки досужих мечтаний, забиваются в угол досужие желания, любовь, вера, похоть, алчность, все это становится неважно, только одного вы желаете больше всего – пронзить врага, насладиться его отчаянием, и рубить, рубить, пока небо не окрасится в алые цвета. Из недр духа, из глубин легких поднимается крик... нет, страшный рык первозданного зверя, разум отказывается понимать творящееся безумие, его заменяет зверь, до поры спящий в каждом создании.

- А-а-а-а! - рычите вы сквозь зубы, раздирая легкие и разрывая связки.

Собрав все силы в единое стремление убивать, вы делаете шаг вперед и, выставив щит, замахиваетесь, чтобы прикончить великана, но в горячке не замечаете, как где-то внизу, на уровне ног, черной лентой взвивается коса мрачного жнеца.

Приземистый нимиец что-то закричал, но я его не слышал. Позади прозвучала команда «шаг», а значит, нужно убить противника и занять его место, иначе наши не пройдут. Противник оказался слишком низок для меня и больших усилий стоило не пасть после первого же удара, но я смог откинуть его назад. Впрочем, в его глазах уже пропал даже самый тусклый отсвет разума, инстинкты заменили ему сознание.

«Глупец, – подумал я. – Только глупец позволит зверю управлять собой».

Как попал на острие атаки, я не знал. Может, слишком многие погибли под арбалетным залпом или нимийцы успели порядочно покрошить нападающих, но итог один: я стою перед лицом сотен врагов, а за спиной лишь десяток товарищей.

Мгновение спустя, когда враг рванул в бесхитростную атаку, я сделал простенькую подсечку и проводил взглядом падающее тело, стремительно исчезающее в ночной мгле. Тут же вместо смертника возник его брат-близнец, те же доспехи, тот же стиль, лишь одно различие – вместо безумного пустого взгляда меня сверлят острые, как заточенный клинок, карие буравчики.

«Опытный», – решил я.

Прикрывшись щитом и выставив кончик клинка вперед, занимая нижнюю стойку, сделал шаг вперед. Противник отступил, а я лишь ухмыльнулся. В его распоряжении лишь сорок сантиметров свободного пространства, потом наткнется на своих же. Но враг оказался не так прост. Раскусив мою тактику, он обрушился настоящим градом ударов и завершил комбинацию поистине сокрушающим толчком «щит в щит». По левой руке как молотом по наковальне ударило. Сделав шаг назад, я почувствовал, как в спину упирается союзнический щит.

- Демоны! - вырвалось у меня, когда припомнилась недавно отданная команда.

В отчаянии я выбросил правую руку вперед, намереваясь проткнуть просвет под забралом и пронзить гортань мальгромца, но тот прикрылся щитом и мгновенно контратаковал. Небо расчертила серебряная вспышка, а по ушам резанул скрежет металла. В последний момент мне удалось уклониться, и вместо раскрошенного черепа я получил лишь рассеченный шлем и, скорее всего, разорванную кожу в височной зоне. Я попытался вернуть отвоеванное у меня пространство, но враг вновь обрушился градом ударов. Пришлось спрятать голову под щитом и стоять намертво, лишь по какому-то наитию отбивая бесконечные удары.

Так долго продолжаться не могло. Из башни уже выпрыгнула очередная пятерка, и на спину стали нещадно давить свои. Скоро меня накроет беспощадная волна атаки, и я повторю судьбу недавнего берсерка, так же срываясь в скоротечный полет, оканчивающийся теплой от крови землей. Пришлось импровизировать. Дождавшись, пока враг сделает перерыв в атаке, я извернулся всем корпусом, пропуская удар в зону защиты, и нанес страшный для противника удар. Край щита пулей пронзил голову мальгромца: сминая металл, он раскроил лобные кости. По руке потекло что-то серое и липкое, а враг упал на колени. Из щелей его забрала фонтанировала белая пена, а на каменный пол упали два бело-алых шарика.

Отбросив щит, я выхватил из онемевших рук врага меч и, сбросив тело в голодную пропасть, так сделал шаг вперед. Второй меч придавал уверенности, и хотя данное оружие сильно отличается от привычных сабель, но и это позволяет дышать свободнее.

Новый противник показался мне очередной головоломкой, которую нужно решить в срочном порядке. Команды «шаг» разделяют лишь тридцать секунд – мгновение для влюбленной парочки и вечность для солдата. Десятки гибнут за этот срок, сотни получают раны. Не обращая внимания на рассеченный бок, я взглянул в глаза противнику. Там не было ярости или решимости – лишь страх.

«Юнец», – понял я и одним движением, используя клинки как ножницы, снес ему голову.

Снова шаг вперед, а чувства подсказывают, что в спину уже дышит союзник, готовый в любой момент спихнуть мое умирающее тело со стены и схватиться с ненавистным противником. Ни в коем случае я не должен допустить этого. Меньше чем на удар сердца я погрузился в себя. Все не так уж печально: левая рука стала одной сплошной гематомой, перелома нет. На голове рваная рана, кости не задеты, лишь содран крупный лоскут кожи. Беспокоит только бок, еще бы пол-ладони – и прощай печень, здравствуй круг перерождения.

Прокрутив запястья и сжав зубы от боли, которая взорвала левую руку, я принял удар на скрещенные клинки. Необычный воин, вместо щита и меча – изогнутая секира. Если бы удар пришелся не вскользь, а был бы выполнен в перпендикулярном сечении, то одной руки я бы лишился точно. Не теряя времени, я на полную катушку использовал полученное преимущество. Без щита я проворнее, ничто не тянет меня к земле, ничто не застилает взор. Как всегда, оказавшись почти вплотную к земле, я извернулся ужом и по рукоятку погрузил клинок в тело врага. Секира выпала из его рук, а сам он упал по ту сторону от стены. Не судьба суровому воину быть похороненным на родной земле. Его глаза выжрут вороны, мясо обглодают волки, а кости растащат другие падальщики. На Ангадоре нет лекарей, облаченных в белые одежды, никто не заберет павшего с поля боя. Похороны – это привилегия победителя, бесчестие – удел проигравших.

Снова шаг и снова бой. Отклонив удар меча и подныривая под щит, я отсекаю врагу руку. Ночное небо огласил вопль обреченного на смерть воина. Мгновение спустя с рассеченной гортанью он сорвался со стены. Его заменил очередной противник. И опять передо мной возникла задачка. Короткое копьё и щит. Прямо спартанец какой-то. Пришлось отступить, избегая

опасного стального жала. Держа щит прямо перед собой, нимиец, подобно швейной машинке, с немыслимой скоростью обрушивал на меня серию выпадов. Иногда уворачиваясь, реже уклоняясь, я старался выгадать момент для атаки. Но защитник не давал мне ни секунды на раздумья, он напирал с неуклонностью разъяренного носорога. Но судьба сегодня на моей стороне. Среди беспорядочного звона стали я слышал смачный «чпок», и копыеносец поскользнулся. По камню растеклось белесое пятно. Напрыгнув на него, я левым клинком заблокировал щит, а правый вонзил в прорезь для глаз. Очередной крик ознаменовал собой двадцать сантиметров отвоеванного пространства. И тут меня охватил приступ апатии: пять мертвецов, а преодолен лишь метр. Сколько же мне нужно выстоять, смогу ли я выжить, когда впереди тысячи защитников и многие километры?!

Где-то на горизонте, в северной части города, в небо взвился высокий, почти бесконечный столб огня. Потом на город обрушилась одна из казней египетских. То тут, то там звучали отголоски взрывов, а внизу расцветали оранжевые цветки пожаров. Бой на стене застыл, все как замороженные смотрели на пылающий Мальгром. Спустя лишь один удар сердца за спиной слышались крики: имперцев охватил жар битвы, они, как обезумевшие мясники, вопили в предвкушении наступающей смерти. Лица защитников почернели. Мне показалось, что в черной ночи прорезались звезды бездны.

Битва возобновилась. Что-то кричали за спиной, но я не слышал. Для меня свет сошелся клином на кончиках мечей. Единственное, что я могу, – выжить и дождаться команды «отступить». Сразив очередного противника, я почувствовал, как немеет левая рука, как теряет свою прыть сжатый в ней клинок.

– Давай же! – рычал я сквозь зубы, моля офицера об отступлении, но команды так и не поступало.

Пропустив удар в бедро и почувствовав, как взрезает плоть вражеской клинок, я взревел, подобно разбуженному в зимнее время медведю, и прочертил в воздухе замысловатый узор. В освященную пожарами пропасть рухнуло разрубленное тело. Сперва полетели руки, потом голова, а затем скрылся и корпус. До крови раскусив губу, я занял позицию для обороны. Больше не сдвинуться мне, больше не выполнить «змеиного шага». Левая рука не слушается, правая нога отказывает, а впереди бескрайняя река, где серебряными волнами вздымаются шлемы защитников.

Передо мной возник невысокого роста солдат. Из его глаз катятся слезы.

«Доброволец», – усмехнулся я. Что за ирония – пройти суровые тренировки, выжить под натиском смертельно опасных врагов и пасть от руки юнца, только вчера взявшего в руки меч.

Защитник что-то закричал, но я не особо разбираюсь в нимийском, да и уши уже ничего не слышат, кроме стука сердца. Выставив перед собой меч, как обычный дрын, парнишка ринулся в атаку. Собрав остаток сил, убывающих, как песок из разбитых песочных часов, я плоскостью клинка отклонил атаку. И парень, не справившись с инерцией, ушел на корм голодной пропасти. Следом за ним рухнул и я. Тьма окутала мир, ледяные когти сжали дрожащее сердце, и его замедляющийся шум перекрыл свист ветра, но я не вспомнил ничего. Не увидел прошлое, не прозрел будущее, перед моим внутренним взором не всплыли лица друзей и тем более любимой.

«Значит, еще не время». Это было последнее, что успело сгенерировать уплывающее сознание.

Младший, командир особого отряда

наемной армии «Пробитый золотой»

- Хвацхатъ хва! - выкрикнул Пило и отступил за спину сменщику. Им оказался Принц.

Капитан задышал чаще, его руки дрожали. Вот уже полчаса они сражаются на стене, а минуту назад на севере маги устроили локальный прорыв барьера и обрушили на город «огненное торнадо», страшное боевое заклинание, вбирающее в себя силу сразу трех стихий - Земли, Огня и Воздуха. В своей жизни Младший видел его лишь однажды, когда они участвовали в баронской свалке на юге Рагоса. Эх и были же деньки, знай себе режь неумелых дружинников да навар считай, а здесь - форменный кошмар.

- Хвахатъ хемь, - еле слышно сказал Самбер и стукнул пяткой по пальцам, давая условный знак на смену.

Константин рывком ушел назад и в сторону, давая эльфу возможность для маневра.

- Хы фям вхеф уфил, - проворчал древолюб, одновременно погружая свой изогнутый клинок в горло какому-то бедолаге. И тут же, пока еще не упала на камень кровавая радуга, спихнул со стены другого защитника.

- Хфихатъ, мафь хвоу, - изрек Ушастый и пнул Руста.

Наемники поменялись, и Щуплый увлекся фехтовальным боем с каким-то нимийцем. Вдруг у Пило дрогнуло сердце, а по телу пробежала холодная волна.

- Отступать! Отступать, вонючие вы скилсы! - надрывался офицер.

- Кончай его! - крикнул Младший, приподняв забрало.

Руст пожал плечами, что в полном доспехе выглядело довольно комично, и мгновение спустя его противник, выронив щит и меч, схватился за горло, откуда торчала рукоятка метательного кинжала.

«И как он только ухитряется?» - восхитился Пило и стал отступать. Их отход прикрывали арбалетчики, посыпающие врагов дождем из стальных болтов. Руст, Принц и эльф сформировали треугольник, выставив вперед щиты, и уже через десять минут четверка скрылась в башне. А еще через пять минут, сняв шлемы, они шагали в сторону лагеря, где их уже ждали лекарские артели.

- Неплохо повеселились, - выдохнул Руст и вытер с лица пот и кровь. - Пожалуй, сегодня лавры первенства уходят Ушастому?

- Еще не факт, - засомневался Принц. - Может, у Ройса побольше будет?

- Кстати о занудах, - подключился к разговору Пило. - Вы нашего-то нигде не видели?

Наемники остановились, переглянулись, осмотрелись, но высокую фигуру друга так и не обнаружили.

- А где... - начал было Щуплый, но Ушастый его перебил:

- Зануда еще в самом начале боя на острие ушел, его потоком затянуло.

- Подождем? - предложил Самбер.

- Подождем, - согласились остальные.

Наемники сели на траву, стянули доспехи и стали осматривать раны. Крупные они тут же стягивали лоскутами рваных подкладок, мелкие оставляли как есть. По уму, им надо было торопиться и предстать перед лекарями, но что-то их держало на месте, каждого терзали смутные сомнения. Спустя двадцать минут перед ними, как корабль, проплыла осадная башня. Через многочисленные пробоины просвечивала луна, а колеса из коричневых превратились в красные, до того обильно башня была облита кровью.

Четверка переглянулась и засемила к начальнику инженеров. Мимо них Ройс просто не смог бы пройти, да и они не зевали, взглядом проводили всю колонну выживших...

- А у вас в башенке никакой наглый отщепенец не прикорнул? - елейным голоском осведомился Руст у сурового на вид рабочего.

Тот сверху вниз взглянул на говорившего и обратился к остальным:

- Вы бы его, того, к лекарю сводили, а то, кажись, по голове прилетело.

Наемники замерли и проводили взглядом удаляющуюся фигуру.

- Может... - попытался что-то сказать Принц, но Пило отвесил ему смачный подзатыльник:

- Молчи, чтоб тебя темные боги полюбили! Пока тело не увидим, будем считать, что Ройс снова загулял. Мальгром - это не Харпудовы пещеры. Если Зануда выжил там, то и здесь не поляжет.

Но что бы Младший ни говорил, у него самого до белизны сжимались кулаки. Как так получилось, что Ройса утянуло на острие, оторвало от друзей и бросило в самое пекло? Четверо уставших воинов подобрали шлемы, закинули на плечи бронь и в молчании направились в сторону лагеря.

Тим

Очнулся я от того, что чувство опасности не просто ледяным обручем давило на голову, оно промораживало до самых костей. Я попытался пошевелинуться, но не смог, что-то неподъемным грузом давило на меня сверху. С трудом открыв глаза, уставился на застывшее лицо какого-то мужика. Мысли тут же завели свой бесконечный хоровод, обрабатывая поступившую информацию. А когда я пошарил рукой где-то в низу, то все встало на свои места.

Меня скинули в общую кучу для погребения, приняв за мертвого защитника. Жизнь поражает меня своей иронией. Несколько сезонов назад я заколол трех нимийцев и облачился в их доспехи, и вот энное время спустя подобный поступок спас мне жизнь. Ладно, с этим вроде разобрались, осталось самое важное. Какого скилса я сейчас не смотрю в глаза бездне, а нормально себе так дышу? Ну ладно, не нормально, а с трудом, но дышу.

Ответ один - жизненная энергия. Если хотите, всякое там ци, чи и прочее. То, чему меня пытался научить Добряк, и то, что я никак не мог принять. По учению наставника, энергия жизни, или души, - это то, чем обладает каждое живое существо. И это то, что я использую, когда вхожу в «скрыт» или когда активую ускорение, да даже моя собственная техника основана на этой странной и непокорной энергии.

По словам учителя, маги пользуются энергией мира, которая распространена вовне и течет подобно тому, как текут бесконечные потоки воздуха. А вот он, я и остальные Тени, как и воины, благодаря тренировкам можем использовать личную силу. И если я не ошибаюсь (а я не ошибаюсь, потому что когда-то это стоило мне десяти серебрушек), то, будучи в бессознательном состоянии или почти в нем, я применил «легкую поступь» – науку, благодаря которой Добряк когда-то спрыгнул, вернее, слевитировал с высоченного дерева и даже ничего себе не сломал. Когда же я попросил научить меня подобному трюку, он отмахнулся и сказал, что со временем, когда я буду готов, это, как и многое другое, придет само. Мол, организм лучше знает, как ему выживать, а ты, главное, ему не мешай.

Ладно, предположим, я на мгновение принял теорию об энергии жизни и даже согласен с тем фактом, что я пролевитировал с двадцатиметровой стены. Нужно ли мне такое умение? Да на фиг его. Что-то мне подсказывает, что это было лишь последствие экстремальной ситуации и в ближайшем обозримом будущем я все равно не достигну высот наставника. Следовательно, нужно задуматься над текущими проблемами.

Сжав зубы и терпя боль, я кое-как выбрался из-под завала. Вокруг все еще царствовала ночь, значит, в отключке я пробыл не больше часа. Оглядевшись, заметил, что свалили нас в каком-то тупичке неподалеку от самой стены. Охраны не было, да и чего там трупы охранять. Но стоит поторопиться. Закончат со «сбором» павших, залатают бреши в северной стене, починят купол и потом займутся кострами.

Прислонившись к каменной стене, я стал лихорадочно прокачивать положение, в которое вляпался, именно вляпался, а не попал. И вообще, почему мне так везет на всякие переделки? Это не приключения, это сумасшествие какое-то.

- Хорош, – прошептал я. Мне необходимо было услышать знакомую человеческую речь, иначе можно потерять самообладание. – Надо думать. Навскидку видно три варианта. Первый – я притворяюсь нимийцем и чапаю до госпиталя, где представляюсь контуженным защитником. Плюсы – меня лечат, меня кормят, минусы – я почти не знаю языка, но это можно списать на ту же контузию. Самое страшное – в случае чего меня выдаст татуировка. Значит, этот вариант можно смело отметить.

Отдышавшись и подмигнув надменно сияющей луне, я продолжил:

- Второй – скидываю прихватизированные латы, облачаюсь в наемнические шмотки и ищу рагосское подразделение. Благо на их мове я еще как-то могу разговаривать и сойду за необразованного селянина. Минусы и плюсы все те же. Долбаная татуировка, когда надо, все карты путает.

Кряхтя, как трехсотлетний маг, я поднялся и, одной рукой держась за стену, а другой прижимая рану на боку, заковылял на запад. Придется действовать согласно последней директиве. Заберусь в какую-нибудь нору, подлатаю себя и отлежусь до следующего штурма. Главное, чтобы он начался не позднее чем через два-три дня, иначе я от голода и обезвоживания не смогу выбраться из внезапно возникшего капкана.

Чтобы отвлечься от тягостных мыслей и боли, я стал бормотать нехитрую считалочку, ей меня обучили служки в графском замке. Видать, и из рабства можно извлечь пользу. Вскоре я добрался до намеченной цели. Спасибо Добряку, я помню планы почти всех городов на этом материке. Кое-как забравшись в дом номер десять по Купеческой улице, я стал шарить по разоренной хате. Всех гражданских уже давно согнали в убежище, с собой они успели захватить лишь самое ценное, остальное оставили как есть. Так что я без труда отыскал

нужные мне инструменты. Бутылка гномьей настойки, нитки, бинты и пара иголок. Сойдет. Схватив в охапку нехитрые приспособления для самолечения, я поднялся на второй этаж. Там обнаружил самую хлипкую мебель и поломал ее на части. Щелкнуло огниво, которое я всегда носил с собой, оно стало мне чем-то вроде талисмана, – и деревянные ножки занялись веселым пламенем.

Роня градины пота и почти теряя сознание, я положил над пламенем клинок, пусть пока доходит до кондиции. Сняв длинный латный доспех, я в первую очередь осмотрел свой ремень. Почти все склянки разбились при падении. Как назло, остались лишь те, что со снотворным. Лечебная трава также высыпалась, а сам кармашек вообще порвался. Посетовав на судьбу, я растянул пряжку, вылил в рот чуть ли не половину гномовского пойла и, сложив кушак, зажал его в зубах. Мгновение спустя резким движением содрал с бока рваное тряпье. Из глаз прыснули слезы, а по телу заструилась теплая жидкость.

Часто задышав, я взял все ту же пузатенькую бутылку и от души, не жалея, плеснул на рану. Когда на мясо упали первые капли алкоголя, мне показалось, что глаза вылетят из орбит. Сжав кушак так сильно, что из десен потекла кровь, я взял нитку и иголку. Все так же сжимая кожу, я смочил руки в настойке и стал аккуратно, насколько это было возможно, сшивать рану. Каждая стяжка откликалась нестерпимой болью. Наверное, в этот момент я мог дать фору по белизне любому зомби. Не знаю, как сознание удерживалось на месте, но под конец я уже не думал, просто совершал механические движения. Проткнул – дернул, проткнул – дернул, стянул – и по новой. Наконец последний шов ознаменовал окончание первой части пытки. Снова плеснул алкоголя, снова завыл, как волк, отставший от стаи. Клинок уже раскалился докрасна, и я дрожащей рукой поднял его. Лезвие, как в замедленной съемке, опустилось на рану. Послышалось шипение, повалил дым, и по комнате распространился запах паленой плоти. Я выл, стискивал зубы, но держал, а спустя две секунды, которые показались мне вечностью, убрал клинок от тела. На боку красовался страшный рваный ожог, от которого потом останется такой же шрам. Можно было прижечь края раны, не стягивая их, но тогда бы восстановление заняло много больше времени.

Я уже почти потерял сознание, но все же удержался на краю. Еще ничего не кончено, нужно доделать дело до конца, от этого зависит моя жизнь. Схватив заранее подтащенную дощечку, я приложил ее к левой руке и плотно обмотал тканью. Теперь почти все. Кое-как затушив костерок, я сорвал с пояса все висевшие там склянки и залпом опрокинул в себя. Ядов там нет, а разбираться, что для чего, сил уже просто не осталось. Мгновение спустя я рухнул на пол и забылся.

Иногда сознание возвращалось ко мне, и тогда, очнувшись, я отмечал, как мир за окном то светлеет, то снова покрывается ночной мглой. Когда сил было достаточно, я погружался в медитацию и замедлял процессы, протекающие в теле. Все силы были направлены на восстановление. По сугубо моим подсчетам, через тридцать часов такого «лечения» левая рука пришла в норму. Не знаю, может, благодаря тем зельям, что я пил на протяжении пяти лет, может, так сказывается магический дар (есть шанс, что помогла медитация), а возможно, так повлияли выпитые мной зелья, но на второй день я почти пришел в «норму». Висок покрылся коркой застывшей крови, левая рука уже не напоминала баклажан и ею можно было нормально шевелить, а на боку красовался все тот же страшный ожог, правда, он уже почти не болел. Ну как не болел – если лежать на полу, подобно удаву молодому, то не болит, но стоит сделать неосторожное движение – и вся правая половина тела как в кипятке окунается. Но надо терпеть. На третий день, так и не дождавшись штурма и погибая от жажды и голода, я догадался сползть в погреб. Остатками алкоголя сполоснул самые чистые тряпки и, используя их в качестве бинтов, замотал корпус.

Хвала небесам, та пытка, которой для меня стал спуск по лестнице, а потом поиск люка в полу, увенчалась полным успехом. В подполе я отыскал сухари, соленья, окорок и, что самое важное, несколько бурдюков с водой. Так что, устроив богатый пир, набивая желудок до отказа, давая организму столь необходимые ему вещества, я выполз в холл и снова забылся сном.

Возможно, боги приглядывали за мной и в патрулях не было ни одного мага, который учуял бы меня в здании. На пятый день я уже пришел в себя и смог подняться на ноги. Бок все еще ныл при каждом движении, но эту боль уже можно перетерпеть. Позавтракав, вернее, поужинав, я в очередной раз принялся за мозговой штурм.

Итак, для начала. Что мы имеем? Не учитывая целой задницы, конечно. А имеем мы весьма немало. Меч, пусть и один, второй где-то посеял, латы и запасы хавчика. Для подкладок в доме найдется достаточно ткани. Этого уже достаточно, чтобы отсидеться до следующего приступа. Вопрос в другом. Сколько мне еще будет везти? Сколько времени пройдет, пока сюда не заявятся солдаты, ищущие в домах не только продукты, но и драгоценности с деньгами? Когда в патруле все-таки окажется маг? Гадать на эту тему я не мог, поэтому поступил так, как велела мне совесть. Собрал достаточно ткани, сварганил подкладки и, морщась от боли, нацепил доспех. Затем, загнав меч в ножны, обшарил весь дом. Но не нашел ничего, даже ржавого медяка. Недаром улица-то Купеческая – все успели схоронить, паразиты, темные их полюби!

Выйдя на улицу, я с облегчением втянул в легкие свежий ночной чуть морозный воздух. На небе уже всюю сияли звезды, а свет тонкого полумесяца еле-еле пробивал покров ночной мглы. Ладно, живем один раз и умираем тоже... ну, про некромантов лучше не думать. Есть шанс уйти красиво, по-добряковски, в лучших традициях, так сказать. Не стоит терять шанс. Уверяя себя в том, что авантюра обречена на успех, я запетлял по закоулкам. Моей целью стала северная стена, именно там располагались ворота и именно там находится тщательно охраняемый механизм подъема. А еще я надеюсь, что Пило опять приспичит посмотреть на спаривающихся орлов, иначе придется вжимать тапки в пол и прятаться в канализациях, а мне все же не хочется питаться крысами, уже наелся жуков.

Младший, командир особого отряда

наемной армии «Пробитый золотой»

На поляне царили упаднические настроения. Никто в отряде уже не верил в возвращение товарища, но все боялись высказать это вслух. А осознание того факта, что Ройсу оставалась всего декада до окончания контракта, лишь сгущало краски и без того мрачной картины. Сидя у костра, Младший бездумно смотрел на звезды. Может, его друг уже где-то там, посматривает на своих товарищей и ухмыляется, а может, его скинули в выгребную яму, как и остальных имперцев, и теперь душа друга томится в глубинах бездны, ожидая, пока какой-нибудь демонолог или некромант не выдернет ее оттуда для своих мерзких обрядов.

Неизвестность, здравый смысл и надежда вступили в страшную битву, и ничто не могло избавить наемников от душевных терзаний.

– Знаете, – протянул Руст, – вот смотрю я на эту крепость и чудится мне, будто Зануда нам подмигивает.

Младший улыбнулся, все так же неотрывно вглядываясь куда-то в самые глубины бесконечного космоса.

- Да, и мне, - вздохнул Самбер.

Пило покачал головой и посмотрел в сторону Мальгрома. Там на северной стене, почти на грани, отпущенной человеку зрением, мерцал маленький красный кружок.

«Да, действительно подмигивает», - подумал Пило и тут же одернул себя.

- Полюби вас весь сонм темных богов и богинь! - гаркнул он и вскочил на ноги.

- Старший, мать нашу!

- Чего тебе? - зевнул выползший из шатра командующий.

Не ответив, под недоумевающими взглядами друзей Младший вытянул руку и ткнул пальцем в сторону города.

- И правда, - кивнул ошарашенный наемник. - Мать нашу и отца, пожалуй, тоже. Труби наступление! Хотя, нет, постой. Передай Вестникам, пусть пустят цепочкой только среди наших - выступаем, на сборы две минуты. И чтобы через пять все были готовы к рубке!

Младший отсалютовал и принялся выполнять приказ. До остальных тоже уже дошло, и они стали лихорадочно собираться. Над северной стеной, прямо над воротами, мерно мигало пламя с интервалом в три секунды. Все в «Пробитом золотом» знали, что «три», неважно, будь то три выставленных пальца, три кивка, три протяжных зова горна или три секунды между мерцанием, - это сигнал к атаке.

Тим

Видимо, сегодня я растрочу все запасы удачи как минимум на ближайшее десятилетие. Пока я петлял в переулках, не выползая из теней и не снимая «скрыта», мне не встретилось вообще ни одно живое существо, даже крыса дорогу не перебежала. Без особых проблем в кратчайшие сроки я добрался до северной башни. Машина еще та. Если стена возвышается над землей на двадцать метров, то эта башенка обгоняет ее где-то метра на три. И вот на нее-то мне и нужно забраться. Притаившись в самом темном уголке, я стал дожидаться, пока придут сменщики трех солдат, которые охраняли вход в башню. Караул сменился через пятнадцать минут, но, решив, что это слишком мало, я продолжил ждать. Этих парней сменили уже через двадцать. Значит, примерное время смены - от восемнадцати до двадцати двух минут. Вполне прилично.

Достав короткий кинжал, благо эту парочку я всегда ношу с собой, они уже давно стали частью меня, я вложил его в зубы и, врубив ускорение на полную, игнорируя рвотные позывы и тянущую боль, с разбега взлетел на стену. Два метра преодолел одним лишь бегом, а затем, кувырнувшись, растекся по стене, цепляясь за малейшие выступы. Отсчитывая в голове время, я метр за метром продвигался к цели. Когда минуло семь минут, я уже преодолел половину. Подъем оказался не из легких. В некоторых местах камни были настолько плотно сбиты, что в щель не пролез бы и женский волос. Приходилось «обходить» опасный участок и искать другой путь.

Первая серьезная проблема возникла на отметке двадцать метров. Прямо передо мной оказалась бойница, и я четко ощущал присутствие дозорного за каменной толщей. Пришлось обратиться в слух и ждать. В тот момент, когда дыхание дозорного замедлилось, я на пределе сил рванул вперед. А потом снова застыл, вслушиваясь. Дозорный задышал чаще, но вскоре успокоился - видимо, решил, что это птица, или просто ничего не заметил.

Следующим препятствием в моем восхождении стал сильный порыв ветра. Пришлось застыть и потратить целых три минуты, оставалось столько же. Но все же я успел и забрался на крышу точнехонько за девятнадцать минут. Тут же достал самодельный факел. Им стала ножка стула, обмотанная пропитанной алкоголем тряпкой. Щелкнуло огниво, вылетела искра, и самоделка занялась веселыми язычками пламени. Отогнув плащ, я прикрыл огонь, отсчитал три секунды и убрал завесу, чуть подержал и снова накрыл. Так продолжалось в течение минуты. Затем я затушил пламя, отшвырнул палку подальше и стал вглядываться в ночь.

Зачем мне была нужна смена караула? Все просто. Если друзья не подведут и на горизонте появится армия, мне нужно знать, когда резать дозорных, чтобы они раньше срока не подняли шум. А вообще все это сущая авантюра. Спускной механизм охраняют три боевых мага и с десяток воинов, таким отрядом впору на трактах караваны грабить. А что на моей стороне? Два кинжала, навыки Тени и фактор неожиданности, на который я ставлю свою жизнь. В принципе эта ситуация мне напоминает игру в рулетку, вот только моя жизнь стоит не на красном, черном или обычном числе, я все поставил на zero. Шанс, что шарик судьбы упадет на эту ядовито-зеленую ячейку, так же мал, как и шанс, что я продержусь в городе больше чем еще одни сутки. А значит, терять нечего.

Бесконечно долго тянущиеся секунды сменялись минутами, а я, все так же изображая из себя каменную горгулью, вглядывался в ночную мглу. Наконец у самого края роши мигнул красный огонек. Прошло две секунды, и во тьме снова показался красный язычок.

«Объявили готовность», – понял я и свесился вниз.

До окна, обращенного в сторону города, примерно три метра. Что ж, сам демон мне не брат. Сцепив зубы, в которых я все еще сжимал лезвие кинжала, я сиганул вниз, в полете извернулся ужом и, зацепившись за раму, влетел в помещение. Дальнейшие события пронеслись со скоростью истребителя, преодолевшего звуковой барьер. Уже влетая в помещение, я двумя ногами пробил грудную клетку какому-то мужику в длинном балахоне. Минус один маг. Ошарашенные стражи не знали, что предпринять, они вообще рассчитывали на спокойный отдых. Выискав глазами еще двух балахонщиков, я невольно улыбнулся: они стояли совсем близко и лишь один начал формировать заклятие. Как я узнал? Видимо, дает о себе знать инициация. Два кинжала расчертили воздух, и маги пали с пронзенными глазницами.

Бок резануло вспышкой боли, но я уже не обращал внимания на такие мелочи. Осталось еще шесть вояк. Меньше, чем я предполагал, но они с оружием, а я без. Маги еще падали на пол, а я уже метнулся к ближайшему солдату. «Кошачьей лапой» свернул ему кадык и, пока он с хрипом заваливался на бок, выхватил его короткий меч. Удобное оружие, пятьдесят сантиметров острой стали, почти боевой нож и почти как моя сабля. Помещение оказалось довольно большим, метров десять в диаметре. Воины обнажили клинки. Я один, их пять. Но нам не привыкать. Метнувшись к первому, я пропустил его выпад над собой и вонзил клинок прямо в брюхо. Увы, он слишком плотно увяз в неудачно рассеченных звеньях кольчуги.

Следующего противника я встретил с голыми руками. Стиль солдата был прозрачен, как слеза ребенка, – обычный вояка, прошедший ускоренную подготовку. Мне ничего не стоило перехватить его меч за гарду и, используя инерцию удара, перерезать горло. Падая, нимиец выпустил клинок из рук. Я снова вооружен, но меня уже обошли с трех сторон. Хищно оскалившись, я рванул к тому, что преграждал путь к павшим магам. Когда до него оставался лишь метр, я швырнул меч и тот наполовину ушел в череп бедолаги. Белкой-летягой прыгнув вперед, я приземлился на корточки между волшебниками, выдернул кинжалы и, не оборачиваясь, полагаясь на одно чутье и интуицию, метнул их за спину. Завибрировал пол, а я

расслышал, как упали два тела.

Все это заняло не больше тридцати секунд. Думаю, учитель гордился бы мной. Пусть это явное жульничество, но, демоны, я же ученик убийцы, читай: беспринципная скотина. Вернувшись к мертвецам, я достал кинжалы, пробившие им гортань, и замер около во?рота. Огромная катушка с намотанной на нее цепью, звенья которой столь велики, что их вполне можно использовать вместо двухпудовой гири. Снова пошел отчет времени, и, когда минула пятая минута, я одним движением подломил упор, державший всю конструкцию. Закрутилась катушка, стравливая толстенную цепь, и мгновение спустя раздался грохот упавших ворот.

Не теряя времени, я метнулся к витой лестнице, но у подножия башни не обнаружил дозорных. Вместо них увидел четыре знакомые фигуры и три трупа.

- Ну ты герой, - усмехнулся Пило.

- Лэр Зануда, я восхищен вашей доблестью и воинским умением, - в лучших традициях званых приемов поклонился Принц и снял воображаемую шляпу.

- Демоны тебя задери, живучая ты скотина! - тараторил Руст.

Ушастый ограничился одним лишь подмигиванием.

- И вас с тем же, и вас так же, - сказал я. - Чего стоим? Или оставим город служивым? Сейчас дозорные поднимут тревогу, и здесь будет очень горячо.

- Твои предложения? - ощерился Младший.

- Ха! - улыбнулся я и опустил забрало. - Фхе ха фной.

И мы нырнули в темный переулок.

Интерлюдия

Эта ночь в Мальгроме была так же ярка, как и утренний рассвет. То тут, то там вспыхивали очаги пожаров, слышались крики умирающих. Три тысячи наемников ворвались в парадный вход и первые десять минут убивали всех, кого видели. Потом подключились служивые. Завязались бои на улицах. Нимийцы дрались как львы, заливая кровью каждую пядь земли, но вскоре рухнули восточные ворота и в город нескончаемым потоком хлынули имперцы. Легионеры и солдаты уже видели победу, перед их взором застыла картина разграбленного города. Потоки золота хлынут в их карманы. Те, кто выживут, станут богаты и смогут навсегда забыть о войне, - награбленного хватит на счастливую старость.

Через полчаса уличных боев, когда сгорела последняя баррикада, воины окружили ратушу. На балкон вышел генерал-губернатор. Он вынес белый флаг и ключ от города. Но маршал северного фронта не прощал обид. Он отдал команду, и воины ворвались в убежище. Этой ночью, опьяненные победой, боем и наживой, они не щадили никого. Звезды померкли от стонов умирающих стариков, от плача женщин, своим телом прикрывающих кричащих детей. В подвалах ратуши развернулся кровавый кошмар. Многие потом скажут, что кровь стояла там по щиколотку, но нет, она вздымалась по колено. И если есть боги на Ангадоре, то в этот момент они плакали кровавыми слезами, видя, как воин пронзает клинком мать и ребенка, нанизывая их на теплую сталь.

За последние полвека это была самая кровавая бойня на всем континенте. Через годы люди

будут прославлять отважных воинов северного фронта, спустя десятилетия проклянут наемников «Пробитого золотого», которые на своих плащах принесли победу имперцам, спустя века люди назовут осаду Мальгрома Золотой резней.

Тим

Я с уверенностью охотничьего пса привел команду к трехэтажному дому. Даже с виду было понятно, что он принадлежит богатому человеку, вернее, гному, а если совсем точно – мальгромской гильдии Кузнецов.

- Ну и где мы? – спросил Руст, озираясь по сторонам.

Вопрос вполне себе закономерен. Мы находились в небольшом тупичке, и вокруг, кроме административных строений, ничего не было, даже самой замшелой лавочки.

- Это склад оружейников, – ответил я.

Щуплый вздохнул и покачал головой:

- Проще было ювелиров выставить. Темные, вот все у тебя не как у людей.

- Совсем глупый, да? – с сарказмом спросил я. – Ювелирам-то что, все слитки они вывезли, еще когда Империя под Борсом победила, а мелкие изделия попрятали так плотно, что хрен ты их когда отыщешь. Пусть глупцы довольствуются жалкими крохами в ювелирках, а мы сорвем куш покрупнее.

Народ глубокомысленно покивал, а Ушастый поинтересовался:

- И как ты собираешься проникнуть внутрь? Что-то я не уверен, что гномы оставили склад без надежных магических чар.

Я улыбнулся и обратился к Пило:

- Захватил?

- Спросишь еще, – вернул он улыбку и протянул мне мешок. – Я не знаю, что у тебя там, но надеюсь, не выпивка.

Ну да, мешок небось бренчал, как котомка алкоголика. Взяв свое главное оружие против магии, я, не открывая его, размахнулся и метнул в здание, одновременно с этим падая на землю. Друзья последовали примеру и правильно сделали. Мгновение – и спину обдало жаром, а по ушам долбанул дикий грохот. Подождав, пока уляжется пыль, я поднялся на ноги и оглядел дело рук своих. А бабахнуло знатно. Крыльцо начисто снесло, а вместо дверей в стене зияет огромный провал.

- И я это на спине таскал?! – вскричал Младший.

Я обернулся, пожал плечами, мол, жизнь она такая, и отправился мародерничать. Пило недолго сокрушался и уже совсем скоро присоединился к нам. Разгоняя темноту светом факелов, которые припас эльф, мы стали искать, чем поживиться. А поживиться здесь можно было весьма нехило. Парни, громко восхищаясь тем, как удачно мы зашли, стали складывать все, что находили, по мешкам. Я же искал строго определенную вещь, вернее, вещи – замену своим саблям. Но ничего подходящего так и не отыскалось. Здесь были великолепные

бастарды, которые заграбастали себе Принц с командиром, были и наборы метательных кинжалов, отошедшие Русту, нашлись и стрелы для Ушастого (лук он не менял принципиально), но чего-то подходящего для меня так и не обнаружилось.

- Ройс, сваливать пора, скоро служивые могут подойти! - окликнул эльф.

Наемники уже натаскали пять мешков, под завязку набитых различными изделиями. Каждому по одному кулю, ценность содержимого которого стремится как минимум к сотне золотых.

- Еще пять минут, - отмахнулся я и продолжил поиск.

Служивые действительно совсем скоро двинут в этот квартал. Как только командование отдаст отмашку, сразу пойдут грабежи. И драться с ними за добычу - не очень веселая затея, особенно учитывая, что я еле стою на ногах. Видно, боги услышали мою жалобу. Очередной приступ слабости скосил меня, и я упал на стену. Но вместо того чтобы встретить меня камнем, она отъехала в сторону, и я рухнул на пол.

- Сиритэ линь! - выматерился Ушастый. - Ройс, ты удачлив, как тысяча демонов! Взрыв вывел из строя потайной механизм.

Наемники тут же покидали мешки и ломанулись в проем.

- Заграф дир гос! - возмутился я. - Вы еще потопчитесь на мне! Может, встать поможете?

- Ах да, - опомнился Принц, и они с Рустом подняли меня. - Как-то не подумали.

Поворчав еще немного, я двинулся вслед за командиром, освещавшим нам путь. Спускались мы явно куда-то в подвал. Когда перед нами показалась даже на вид непробиваемая дверь, прозвучал хор разочарованных стонов.

- Авось, - с придыханием прошептал я и толкнул дверь.

Секунду ничего не происходило, а потом она со скрипом отъехала в сторону.

Теперь уже раздалась вздохи восхищения. На стене висело оружие, и не просто оружие, а, возможно, зачарованное или из особой стали, а может, и то и другое вместе взятое. Короче, вся затея с наемничеством окупалась одним лишь этим залом.

- Чтоб мне век перерождения не видеть! - выдохнул Пило.

Закипела работа. Мы сдирали со стен арбалеты, узкие мечи, палаши - все, что можно было уместить в мешки. Оставляли лишь эспадоны, двуручные мечи, секиры и молоты. Но я все равно никак не мог отыскать что-то подходящее. Видимо, придется обходиться кинжалами до тех пор, пока не смогу заказать себе сабли. А работа на заказ стоит почти как полгода обучения в Академии. И тут я нутром почувствовал некое тепло. Буквально уткнувшись носом в стену, я стал выискивать неизвестно что. И вскоре увидел их. Две сестренки, старшая и младшая, длиной шестьдесят и пятьдесят сантиметров соответственно. Без гарды, с витой рукояткой, они захватили мое сознание. Их неповторимая смертельная изящность восхищала. Толщина самой широкой части не больше четырех сантиметров, они буквально кричали: «Только наступать, не защищаться, только атаковать!» Ха, такое станет девизом герою или эпитафией неудачнику, но я согласен. А сталь... нет, это не обычная сталь. Она будто светилась серебром или, быть может, светом луны. Дрожащими руками я снял их со стены и сделал несколько пробных взмахов. Совершенная балансировка, подойдет как для

стремительных выпадов, так и для затяжной рубки. А вес – он столь идеален, что нельзя сказать, будто какой-то клинок легче, а другой тяжелее.

– Кажется, Ройс влюбился, – заметил Ушастый.

– Ага, – кивнул я. – И это любовь с первого взгляда. Если бы еще и ножны прилагались, так я бы уже начал жертвы богам приносить.

– А может, тебе еще и бабу рыжую? – усмехнулся Пило. – Ладно, братва, делаем ноги. Поживились мы нормально, пора и честь знать. Остальные пусть веселятся, а нам с таким добром нужно в лагере хвосты прижать. Пусть Старший прикроет, когда служивые прознают, что их опередили.

Отпуская пошлые шутки про солдат и их руководство, а также поминая всю их родню до пятого колена, мы покинули разграбленный склад и зашагали в сторону ворот. Все смеялись, выпуская пар, и радовались богатой добыче. На небе ярко светили звезды, во всяком случае так мне казалось. Сабля я нес, убаюкивая, словно младенца. И пусть демоны меня загрызут, но я был готов обменять этих малышек на всю сегодняшнюю добычу.

Мы миновали торговый ряд и снова нырнули в переулки. Не стоит светить такой добычей. Поддерживая шутиливую перепалку, я вглядывался в лица друзей. Все были счастливы, и только у эльфа на лице застыла улыбочивая маска. Что он чувствует, я не знал, и даже не хотел задумываться об этом. Настроение взлетело просто до небес. Денег от продажи хватит на Академию (может, даже пара золотых останется), а это значит, что совсем скоро я стану магом. Само слово «волшебство» манило меня не хуже чем огонь мотылька. М-да, сбываются детские мечты. Я уже рисовал в своем воображении, как буду вгрызаться в гранит науки, постигая мистическое таинство. Ну и, конечно, куда ж без студенческих вечеринок. Думается мне, студиозусы всех миров очень похожи, а значит, впереди меня ждут пять веселых лет. И по сравнению с войной их точно можно назвать беззаботными. Правда, придется каждое лето искать способ добыть очередные пять сотен, но, надеюсь, банк не откажет в кредите будущему магу. В случае чего наймусь телохранителем, благо теперь, когда у меня на плече красуется наемническая татушка и двухзначная циферка под ней, никто в моей компетентности сомневаться не станет.

Вдруг по ушам резанул дикий свист, будто пуля пролетела в сантиметре от виска или комар размером с овчарку резвился неподалеку.

– Не потеряй кулон, – еле слышно прозвучал шепот эльфа. – Однажды он решит твою судьбу.

– Что ты... – обернулся я к Ушастому, и время застыло.

Я медленно опускал взгляд с сильно постаревшего лица, испещренного морщинами, на его грудь, где из сердца торчало каменное копьё.

– Ушастый! – крикнул я и схватил немощного старика, некогда бывшего мне другом.

На мой крик обернулись и другие. По улице прогремел звон от упавших на мостовую мешков, полных железа.

– Демоны!

– Твою мать, Ройс, доставай зелье! Самбер, давай бинты! Руст, не стой столбом, выставь щит, маг стрелял с крыши.

- Нет зелий, все разбиты!

- Демоны! Вытаскивайте все из мешков, будем вязать носилки! - Руст и Принц, не колеблясь ни секунды, бросились выполнять приказание. На землю посыпались доспехи и оружие, шлемы и поножи. Пило подошел ко мне, и вместе мы аккуратно уложили постаревшего друга. - Ты, главное, глаза не закрывай, мы еще поборемся, слышишь, поборемся, демоны всех задери!

Голос Младшего предательски дрожал, а я отказывался принимать происходящее. Эльф старел на глазах, его кожа серела, взгляд туманился, руки истончались, а кожа съеживалась и покрывалась морщинами.

- Не... хочу... так, - прохрипел друг. - Позови их, хочу... увидеть лица...

- Щуплый, Принц, идите сюда, - безжизненным голосом приказал Пило.

Ребята подошли и опустили на колени перед умирающим другом. Руст побледнел, а по щекам Константина катились слезы. Он единственный плакал лицом, и все мы рыдали душой.

- Да... - вздохнул Ушастый, превратившийся в сморщенного старика. - Так лучше... Вы не забываете... Еще свидимся... Надеюсь... не скоро.

Эльф погиб у меня на руках. Он обратился в изумрудное пламя, которое не обжигало, а согревало. Огонь спиралью поднимался в небо. Когда пламя почти исчезло, оно на миг осветило юного мага, распластавшегося на крыше. Его остекленевшие глаза смотрели прямо на нас, а изо рта текла тонкая струйка крови. Нимиец из последних сил запустил базовое боевое заклинание школы земли и забрал с собой одного из нас. Подул ветер, принес с собой далекий шепот:

- Падет святая крепость, сжигаемая пламенем войны, а умирающий герой каменной стрелой пронзит прогнившее сердце пронзающего время.

С этим наступила тишина, и лишь что-то со звоном оборвалось в глубине души.

Глава 13

Шоудаун

[3]

Мерцали звезды, миллиарды небесных огней, похожие на рождественскую гирлянду. Далекие, таинственные ночные светила, разбросанные в хаосе по всему небосклону. Но разумным не родственно чувство беспорядка, они не видят изящности в хаосе, не видят красоты за шорами несоответствия, разумные стремятся упорядочить все, с чем имеют дело. Звезды они объединяют в созвездия, системы в галактики, галактики - во вселенные, и так до бесконечности, пока не кончится матрешка. А как снимут последнюю куклу - пару тысячелетий поломают голову и снова продолжат все систематизировать.

Мерно трещало пламя костра, освещая храпящего в обнимку с бутылкой Принца. Руст, с повязкой на глазу, что-то бормотал, прислонившись к дереву. Старший, не в пример остальным, где-то раздобыл одеяло и теперь посапывал в позе эмбриона. На ногах остались лишь я да Пило. Младший сидел с деревянной кружкой, в которой плескалось крепленое вино. Настойка у нас кончилась сегодня утром или вчера. Пьем мы, вернее, отмечаем уже второй день.

Когда вернулись в лагерь, то сразу отправили Вестника за Старшим. Он примчался уже через час, оставив за главного одного из своих генералов. Сперва распределили добычу. Долю Ушастого отправили в общак. По деньгам выходило прилично, и у меня на счету теперь четыреста восемьдесят золотых. И все было бы просто замечательно, если бы не смерть друга. Нет, я не винил себя за то, что не среагировал на выпущенное заклинание, хотя, если бы оставался настороже, смог бы его отбить. Не винил я и того мага, который, уже стоя на грани, забрал с собой врага, – это поистине достойный поступок. Не винил и Ушастого, оказавшегося прорицателем. На Ангадоре существует поверье, быть, а может, и легенда, будто при рождении пронзающий время видит свою смерть. И это становится его первым предсказанием, но оно не предназначено для ушей смертных, ведь младенец не умеет говорить. Прорицание просто вплетается в полотно судьбы и формирует жизнь провидца, а после смерти предсказание выпадает из русла времени, его мы и услышали.

Эльф не знал, когда он умрет, но чувствовал, не мог не чувствовать, хоть и продолжал улыбаться и строить из себя невесть что. Почему он так поступил? Может, устал жить, может, не хотел вмешиваться в естественный ход событий, а может, знал что-то, что уже не узнает никто из ныне живущих, да и из будущих поколений тоже.

– А ведь глупо оно все вышло, – протянул Пило.

Я запрокинул голову и уставился на огромный полумесяц. Наверное, он прав. Действительно глупо. Сначала мы помянули павших, потом праздновали победу, но ведь победа не наша. Победили имперцы, проиграли нимийцы, а мы просто наемники, без долга, без чести, без веры и принципов, нам платят – мы убиваем, нам не платят – но мы все равно убиваем, потому что всегда найдется тот, кто заплатит. Я убегал от участи Тени, от Шрама и Плаща. Убегал и от Добряка, но в сухом остатке метался по кругу, цепляясь за тускнеющие с каждым днем учения Земли.

Убеждая себя, что война – это не бездумное убийство за деньги, я забыл самую суть, закрыв ее шорами предубеждений. Я поступил точно так же, как и большинство разумных, – прикрыл хаос иллюзией порядка.

– Вероятно, ты прав. Кстати, а сколько ему лет-то было?

Пило задумался. Ушастый никогда не распространялся о своем возрасте, но смерть расставила точки над *i*. Природа дает эльфам вечную молодость и почти бесконечную жизнь, они не стареют до двух тысяч лет, а если верить молве, то в Предвечной роще сидят владыки, седые старцы, которым уже больше десяти, а то и пятнадцати тысяч. У меня в голове не укладываются такие сроки. Что же за существа они должны быть, если за плечами столько жизненного опыта? Какие мысли занимают их голову? О чем они мечтают и чего желают? Или они уже настолько породнились с миром, что не отделяют себя от него, живут как живется, наблюдая за тем, как день сменяет неделя, месяц, год. Впрочем, так живут многие из тех, чья жизнь ограничена веком, а то и меньшим сроком.

Но жнец, несущий за спиной мешок душ, не терпит обмана. Он раскрывает хитрость природы и обнажает истинное лицо всех «бессмертных». Ушастый обернулся глубоким старцем, а значит, так оно и было.

– Не знаю, – покачал головой Пило. – Может, триста, а может, и больше. Для нас, конечно, безумно много, но для древолюбов – только-только из подросткового возраста вышел.

Надо же, а я думал, поменьше будет, но озвучивать это мнение не стал. За спиной раздался

шорох примаемой травы, но ни один из нас не обернулся. Вряд ли это враг.

- Господин Ройс? - прозвучал чуть хриплый голос.

Пришлось оборачиваться. На поляне стоял некто в широкополой шляпе и длинном плаще, скрывающем все тело.

- Я слушаю вас, - кивнул я.

- Мы отправляемся через час. Начальник попросил вас не задерживаться, ждать не будем.

Вестник откланялся и исчез во тьме. Еще вчера я договорился с их главным, и тот за пять золотых согласился принять меня в свой отряд и сопроводить до границ Империи. Все же возвращаться одному не хотелось, да и опасно это. А так буду праздно валяться в дилижансе и ждать, пока не прибудем в Борс. Понятное дело, через Харпудов гребень мы не попремся, а двинемся в обход, но если слухи о Вестниках правдивы хотя бы наполовину, то до цели мы доберемся максимум дней через десять.

- Что, не нравится? - улыбнулся Младший.

- Ага, - снова кивнул я. - Никак не привыкну к этим «господам», «лэр» как-то роднее будет.

- Привыкай, - пожал плечами друг. - Ты у нас теперь не военный, а к гражданским только так и обращаются. И это... ты уверен, что татуировку сводить не будешь?

вернуться

3

Стадия в покере, когда игроки открывают свои карты и определяется победитель.

Я посмотрел на свое плечо, где под повязкой красовался пробитый золотой и веселая рожица.

- Нет, - в который раз отказался я от предложения. - Оставлю на память.

- Дело твое, - с полным безразличием в голосе сказал Пило, но по нему было видно, что он рад такому решению. - Тогда будем прощаться?

Я в третий раз кивнул, встал, отряхиваясь от прилипшей к штанам пыли, и взглянул на спящих товарищей.

- Будить не будем, - скорее подтвердил, чем спросил Младший, и протянул мне руку.

- Не будем, - согласился я и сжал предплечье бывшего командира. - Прощай, друг.

- Э нет, - протянул Пило и, подмигнув, хитро улыбнулся. - Удачи. Брат.

Я вгляделся в лицо товарища, но увидел только беззаботную улыбку.

- Да. Удачи и тебе. Брат.

Мы разжали руки, и бывший командир плюхнулся на землю, опрокинул в себя остатки вина и устался в костер.

Развернувшись, я взял под уздцы Шурку, мирно пощипывающего какой-то куст, и направился на север, где уже собирался в путь отряд Вестников. Я не оборачивался – говорят, примета плохая, и, чтобы не искушать себя, смотрел на луну. Когда на горизонте появилась крытая повозка, ночное светило на миг спряталось за тучкой и тут же выглянуло из-за нее.

Две декады спустя

Графиня Лизбет Норман

Юная девушка в простом, но симпатичном бежевом платье зашла в таверну на перекрестке четырех дорог. В небольшом помещении на пять столиков было просто непомерно много народу. Разумные были везде. Сидели за столами, стояли около барной стойки, некоторые даже на лестнице расположились. И в этом море из живых существ мертвым островком возвышался угловой, неприметный шестой столик. За ним сидел путник, сразу же завладевший вниманием графини. Лицо незнакомца оказалось скрыто широкополой черной шляпой, а с плеч ниспадал длинный плащ той же расцветки. Некто сидел в полном одиночестве и, закинув ботфорты на стол, неспешно потягивал пиво. Вроде с виду обычный Вестник, но Лизбет никак не могла понять, почему никто не осмеливается сесть за его столик, ведь там хватит места еще как минимум для трех человек.

- Какая краля! – пронесся по залу гулкий бас. Из-за одного из столов поднялся хмельной пузатый мужик с щетиной и желтыми ногтями. – Малышка, разбавь наше мужское общество своим присутствием. Не пожалеешь!

Мерзкий мужлан мазнул по девушке сальным взглядом и с намеком подмигнул. Два телохранителя графини выдвинули мечи и сделали шаг вперед.

- Атас, хлопцы! – крикнул мужик.

Его четыре собутыльника вскочили с мест, роняя стулья, и тоже обнажили клинки. В зале повисла тишина, нарушаемая прихлупыванием, доносящимся от столика Вестника.

- Ты ответишь! – прорычал Линд, один из телохранителей Норман.

- Ха! – засмеялся заводила. – Парни, вы слышали? Этот желторотый мне угрожает! Небось только вчера в руки кухонный нож взял, а сегодня уже с пашкой наголо!

Собутыльники рассмеялись и плотоядно оскалились, разглядывая ладную девичью фигурку.

У Лизбет помутилось сознание. Она ведь просто хотела прикупить хлеба в дорогу, а тут такое. Из головы тут же вылетели все плетения, показанные ей дедушкой, коленки задрожали, и она лишь чудом устояла на ногах.

- Да ты не бойсь, – не прекращал ухмыляться мужик. – Мы не обидим, наоборот, хорошо сделаем. Ты небось девка неопытная, так мы ж научим! – Пятерка снова загоготала в голос. – Вот только твоих охранчиков маленько помнем.

Телохранители двинулись вперед, мужики также рванули навстречу, и тут в таверне раздался мягкий, почти елейный голос:

- За павших, господа!

Лизбет обернулась и увидела вставшего Вестника, держащего в вытянутой руке кружку с пивом. Мужики остановились, не дойдя двух шагов до телохранителей, потом развернулись, вернулись к столу и тоже подняли кружки.

- За тех, кто не вернулся, - твердо сказал заводила и опрокинул в себя какую-то янтарную жидкость. - Ты откуда, паря?

- Северный, - ответил Вестник.

- Мальгромовский, значит...

- А сами какого будете?

- Центральные мы, - протянул мужик. Казалось, этих двоих совсем не смущает тот факт, что они разговаривают через весь зал. - Недавно с рубки воротились.

- Лекари? - непонятно к чему спросил высокий парень.

- Да, демоны их задери! - прорычал мужик и грохнул кулаком по столу. - Скилсы вонючие.

В зале снова повисла тишина. Телохранители не спешили убирать мечи.

- Хозяин, неси бочонок крепленого! - приказным тоном гаркнул Вестник. Тут же как по волшебству появился пузатый владелец заведения и поставил емкость на стол перед высоким незнакомцем. - Выпьем за победы, помянем тех, кто не вернулся, поделимся опытом, - как некую молитву произнес парень и, сделав пригласительный жест, сел на стул.

Мужики переглянулись, убрали оружие и, не обращая внимания на девушку и телохранителей, двинулись к угловому столику. Лизбет буквально вылетела на улицу. За ней вышли и два воина с железными серьгами в ушах.

Норман вскочила на коня. Ее всю трясло, но уже не от страха, а от негодования. Она успела заметить, как из-под плаща Вестника выглянули две витые рукоятки. Этот незнакомец был сильным мечником, раз владел сразу двумя клинками, но предпочел не защитить поруганную девичью честь, а пить с этими мерзавцами. Как он посмел?! Он ведь буквально плюнул ей в лицо! Но ничего, мир круглый, когда-нибудь они встретятся еще раз, и Лизбет проучит наглеца. О да, через декаду она поступит в Академию, выучится и обязательно отыщет этого Вестника, нанесшего ей самое тяжкое оскорбление.

Увы, пути судьбы таинственны и ветвисты. Уже через час телохранители остановили лошадь графини, выхватили клинки и соскочили на землю. К трем путешественникам, вздымая клубы дорожной пыли, мчался всадник. Правой рукой он придерживал шляпу, а левой дергал поводья. Через минуту, когда преследователь оказался всего в пяти метрах, будущая волшебница с удивлением опознала в нем того самого Вестника.

- С вас три серебряшки, - сказал он.

- Что? - вскинулась графиня, осознав смысл сказанных слов.

Вестник вздохнул, поправил шляпу и повторил:

- Три серебряшки. Две за бочонок и одна за ваше спасение.

- Что-что? - повторила девушка.

Незнакомец склонил голову набок и некоторое время молчал.

- Девушка, вам ментальное заклятие никуда не прилетало?

- Н-нет.

- Значит, природное. Короче, объясняю популярно. Доблестный я, сидя в таверне, увидел, как пять вооруженных мужиков хотят покрошить трех малолеток. В итоге я потратил две серебряшки на бочонок вина и тем самым спас вас, миледи, от незавидной участи, хотя степень ее «незавидности» - это уже на ваше усмотрение. Так вот, я как бы не Рокфеллер, так что гоните монету, благодарность, и мы разбежимся.

Лизбет некоторое время обдумывала речь незнакомца. Она не знала, кто такой Рокфеллер, но вскоре ее разума достиг смысл предпоследней фразы. А в это время багровые, как закатное солнце, стояли телохранители. Уже два раза за сегодня их унижают, но убивать без приказа нельзя.

- Ты уже дважды меня оскорбил, - прошипела леди, а на лицах обладателей железных серег появились хищные оскалы.

Незнакомец промолчал. Лизбет ликовала - этот оборванец испугался!

- Я не прослеживаю ваши математические выкладки, - протянул Вестник.

Лизбет затряслась. Он явно издевается!

- Один раз я прозрачно намекнул, что ж, погорячился. Но вот второго раза что-то не припомню...

- Проучите его! - гаркнула Лизбет.

О, убивать она его не станет, она отвезет наглеца в замок, где с ним потолкует дедушка. Хотя нет, лучше она оставит его себе и запрет в подземелье - это будет достойным наказанием. Может быть, через пару лет она его выпустит, но только может быть.

Телохранители сорвались с мест, но тут произошло невероятное. Вестник спрыгнул с коня, затем из-под плаща высверкнули два лунных лучика и охранники упали на землю. У одного оказался разбит нос, а у другого - свернута челюсть. Вестник наклонился. Лизбет прикрыла рот ладошками. Что же будет, если он их добьет?! Но нет, она так просто не дастся, она дорого продаст свою жизнь, дедушка учил ее обращаться с кинжалами. Графиня протянула руку к седлу и достала легкий кинжал, подаренный ей на день рождения.

- Фух, - выдохнул незнакомец и распрямился. - Всего лишь железные, а то я уже начал думать, что слухи о мечниках - сплошное преувеличение.

Лизбет сжимала кинжал и отказывалась понимать происходящее. Два воина, пусть и подмастерья, потерпели поражение от какого-то Вестника!

- Ладно, леди, - продолжал незнакомец. - Демоны с вашими деньгами, я уже и так опаздываю. Ну прощайте.

Парень вскочил на коня и, цокнув языком, сорвался с места в карьер, обдав девушку пылью. Когда он скрылся за поворотом, Лизбет позволила себе слабость. Она убрала кинжал и

распласталась на лошади. Отдышавшись и кое-как придя в себя, внучка графа спрыгнула на землю и направилась к валяющимся без сознания телохранителям.

«Пожалуй, мне нужно будет усердно учиться, чтобы встретиться с ним и оказаться на равных», – думала она.

Но, увы, пути судьбы таинственны и ветвисты...

Тим

Шурка закусил поводья, и я кубарем полетел на дорогу. А ведь обычно он просто останавливается и ждет, пока я не проснусь. Вскочив на ноги, я обнажил Лунные Перья, так было решено назвать сабли.

- А я уж и не надеялся, что вы заглянете. – Голос, как всегда, полон учтивости, а в глазах черти пляшут. Ну-ну.

- Здравствуйте, граф. – Я галантно поклонился и снял шляпу.

Уже третью декаду я путешествую по Империи. Ну, конкретно по Империи – только две, но и оно того стоило. Сколько раз на меня нападали разбойники – сбился со счета на шестой группе. Сперва просто раздевал и сжигал одежду, но последних серьезно поколотил. Убивать – только клинки пачкать, а так они особой угрозы не представляют. Это же не тракт. Вот там – и арбалеты, и мечи, а здесь – топоры да рогатины, ничего криминального.

- Я смотрю, год прошел не зря? – с легким оттенком сарказма спросил маг.

Сейчас он предстал в том облике, в каком когда-то подвозил меня на своей бричке. Только вот одежда с крестьянской сменилась на соответствующую по титулу. Одни золотые запонки с изумрудами чего стоят. А уж про эфес, скорее напоминающий цельный кристалл, и упоминать не буду.

- Как видите, милорд, – развел я руками, не убирая сабли.

Волшебник смерил меня холодным взглядом и, протянув руку, указал куда-то мне за спину.

- Поговорим? – деловым тоном осведомился он.

- Поговорим, – согласился я.

Убрав сабли, я взял лошадь под уздцы и пошлепал к замку. Можно было, конечно, сесть в седло, но по отношению к пешему человеку это проявление крайней степени неуважения. Всю дорогу до замка, не заняв больше часа, мы не проронили ни слова. Впрочем, это было и не нужно. Лично я для себя все решил, а что накрутит себе этот старик, меня не особо интересовало.

Дом графа оказался под стать ему самому. Стиль ампир, что ли, хотя, может, и что-то другое. Я не сильно в этом разбираюсь, но выглядит красиво. Небольшой барбакан, перекрывающий каменный мост, затем массивные ворота, обрамленные изящным орнаментом, стена, будто вышедшая из-под кисти художника, кирпичик к кирпичику. Квадратные зубцы выступают на двадцать сантиметров, а на укреплениях видны продолговатые бойницы. Ну и, разумеется, башенный комплекс. Уже отсюда я видел витую черепицу и прекрасные статуи. Кажется, это

были местные аналоги наших муз. Прекрасные девушки в легких платьях. Удивительным был скульптор, создавший такое чудо. Передать ощущение парения через камень – вряд ли на это многие способны.

- Нравится?

- Есть такое.

Старик улыбнулся, ему явно польстило мое отношение. У арки барбакана нас встретили два стражника. Они скрестили было алебарды, но, завидев графа, вытянулись по струнке и отдали сигнал. Заскрипела цепь, навевая не особо приятные воспоминания, и ворота распахнулись. И что-то мне подсказывает – от мага не ускользнула и эта моя эмоция.

Сами крепостные ворота мы преодолели также без всяких заминок, и наконец мне посчастливилось рассмотреть внутреннее хозяйство.

Ну ничего необычного. Во всяком случае ничего такого, чего бы я не видел у графа Гайнесского. Те же многочисленные домишки для прислуги и мастеровых, небольшая кузня, конюшня, продовольственный склад и песчаный плац. Вот, собственно, и все. Сам же замок, кроме башенок и статуй, также ничем не выделялся, разве что первый этаж был весь увит плющом. Возможно, для того, чтобы было удобнее взбираться любовникам или выбираться непоседливым виконтам, это уж смотря кто уродился.

Сдав явно недовольного раскладом Шурку на поруки местному конюшему, мы направились внутрь. Перед идущими распахнул двери надменный седовласый дворецкий. Отвесив учтивый поклон графу и кивнув мне, он повел нас через лабиринт коридоров и добрую сотню лестниц. По дороге я с неким любопытством разглядывал внутреннее убранство. Иногда мне встречались картины, наверное, жутко дорогие и известные, но оценить местное искусство по достоинству я не мог, мне как-то земное ближе.

Также один раз я надолго застыл на месте. Дворецкий и граф не мешали, а я все разглядывал гобелен. Длинное полотно с изображенной на нем схваткой. С левой стороны – огромная черная река, но стоит присмотреться, и увидишь, как эти воды преобразуются в бесчисленное количество воинов, возглавляемых настоящим гигантом с огромным двуручником наперевес. С правой стороны изображен солнечный свет, но на самом деле это солдаты в золотых доспехах, а их предводитель – брат-близнец черного гиганта, разве что вместо меча у него щит в полный рост и длинное копьё.

Примерно на середине полотна два гиганта сшибаются в смертельной схватке, черная река сливается с солнечным светом, они смешиваются в хаосе водоворота, а вскоре вверх поднимается черный сокол, но ему не суждено долететь до сияющей серебром луны: гордую свободную птицу пронзает копьё, брошенное золотым паладином. Отчего-то меня одолела грусть. Мне показалось, что сокол не заслуживает такой смерти. Хотя крылья его черны, как ночь, но глаза полны света, пусть не золотого, как у святых воинов, но чем хуже серебряный?

- Удивительное полотно, не правда ли? – окликнул меня граф.

- Скорее поразительное. Но что на нем изображено?

- Это весьма любопытная история, – усмехнулся маг. – Автор работы умер примерно шесть с половиной веков назад, а сей гобелен он плел в течение последних двадцати лет своей жизни.

- Не вижу ничего любопытного, – пожал плечами я.

- Возможно, и так, вот только автор обладал пророческим даром и изобразил истребление шестых до начала Священной войны. И говорят, он умер в тот день, когда сгорела первая крепость проклятого рода.

Я еще раз взглянул на полотно. Да, если смотреть с такого ракурса, то становится ясно, почему у одних доспехи черные, а у других золотые. Единственное «но» – почему, даже зная правду, я все еще испытываю жалость к этому соколу? А еще – некое родство, хотя это скорее всего усталость с дороги. Скакать три дня без передышку – то еще развлечение.

Оставив любопытный гобелен за спиной, мы миновали еще несколько поворотов и оказались в просторном кабинете. Некое подобие штор на окнах, стол из красного дерева, удобные креслица и длинная книжная стенка. Граф что-то сказал дворецкому, тот кивнул и скрылся за дверью.

- Присаживайтесь, – предложил маг, садясь за стол и указывая мне на ближайший стул.

Хмыкнув, я развернул кресло так, чтобы контролировать подозрительный стеллаж, дверь и окно.

- Благодарю. – Я снял шляпу и прикрыл ею правую руку, в которой сжимал стрелку.

Граф оставил мои потуги без внимания и как бы между делом поставил на стол бутылку с янтарной жидкостью.

- Будете?

- Пожалуй, откажусь.

Вот теперь старик хмыкнул, явно намекая на что-то. Я сначала не понял, а потом решил, что он считает, будто я боюсь отравления, но все намного проще. После того бочонка крепленого, по вкусу больше похожего на солдатскую бражку, я еще месяц пить не смогу.

- А я выпью. – С той же ухмылкой на устах волшебник от души плеснул себе в кубок и сразу осушил примерно половину. – Многое теряете.

- Поверю вам на слово.

Некоторое время мы молчали. Граф неспешно потягивал свою настойку, а я, крутя в руке стрелку, контролировал обстановку.

- Вы точно не будете? Расслабьтесь, а то вы как-то напряжены.

Я взглянул на мага, но на его лице, кроме застывшей ухмылки, не отражалось ровным счетом ничего.

- Милорд, вы же в курсе моих планов, так?

Маг кивнул.

- Тогда не вижу смысла в этом кратком предисловии. Через два дня прием в Академию, а мне еще до города добираться.

- Что ж, – пожал плечами маг и убрал выпивку. – Перейдем к делам?

- Хотелось бы.

- Тогда я вас внимательно слушаю.

Волшебник скрестил руки на животе и откинулся на спинку кресла. Я же вопросительно приподнял правую бровь.

- Молодой человек, - вздохнул собеседник. - Вы сами отказались от пустой болтовни, так не томите. Если бы вы ничего не поняли, то вряд ли бы приехали сюда. А раз уж приехали, так выкладывайте свои претензии.

- Туше, - развел я руками. - Я действительно многое понял. Знаете, когда вокруг темнота и толща каменной породы, кроме как думать, заняться особо и нечем... Но остался вопрос - зачем?

- Зачем... Хороший и вечный вопрос. Может, сначала расскажете, что же вы такое поняли?

- Ну, для начала то, что вы с моим наставником - либо старые друзья, либо родственники.

Впервые за все наше знакомство я смог добиться проявления хоть каких-то истинных эмоций. На лице мага на долю секунды отразилась крайняя степень удивления.

- Продолжайте.

- Ладно. Наверное, стоит начать сначала, раз я уже выбросил первый козырь. Первая неувязка возникла с вами. Случайный путник на широкой дороге встречает шебутного мага-графа? Тогда я поверил, но после некоторых других совпадений... Впрочем, здесь у меня лишь подозрения. Далее. Если покумекать и позагигать пальцы, то получается, что Шрам, надежнейший посредник, слил обо мне информацию еще в то время, когда я знать не знал про письмо Добряка. К тому же он внезапно исчез. Недавно закахивал в его кабачок, а там уже кто-то другой заправляет. Потом этот странный заказ. Мне будто расчистили дорогу и под белые ручки завели на бал, но вот там все пошло не так. Каким-то образом на мероприятии оказался маг, и вот здесь таинственный некто запаниковал, ведь мог сорваться весь спектакль. Но об этом позже. Ваше второе появление также можно списать на случайность, и снова у меня лишь подозрения.

Маг хмурился, кивал, а я продолжал:

- Едем дальше. Я появляюсь в столице и сразу попадаю в примитивную ловушку к некоему магу. Вопрос - а почему же он меня не убил? Да все просто, потому как встретиться я должен был не с ним, а с настоящим заказчиком, но некий кукловод решил, что я могу сгоряча прихлопнуть этого засранца, так подставившего меня, хотя никакой подставы и не было. Затем я отправляюсь в Академию, но вот беда - прием закончен и перед моим носом буквально захлопывают двери. Отпусти меня Добряк на сезон пораньше - и я бы точно все успел, вопрос - зачем же ему это было нужно? Ответ пока неясен. Ну и под завязку - встреча с «Пробитыми». Как они меня узнали? Просто по приметам не определишь, следовательно, Шрам передал им неплохую зарисовочку моей физиономии. Откуда она у него? Опять все упирается в некоего кукловода и его таинственные планы. На этом все, хотя есть еще один штришок. Когда мы сошлись в поединке с одним из наемников, магичка колданула, но никакой стражи или патруля не появилось, хотя боевые заклинания в черте города запрещены, а чары были именно боевые.

Мы снова помолчали. Маг вновь достал бутылку и плеснул себе немного. Отпил.

- И какие же выводы ты сделал?

- Самые простые. Первое - вы сговорились с Добряком и толково водили меня за нос. Скорее всего... да нет, я даже уверен - вы и есть тот самый Плащ, вы же свели меня с наемниками, вы расчистили дорогу к замку «бутылки». Так что встречаемся мы с вами не в третий раз, а в четвертый. Но я так и не смог понять - зачем?

Граф долгое время всматривался в мое лицо, а потом расхохотался. Я только сильнее сжал стрелку.

- Ну на твердое «хорошо» ты натянул, - сказал он, утерев выступившие слезы. Заметив мое недоумение, добавил: - А кто тебе, мил-человек, сказал, что экзамен закончится в замке цели и что вообще сама цель и является экзаменом?

Моя челюсть со скоростью грузового лифта двинулась к ядру планеты. Слона-то я, мать его, и не заметил. Два плюс два сложил, а вместо четырех получил теорию всемирного заговора. А все было под носом, все было так просто...

- Заграф дир гос! - выругался я, схватил бутылку и, не стесняясь, приложился прямо к горлышку. - Это я что, жизнью рисковал, чтобы отметку получить?!

- А кто говорил, что будет легко? - развел руками граф и достал вторую бутылку. - Да, получить, и не только отметку. Главная цель была дать тебе необходимый жизненный опыт. И да - Добряк действительно мой родственник, брат в каком-то роде. Мы с ним долго спорили, он вообще хотел тебя в Рагос засунуть, в самую гущу подковерных интриг! Но я настоял на более подходящем для тебя занятии. К тому времени я уже достаточно хорошо тебя изучил и решил, что война будет самым оптимальным вариантом. Так оно, судя по всему, и вышло. Предупреждая твой неозвученный вопрос - встречаемся мы уже в пятый раз. Сам догадаешься?

Я немного повертел эту мысль, подождал, пока все уляжется, и меня осенило:

- Тот парнишка...

- Bravo! - захолопал в ладоши граф. - Это действительно был я. И чтобы ты знал, порталы - это вообще миф. Кстати, не подскажешь, почему крестьянский отпрыск не удивился, когда ему рассказали сказочку о дырках в пространстве?

- Сами догадаетесь? - вернул я подколку.

- Да уж постараюсь, - подмигнул маг. - Ну ладно, сам-то как?

Я вздохнул, убрал шляпу, положил стрелку на стол, пододвинул второе кресло и закинул на него ноги. Предстоял очень долгий разговор.

К концу истории день за окном сменился сумерками, а на столе стояла третья, лишь наполовину полная бутылка. Старый волшебник оказался очень толковым собеседником, в нужных местах задавал наводящие вопросы, не мешал раздумывать над ответами и внимательно слушал.

- Эх, - закричал он и хрустнул суставами. - Разбередил ты мне душу. Прямо хоть самому на коня да в поле, но годы, ах'гиф зист руд, берут свое.

- Мне вот что еще неясно, - покачал я бокалом, где на донышке плескалась янтарная настойка. - Понятно, вы с Добряком братья, хоть я и не понимаю, как это возможно, но с чего такая забота о моей скромной персоне? И не стоит заливать про добрые дела!

- Ответ ты уже знаешь, - пожал плечами маг и, порывшись в столе, выудил кипу бумаг. - Когда перестанешь отрицать очевидное, приезжай, поговорим более обстоятельно. А сейчас у меня есть к тебе предложение. Насколько мне известно, тебе не хватает тридцати золотых для оплаты первого года. И не делай такое лицо, банки наемников - это не самые надежные заведения. И раз уж зашел разговор о надежности, советую хранить сбережения в «Гастоне и сыновьях». Ну ладно, перейдем к делу. Подработать хочешь?

Я проглотил укол про банки и, обдумав ситуацию, решил, что хоть послушать предложение можно.

- Предположим.

- Что ж, тогда предлагаю работу телохранителя. Всего на один день. Сопроводишь одного человечка до столицы - и дело с концом. А я тебе рекомендацию напишу. Ну мало ли... может, когда-нибудь захочешь всерьез заняться этим ремеслом.

Граф явно делал довольно прозрачный намек, а я не стал строить из себя дурачка. Рекомендация действительно нужна. Ну и деньги опять же - три десятка золотых.

- Вполне приемлемо, - согласился я. - А кого охранять?

Граф открыл рот, но тут в кабинет ворвался настоящий вихрь, обернувшийся смутно знакомой и довольно симпатичной девушкой. Теперь я могу оценивать женскую красоту достаточно объективно. Ладная фигурка, изящные бедра, пухлые губки, волнистые волосы и аккуратное личико. Не красавица, но невероятно мила.

- Дедушка, мне нужны наши гвардейцы! - крикнула леди.

- Помянешь темных... - закричал граф. - А вот, собственно, и твоя подопечная, Ройс.

Я еще раз взглянул на девушку, и в ее глазах промелькнуло узнавание. Узнал и я.

- Ты!!! - завопила она.

- Еще три серебрушки накиньте, - сказал я, удерживая на весу трепыхающуюся девушку. Она уже отбросила попытки задушить меня и теперь активно работала ногами, пару раз даже попала.

- Вижу, вы уже знакомы? - не без удивления спросил старик.

Я только вздохнул и посмотрел в окно. И чем я так провинился? Кто ж меня за язык тянул? Да и работка предстоит не сахар. Мне что, самому теперь телохранителя нанимать?

Когда Лизбет успокоилась, то выдала гневную тираду, из которой я уяснил, что меня ждут самые страшные муки, по сравнению с которыми общество демонов бездны - это просто детский утренник. Высказавшись, леди вздернула носик, надула губки и ушла в неизвестном направлении. Мы с графом посидели еще немного, выпили, потом закусили принесенным ужином. Когда все или почти все вопросы были решены, я удалился в гостевую комнату.

Понятное дело, что недавний бродяга и наемник – это не самое притязательное существо, но такое великолепие заставит присвистнуть кого угодно. Надменный седой дворецкий отвел в меня в восточное крыло и даже выдал ключ. Немного помучившись с неподатливым замком, я таки попал в помещение. Тут же вспыхнули магические светильники, освещая огромное пространство площадью примерно семьдесят квадратных метров, что для одной комнаты действительно многовато.

Изношенные, потертые ботфорты я кинул на кресло, обитое бархатом, грязный плащ полетел на стул. Мятая с прорехами рубашка упала туда же. Оставшись лишь в штанах да с повязкой на руке, я плюхнулся на поистине королевскую кровать. Дернув за шнур, позволил балдахину закрыть пространство. Как только голова коснулась подушки, я тут же провалился в сон. Все-таки такой роскоши, как перина, теплое одеяло и перьевая подушка я был лишен уже семь долгих лет.

Утром, размявшись, я умял завтрак, стоявший на столике рядом с дверью, и, облачившись в родные обноски, отправился блуждать по коридорам. Когда я в очередной раз забрел в какой-то тупик, то проклял здешних планировщиков и выпрыгнул во двор.

Дул свежий ветер, наступила моя любимая декада. Почти год прошел с тех пор, как я валялся на холме и, казалось, держал на ладони весь мир. Но, увы, этот самый мир оказался куда больше, чем залитая солнцем и покрытая травой долина. Леса сменялись горами, реки – озерами, моря – океанами, города – странами, а конца все не было. Наверное, за одно это можно влюбиться в Ангадор, бесконечный мир, полный самых ярких красок.

Побродив по уютному саду, я миновал беседку и вышел к конюшне, где уже собрались все действующие лица. Смурная Лизбет, гордо восседавшая на пегой кобылке, уставший граф, нервно теребящий бороду, и надменный дворецкий, держащий за уздцы Шурку.

- Вас не так-то просто найти, – съязвил граф.

- Спасибо хорошим учителям, – развел я руками.

- Надо же, а я подумал, вы о побеге размышляете.

- Не без этого, – согласился и вскочил на коня. – Но тридцать золотых на дороге не валяются.

Дворецкий учтиво поклонился и отошел в тень. Лизбет, все еще морща носик, пришпорила лошадь, отправляя ее в галоп.

- Ройс! – властноскомандовал граф, и Шурка, который уже накрепко напряг все мускулы, чтобы сорваться в карьер, замер, словно окаменев.

- Что?

- У меня к вам еще одна просьба. Присмотрите за внучкой в Академии...

Я взглянул на волшебника, но увидел лишь сгорбленного старика.

- Хорошо, – кивнул я и хлопнул коня по шее. – Вы только не отправляйтесь к брату раньше, чем ответите на мой вопрос.

Ответ я уже не слышал. Шура мчал во весь опор, и свист ветра перекрывал все остальные звуки. Вскоре я догнал Лизбет, но не стал ее останавливать, просто пристроился сбоку и

сбавил темп. Мой четвероногий друг – это не какая-то заезженная кобыла, это почти боевой конь, разве что породой не вышел. Сколько мы с ним битв пережили! Он и огонь перепрыгнет, и в бою поможет, как лягнет кого-нибудь – считай минус один вражина. В общем, Шура за последний год из простой ездовой лошади превратился в верного товарища, сильного и умного. И сама мысль о том, что его придется ставить в стойла Академии, заставляла мое сердце обливаться кровью. Хотя в этом есть и свои плюсы. Ведь и копытному надо развлекаться, а там хоть кобылки будут, не то что у наемников...

- Я в состоянии и сама добраться до столицы, – ядовито прошипела девушка, оставив все попытки вырваться вперед.

- Не сомневаюсь, – пожал плечами я. – Но работу все же выполню.

Лизбет хмыкнула, в очередной раз попыталась дотянуться точеным носиком до неба и замолчала. До самого вечера мы не проронили ни слова. Впрочем, я не особо и хотел чесать языком. Погода стояла прекрасная, вокруг зеленела природа, пели птицы, что еще для счастья надо? Возможно, пригодились бы новые ножны для сабель, а то в этих они болтаются и того гляди выпадут, но это дело наживное, а так – тишь да благодать.

Когда на небе уже пылали звезды и луна, я завел нас на опушку и, спрыгнув с коня, хотел помочь спуститься Лизбет. Но та отмахнулась и спорхнула на землю. Пожав плечами, я расстелил многострадальный спальник, пропахший дымом и другими сопутствующими запахами. Я на это уже давно перестал обращать внимание, а вот девушка явно не привычна к такому. Она прикрылась платочком и отошла на почтительное расстояние, где (надо отметить, без моей помощи) развернула свою подстилку. А с виду и не скажешь, что в походах бывала. Хотя с таким-то дедушкой...

Закончив с приготовлениями, я набрал хвороста, достал огниво и запалил костер. Трещали ветки, пели сверчки. По старой привычке я пододвинул спальник как можно ближе к огню и положил под изголовье кинжал. Лизбет же, наоборот, устроилась на самом краю, туда еле-еле дотягивал жар. Я подумал, что неплохо бы все же поговорить, но леди уже свернулась калачиком и демонстративно повернулась к лесу передом, ну а ко мне – не самой кошерной частью тела. Улыбнувшись, я снял черный от копоти котелок и плеснул в кружку кипятка. Повалил густой ароматный пар – листья пивницы, местной мяты, обладали поистине потрясающим запахом и вкусом. Отхлебнув немного, я разлегся на земле, расслабился и закемарил.

- А-а-а-а!

- Р-р-р-р!

Вскочив и вылив на ноги холодный чай, я узрел следующую картину. Лизбет, держа в дрожащей руке кинжал, стояла напротив черного как смоль волчары с ало-красными глазами и оскаленной пастью.

- Сделай что-нибудь! – завопила девушка.

Хищник прижал уши и пригнулся к земле.

- Не стой столбом! Убей его!

Признаться, на мгновение я растерялся. Казалось, всего секунду назад я просто прикрыл глаза, а судя по всему, выпал из реальности на добрых три, а то и на все четыре часа. Вон даже

костер потух. Всех демонов бездны мне за пазуху! Прокол, достойный желторотого новобранца, – заснул на посту, ну просто обалдеть.

- Спокойно, – прошептал я и стал по-крабьи, бочком, перекрывать линию броска.

- Да прикончи ты его! – уже почти плакала будущая волшебница.

Волк продолжал рычать и скалиться. Задние ноги уперлись в землю, правая передняя чуть выставлена вперед, он готов нападать и убивать.

- Эй, зубастый! – рыкнул я на него. – Дуй давай отсюда, пока по самый хвост не огреб!

Черный от такой наглости ошалел и оттопырил уши.

- Проваливай, сказал. А то сейчас шашлык-машлык из тебя делать буду!

Тут я начал махать руками и топтать ногами. Волк, кажется, окончательно выпал в осадок. Он склонил голову набок и, спрятав оскал, будто спрашивал: «Батенька, а не сошли ли вы с ума?» В конце концов через минут пять он, клянусь всеми богами, пожал плечами и, развернувшись, свалил в чашу. Утерев выступивший пот, я наклонился к кострищу, собрал ветки и снова зажег огонь. Только после этого до меня донесся слабый стон. Лизбет, упав на колени, спрятала лицо в ладошки, по ее пальцам струились серебряные слезы. Во второй раз за ночь я растерялся. За последние семь лет это первая женщина, которая плачет в моем присутствии, так что я не сразу сообразил, что надо делать. Но уже скоро достал плед, накрыл ее и, когда разогрелся котелок, протянул мятного чаю.

- Все уже хорошо, – мягким шепотом успокаивал я ее.

- Спасибо, – поблагодарила Лизбет, утерла слезы и отхлебнула чаю. – Вкусно.

- Еще бы, – хмыкнул я. – Мой рецепт. Так что цени.

Подтащив лежак, я уселся рядышком и тоже плеснул себе чайку. Вскоре я обнаружил, что правому плечу стало как-то тяжелее. Оказалось, Лизбет за неимением лучшего решила использовать его в качестве подушки.

- Почему ты его не убил? – спросила она.

Хороший вопрос. Можно ответить честно – мне лень возиться с дохлой тушей, а можно...

- Жизни не хватит – всех убивать.

- Ты поэтому тех мужиков в таверне не прибил?

- И поэтому тоже.

Графиня поерзала, устраиваясь поудобнее, и вскоре задышала ровнее.

- Завтра я снова буду зла на тебя, – сквозь сон прошептала она. – А сегодня, пожалуйста, останься со мной.

- Как пожелаете, ваша светлость.

М-да, этой ночью я выпил чаю больше, чем за последние полгода. И когда небо тронули первые

рассветные лучи, посчитал за радость разбудить спящую красавицу. Лизбет, едва продрал глаза, вскочила и умчалась куда-то в глубь леса. Разведя руками, я собрал лагерь, на автомате замел следы и забрался на коня. Скоро ко мне присоединилась сама леди.

Вопреки своему обещанию сегодня она не доставляла особых хлопот. Держала темп, не пыталась вырваться, да и вообще была тише травы и ниже воды. К полудню мы добрались до столицы. Эх, бывают вещи, которые не меняются даже по прошествии тысячи лет. Нас встретили все те же высокие стены, три очереди и стражники, изнывающие от жары. Правда, в этот раз мне посчастливилось обойтись без долгих мытарств и взяток. У самых ворот нас ждали люди графа, они и забрали Лизбет. Та даже не обернулась. Кинув мне туго набитый мешочек, предводитель воинов, закованных в явно дорогие латы, что-то сказал. Вероятно, выдал оскорбительный намек. Но, пропустив укол мимо ушей, я во весь опор помчал в сторону банка наемников.

Это мой второй приезд в славную столицу, и опять я натываюсь на толпы народу. Благо теперь я не глазею на архитектуру и не рискую быть задавленным, так как сам нахожусь на проезжей части. Миновав улицу Плотников и оставив за спиной торговые ряды, я очутился на небольшой площади Четырех Банков. Один, самый высокий, с мраморной облицовкой и широким парадным крыльцом, носил название «Гастон и сыновья». Как нетрудно догадаться, принадлежал он гномьей братии. Увы, это мимо меня.

Следующим заведением был «Густав и братья», практически брат-близнец предыдущего банка. Еще одна гномовская конторка, видимо, конкурент первой, – и снова мимо. Третье здание, низенькое, невзрачное и без крыльца, – государственное заведение, аналог сбербанка, но снова мимо. Цель моего путешествия – одноэтажная халупа с выцветшей вывеской, на которой изображен меч и арбалет.

Спешившись и привязав Шурку к столбику, я, придерживая шляпу, зашел внутрь. Здесь было не лучше: скрипучий пол, обшарпанные стены и невзрачный старичок за стойкой.

- Чего желаете? – проскрипел пожухлый дед.

- Хочу выписать чек.

- Сумма?

- Все имеющиеся деньги на счету.

Старик покряхтел, нагнулся и достал какой-то артефакт, с виду кажущийся обычной железной пластиной.

- Приложите ладонь, – попросил клерк.

Недолго думая я выполнил его указание. По руке пробежали мурашки, а старик на пару секунд прикрыл глаза.

- Четыреста восемьдесят золотых ровно, – сказал он. – На чье имя выписывать?

- Оставьте эту графу пустой.

- Срок?

- До востребования.

Снова кряхтение, и старик выуживает тоненькую книженцию. Потом дергает из нее бланк, выводит там несколько каракулей и прижимает к нижнему углу перстень.

- Прошу.

Приняв чек и откланявшись, я вышел на улицу, вскочил на коня и во весь опор помчал к Академии. Сердце бешено билось, в висках стучала кровь. Казалось, что я снова на Мальгромской стене, передо мной сотни нимийцев, а по бокам лишь пропасть и смерть.

Конечно, тогда я выжил, но мандраж все не уходил. Спустя десять минут скачки я очутился прямо перед внутренней стеной. В этот раз здесь было просто море народу. И мне стало неуютно.

Подъезжали кареты, и из них вытекали, да-да, именно вытекали, настоящие леди в дорогих платьях. Рядом стояли кавалеры в парадных мундирах или фраках. Все вокруг сверкало. Перстни, алмазные подвески, серьги, кольца. Да здесь драгоценностей больше, чем в сокровищнице императора! Видимо, у местного высшего общества прием в Академию – это еще один повод покрасоваться своим достатком. И на этом фоне я выглядел, скажем так, не очень презентабельно. Наконец форменное издевательство (потому как каждый считал своей обязанностью бросить уничижительный взгляд в мою сторону и презрительно хмыкнуть) закончилось, и распахнулись двери.

Абитуриентов встретил мужчина средних лет, крепко сбитый, с густой черной бородой и жесткими чертами лица.

- Добро пожаловать! – прогремел он. На площади тут же воцарилась тишина. – Рад приветствовать вас на ежегодном испытании! Для начала объясню правила. Сейчас мы дружной колонной шагаем в административный корпус, где экзаменационная комиссия задаст вам несколько вопросов. В случае успеха состоится проверка магических способностей. Если все хорошо и здесь, то вас направят в казначейство, где вы оплатите минимум один год обучения. После этого считайте – вы студизус. На этом все. Прошу за мной!

Встречающий развернулся и повел нас куда-то вглубь. Кстати, одет он был в самую обычную одежду, хотя я ожидал мантий, балахонов или ливрей. Сама же Академия не показалась мне чем-то особенным – обычный студенческий городок. Широкие улицы, утопающие в зелени, двухэтажные здания и несколько фонтанов – вот и все, что мне довелось увидеть. Вскоре мы уже выстроились в очередь перед длинным корпусом. Взглядом я выискивал Лизбет, но так и не смог ее отыскать. Очередь продвигалась не спеша. Впрочем, я каким-то неведомым чудом оказался чуть ли не в голове колонны и уже через двадцать минут предстал перед комиссией. За это время сюда успели попасть пять человек, и лишь один из них не вернулся, что свидетельствовало об успехе. Сейчас у меня сосало под ложечкой и слегка трусились колени.

В овальном зале за полукруглым столом сидели шестеро. Пожалуй, стоит описать каждого. Начну с крайнего левого. Им оказался наш встречающий, и заострять на нем внимание незачем. Справа от него сидела леди. Старые глаза сильно выделялись на фоне молоденького напояженного личика. Мне она сразу не понравилась, от ее цепкого взгляда оторопь берет. Далее у нас пузан с лысиной и моноклем, прямо Ози номер два. Понятное дело, к нему я тоже не испытывал симпатий. Четвертым был глубокий старец с редкими, почти прозрачными волосами, желтыми ногтями и ярко-голубыми глазами. Казалось, он смотрит не на меня, а сквозь меня – знакомый взгляд, не предвещающий ничего хорошего. Предпоследним в комиссии оказался мой ровесник, парень лет двадцати с безбашенной улыбкой. И шестой, вернее, шестая – пожилая леди, но она была столь обычна, что взгляду не за что зацепиться, ее

и описывать пока не стоит.

- Имя? - спросил пухлый.

- Ройс, - ответил я и, улыбнувшись, добавил: - Тим Ройс.

- Откуда родом и немного о себе: краткая биография, чем занимался, почему хочешь стать магом.

- Родился и вырос в деревне Чистые Ключи, в возрасте четырнадцати лет попал в замковые слуги к графам Гайнесским, но через год замок пал. И я оказался на улице, но, слава богам, меня подобрал странствующий воин. Мы с ним много путешествовали, а потом я узнал, что обладаю магическими задатками, ну и решил испытать судьбу. Правда, денег не было, поэтому год назад пошел в наемники. Вот, собственно, и все.

- Где служил? - осведомилась обладательница молоденького личика и старых глаз.

- В «Пробитом золотом».

Девушка кивнула и что-то отметила в своем листке.

- А почему магом-то хочешь стать? - спросил ровесник.

- Потому что могу, - пожал плечами я.

Экзаменаторы переглянулись, и лишь старик все продолжал глядеть сквозь меня.

- Ладно, - махнул рукой пузан. - Милорд Сонмар, проверьте юношу.

Сердце забилось со скоростью бегущей лани, на спине выступил пот.

- Юноша, - вопреки ожиданиям у старика с небесно-голубыми глазами оказался очень чистый голос, - вы уверены, что хотите стать магом? Я вижу, у вас есть задатки, но они не очень велики, я бы даже сказал - малы. Вы потратите пять лет и целое состояние, но в итоге не получите ни славы, ни богатства, ни уважения, да и силы особой тоже.

Остальные маги зашептались. Кажется, они были недовольны стариком.

- Слава не спасет меня от холода, если я окажусь пещерах Харпуда, - пожал плечами я. - Я не смогу наестся золотом, блуждая по лесу, в бою уважение не прикроет мне спину. Ну а сила... - Тут я приобнажил клинки и снова убрал их в ножны. - Я не считаю себя слабаком.

- Что ж, видят боги, - старик приподнял краешки губ, - буду рад видеть вас на своей кафедре.

Лица экзаменаторов вытянулись, а пожилая мадам схватилась за сердце.

- Заклинатель, - произнес свой приговор седовласый. - Чертильщик.

Эпилог

Герцогиня Рейла эл Гийом

Рейла наконец-то сбежала от этого Дирга. Он слишком близко к сердцу принял наставление главы рода и действительно не отходил от сестренки ни на шаг. Вскоре это стало доставать.

Так что когда комиссия выдала вердикт «стихийница», юная герцогиня выбежала во внутренний двор, всучила казначею чек и смылась в неизвестном направлении. Но вот беда, она совсем не умеет ориентироваться в пространстве...

- Где я? - прошептала леди.

Она обнаружила себя в каком-то парке, вокруг были одни деревья и трава. Девушка запаниковала и бросилась напролом. Продравшись через какой-то куст, она очутилась у подножия холма. На возвышении рос раскидистый толстенный дуб. Рейла решила забраться на холм и осмотреться: может, ей удастся найти дорогу и избежать подколок Дирга, а он ей такое точно не забудет.

Подобрав подол платья стоимостью сто двадцать золотых, она, аккуратно переставляя ноги, забралась на вершину и чуть не свалилась вниз. В тени, отбрасываемой кроной, устроился, прислонившись к стволу, молодой парень. Рядом с ним лежали черная шляпа и свернутый плащ той же расцветки. Юноша, закинув руки за голову, жевал травинку и мечтательно улыбался. Герцогиню разобрало любопытство. И дурак бы догадался, что этот некто не принадлежит к высшему свету и даже не дворянин, но при всем при этом он не обладал теми мужланскими чертами, свойственными остальным простолюдинам. Наоборот, лицо у него было доброе, с мягкими чертами.

- Прекрасный день, не правда ли? - Голос у него оказался очень приятным и смутно знакомым.

- День как день, - удивилась герцогиня.

- Возможно, - протянул незнакомец. - Но вы присядьте сюда. - Он похлопал рукой прямо рядом с собой.

Рейла растерялась. Это оскорбление? Или он просто не соображает, с кем говорит, из-за закрытых глаз?

- Присядьте, закройте глаза и наслаждайтесь. Не упустите возможность, иначе придется ждать еще целый год.

Герцогиня Гийом помялась, но все же присела на траву. Платье ей было не жалко, а вот любопытство стало непреодолимой силой. Прикрыв глаза, леди стала ждать, сама не зная чего. Когда чаша терпения уже почти наполнилась, Рейла ощутила нечто такое, что сложно передать словами. Тревоги куда-то ушли, вместо них на душе воцарилось спокойствие. Ласковые лучи солнца больше не казались палящим зноем, крона надежно укрывала от жара дневного светила. Северный ветер приносил прохладу и приятно обдувал лицо. Герцогиня задышала ровнее. Впервые за долгое время она смогла забытья. Природа обволакивала ее и качала, как заботливая мать качает ребенка. Теперь Рейла поняла, о чем говорил незнакомец. Но ей также показалось, что, если оставить все как есть, фактически это будет означать поражение, а ее род никогда не проигрывает.

- Если у тебя есть свободное время, лучше потратил бы его на что-нибудь стоящее, - упрекнула она незнакомца, впрочем даже не пытаясь открыть глаза.

Вдруг парень рассмеялся, но смех не был обиден, наоборот, от него веяло теплотой и радостью.

- Времени у меня теперь столько, что хватит на несколько жизней, - ответил он. - Так куда же мне торопиться?

Девушка не нашлась с ответом, ведь маги действительно живут дольше обычных людей. Но отступать она не собиралась и поэтому крепко задумалась над контраргументом.

- Миледи, - раздался чуть насмешливый голос, - вам не пристало находиться в обществе грязной обезьяны.

Рейла вскочила на ноги, но вовсе не из-за того, что ее задели эти слова. Она была обижена за этого парня, подарившего ей пусть минутный, но покой. На холме стояли еще трое парней, но двое из них были моложе незнакомца - примерно того же возраста, что и герцогиня. На них были богатые костюмы, но при этом у всех троих отсутствовал некий внутренний стержень.

- С каких пор дворянин указывает аристократу, что ему делать? - В голосе Рейлы звучала сталь.

Предводитель троицы широко распахнул глаза и тут же галантно поклонился.

- Прошу простить мне мою грубость, - затараторил он. - Я беспокоился лишь о вас.

- Разве я просила об этом?

- Прошу простить меня, - повторил юноша. - Больше не смею вас беспокоить.

Он развернулся и зашагал прочь. За ним поспешили и остальные, правда, один, которому было за двадцать, задержался. На его лице отразилась напряженная мысленная работа, будто он силился узнать кого-то, но не мог. Впрочем, через мгновение и он убрался с холма.

- Надеюсь, вы... - Рейла обернулась к незнакомцу и замерла.

Куда-то подевалось доброе юное лицо, на его месте теперь был страшный оскал матерого хищника. А взгляд буквально лучился яростью и жаждой крови. Помилуйте боги, от такого взора сами демоны сбегут обратно в бездну! Неожиданно герцогиня ощутила, как дрожат коленки и замирает сердце. Она застыла, поглощенная первобытным животным ужасом. Но наваждение прошло, и юноша снова стал добр и беззаботен. Он поднялся, поклонился и с улыбкой сказал:

- Спасибо, миледи.

Рейла так и осталась стоять, глядя вслед юноше. Вскоре она решила, что это была просто игра света и тени, а еще через мгновение на поляне появился запыхавшийся рыжеволосый парень.

Тим

Говорят, долги надо возвращать. Что ж, я затянул с этим на долгих семь лет. Пора уже отплатить Ройсу за подаренную жизнь. Я усмехнулся. Наверное, демон на левом плече сейчас смазывает трезубец, а ангел, сидя на правом, точит меч.

- Это будет веселый год, - усмехнулся я, вспоминая лица, которые не смогу забыть даже в следующей жизни. - Это точно будет самый веселый год...